Милош Мацоурек

ПЛОХО нарисованная КУРИЦА

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1989

МИЛОШ МАЦОУРЕК

Перевел
с чешского А. Серобабин
рисунки Г. А. В. Траугот

Плохо
нарисованная
курица
сказки

83.34Че
М36

М $\frac{4804010100-038}{М158(03)-89}$ 63-89

ISBN 5—7529—0157—X

Несколько слов от переводчика перед тем, как вы начнете читать сказки

Живет и здравствует в стобашенной Златой Праге сказочник Милош Мацоурек. Однажды я прочитал его сказки. Мне они очень понравились, и я подумал: а почему бы не перевести их с чешского языка на русский? Если понравились мне, наверняка и другим могут понравиться. Они вроде бы для детей, а вроде бы и для взрослых, вроде бы в них сплошная выдумка, а вроде бы и нет, вроде бы все происходит в Чехословакии, а вроде бы и не только там.

Что в Чехословакии — это точно. Где еще на свете есть города Колин и Либерец, Брно и Оломоуц? Только в Чехословакии! Или, например, где еще говорят школьному сторожу «пан школьный сторож», а директору школы — «товарищ директор»? В Чехословакии! Не удивляйтесь этому. Есть тут некоторая тонкость: ко всем, кто уже вышел из детского и юношеского возраста, принято обращаться «пан» и «пани». А к некоторым — «товарищ». Вежливость того требует.

«Пан» вовсе не означает «господин». В Чехословакии и пан может быть товарищем, и товарищ паном. Но уж если товарищ, значит — коммунист. Стало быть, и спрос с него больший. И пусть об этом знают все!

Необычные у Мацоурека сказки. И названия у них необычные. Скажем, такое: «Почему теперь в школе больше не таскают за уши». Начинаешь читать — вроде бы ничего особенного, потом вдруг неожиданный поворот, а конец совсем уж неожиданный.

Сказки Мацоурека пронизаны изящным и мягким юмором. Однако встречаются и саркастичные — язвительные. Вы это увидите, когда познакомитесь с историями о том, как Юлия полюбила жареные индюшки, как хомяк съел Деда Мороза, что сотворила с собой черепаха, возненавидев свою соседку.

Нравится мне неожиданная авторская выдумка. В разных странах бывает: одинаково названы два города. Как их различать? Если через один из них протекает река, то у нас, по-русски, говорят, к примеру,— Ростов-на-Дону. А в Чехословакии города не НА реках, а НАД реками. Вот и придумал Мацоурек сказочный город Зонтик на реке Княжна, а получился Зонтик-над-Княжной.

И еще о выдумке. Может ли на что-нибудь сгодиться дырявая кастрюля? А чем способен удивить водопроводный кран или, к при-

меру, макароны? Оказывается, дырявая кастрюля ой-ей-ей что может натворить! Водопроводный кран способен удивить, да еще как! Макароны же, особенно итальянские спагетти, выделывают у Мацоурека такое... Фантастика, да и только!

Итак, живет и здравствует в стобашенной Златой Праге сказочник Милош Мацоурек. Ну, если уж быть более точным, то он не только сказочник-прозаик, а еще и драматург, и киносценарист. Сейчас он уже дедушка, внуков своих любит и не обходит вниманием, не то что дедушка из сказки «Якуб и двести дедушек». А в молодости, когда он еще и не помышлял стать дедушкой, как почти все молодые, писал стихи. Вы почувствуете поэтичность сказок. Хотя они и написаны в разные годы — первые появились в сороковых,— поэт ощутим в них и по сей день.

Я уже говорил, что дарование писательское Мацоурека разностороннe, то, о чем он пишет, понятно и созвучно многим людям не только в Чехословакии. Книги, пьесы, сценарии, по которым поставлены тридцать один художественный кинофильм, семь мультипликационных телесериалов, читают и смотрят миллионы взрослых и детей во многих странах. Если вам представится возможность и будет желание, познакомьтесь с его кинокомедией «Девица на помеле», мультфильмами «Зузанка учится писать», «О носороге, который боялся прививок», с мультипликационным телесериалом «Мах и Шебестова», популярным, как наш «Ну, погоди!». Сказки вышли уже в двенадцати странах, даже в далекой Японии. Собираются печатать в Чикаго. Изданы они, как видите, и у нас, в Советском Союзе.

Работать этим сказкам долго. До тех пор, пока на свете будут дети. Маленькие и большие. Ведь маленькие всегда (не все, конечно) шалят и не слушаются родителей, как Криштофик, который прятался в миксере; всегда капризничают, как та Аленка, что стерла резинкой маму, а потом вынуждена была нарисовать ее заново; всегда врут, как Конрад, который писал носом; всегда хворают, как Йонаш, пока не закалятся холодной водой.

Большие дети тоже хороши! Такие, например, как Мартинек: уже и усы отрастил, а из детской курточки все никак не выберется. Или как Матильда. Зубрила так, что одной головы оказалось мало. А Сильвестр? Образцово-показательный до того, что превратился в кухонный шкаф.

Где есть дети, там есть и школы. С классами и кабинетами, партами, классными досками и классными журналами, с директорами, учителями, инспекторами и сторожами, с панами, пани и товарищами. А в школах проблемы: как не таскать за уши, если в пятом «Б» восемьдесят семь учеников? Или: куда девать учительниц, которые знают меньше своих учеников, отметки ставят несправедливо и занимаются показухой перед товарищами инспекторами?

Перевел я сказки и подумал: а почему бы мне лично не познакомиться с автором? Перевод готов. Книга издается. Поеду-ка я по-

толковать с ним, есть ведь о чем. И вот в прошлом году сел в самолет, прилетел в Злату Прагу и встретился с Милошем Мацоуреком. Он обрадовался, узнав, что скоро его сказки будут читать на русском языке.

Понравился мне этот подвижный и остроумный человек. За шестьдесят перевалило, а энергии еще на столько же хватит. Рассказал он мне немало интересного о себе, о своем творчестве. Я с ним поделился мыслями о переводе, о том, как издается книга, пожелал ему творческих успехов и поехал домой в Ленинград. Приехал и подумал: а почему бы не сказать обо всем этом несколько слов читателям перед тем, как, взяв в руки книгу, устроившись поудобней, они примутся читать сказки? Взял и написал. А за то, что вы терпеливо дочитали эти несколько слов до конца,— спасибо вам.

Переводчик

О Криштофике, который спрятался в миксере

Жил-был один маленький мальчик-лакомка, звали его Криштофик. Больше всего на свете он любил торт с кремом из сбитых сливок. И вот однажды мама его собралась печь торт ко дню рождения тетушки Анежки. Криштофик обрадовался и запел про себя: «Ура! Ура! Мама печет торт с кремом из сбитых сливок!». Он ни за что не хотел уходить из кухни, хотя мама сказала ему:

— Пойди-ка лучше поиграй на пианино. Ты ведь обещал тетушке Анежке в день ее рождения сыграть песенку «Колокольчик синенький, нежно звени».

Но Криштофик подумал: «Как же, стану я играть на пианино, когда мама печет торт с кремом из сбитых сливок. Спрячусь-ка я где-нибудь в кухне, и мама меня не найдет». А так как Криштофик был очень маленький, то без труда спрятался в миксер, куда уже налили сливки, и тут же принялся их уплетать за обе щеки.

А мама — ну откуда же ей было знать, где спрятался Криштофик,— включила миксер. Миксер сделал «бжжжжжж», и Криштофик превратился в крем, даже не заметив, как это получилось.

Торт испекли. Удался он на славу: сверху крем с черешнями, в середине мармелад, а запах!.. Запах от него шел потрясающий.

Торт уложили в коробку, коробку перевязали розовой ленточкой и отправились к тете Анежке.

Лежа в коробке, Криштофик разговаривал сам с собой: «До чего же мне хорошо живется! Несут меня в коробке, вкусно пахнет торт. Сверху на нем крем с черешнями, в середине мармелад! А что, если я попробую всего понемножку?»

И стал он пробовать. Попробовал сверху, попробовал из середины — словом, какую-то часть торта съел. Открыла тетя Анежка коробку да как закричит:

— Что это значит? Зачем же вы мне дарите обкусанный торт, словно его мыши грызли! Я такой торт есть не стану.

А Криштофик и говорит:

— Вас, тетушка Анежка, есть торт никто не заставляет, не хотите, и не надо, я сам его съем!

И действительно, чуть было не съел торт. Но тут, на счастье, вмешался папа и сказал:

— Хватит! Не смей больше трогать ни кусочка! Ты ведь обещал тете Анежке поиграть на пианино.

Но тетушка закричала:

— Я не разрешаю Криштофику играть на пианино, раз уж он превратился в торт с кремом. Он измажет все клавиши, кто их потом будет оттирать.

А папа говорит:

— Не волнуйтесь, тетушка. Принесите-ка миксер и увидите, что сейчас будет.

Тетушка принесла миксер, папа положил в него крем, запустил миксер в обратную сторону, миксер сделал «жжжжжжб», никто даже глазом не успел моргнуть, как из него вылез Криштофик. Только был он чуть поменьше прежнего.

— Ну вот, а теперь садись и играй,— сказала мама. Криштофик вскарабкался на стул и стал играть песенку «Колокольчик синенький, нежно звени». Только играть ему было неудобно, потому что ножки у него стали короткими и до педалей не доставали.

— Как же так получилось, что сегодня я меньше ростом, чем был вчера? — удивился Криштофик.

А отец говорит:

— Да как же тебе не быть меньше, если ты сам себя чуть было не съел? Теперь-то ты видишь, что получается, когда прячутся в миксере?

О Катержинке и толстом красном свитере

Жила-была, маленькая девочка, звали ее Катержинка. На рождество ей подарили очень красивый красный свитер. Но она не хотела носить его даже в самый сильный мороз.

— Почему ты не надеваешь свой красный свитер, Катержинка? — спрашивает ее мама.

— Не хочу! Он кусается,— говорит Катержинка.

— Не может быть,— говорит мама, подходит к шкафу, открывает его, а свитер на нее:

— Гав!

И кусает за палец.

— Надо же! — говорит мама.— Свитер кусается, как собачка. Вот кончатся морозы, мы его выпустим во двор, пусть караулит дом. А тебе я свяжу новый свитер из того, что тебе нравится.

— Тогда свяжи мне свитер из макарон-спагетти.

— А почему бы и нет? — сказала мама. И связала Катержинке свитер из горячих макарон-спагетти.

Катержинка отправилась в нем кататься на коньках, и все, кто ее видел, очень удивлялись: что это за необыкновенный свитер? Кое-кто даже хотел попробовать его на вкус, но Катержинка сказала:

— Ну да! Еще съедите рукав, а мне и так уже становится холодно.

Спагетти действительно очень скоро остыли, и Катержинка схватила насморк. Дома она отогрелась горячим чаем, повесила свитер в шкаф и пошла спать.

Представьте себе, утром Катержинка новый свитер на месте не нашла, в шкафу висел только прежний, красный. Катержинка набросилась на него:

— Где мой новый свитер? Признавайся, что ты с ним сделал?

И побежала на кухню с криком:

— Мама! Этот противный красный пес съел мой новый свитер из спагетти!

А мама ей и говорит:

— Ты, Катержинка, сама во всем виновата. Не надо было его вешать в шкаф, коль уж ты знала, каков он, твой красный свитер.

Подошла мама к шкафу и говорит:

— Разве так себя ведут, а?

Красный свитер покраснел еще больше и отвечает:

— Извините меня, но я был так голоден, что с удовольствием съел даже холодные спагетти. В утешение могу вам сказать, что, когда я сыт, я не кусаюсь. Вот погладьте меня попробуйте и сами убедитесь.

— А ты не врешь? — усомнилась Катержинка и попробовала его погладить. Красный свитер действительно не кусался, был мягкий и пушистый. Катержинка надела свитер и почувствовала себя в нем отменно.

Потом Катержинка каждый день за завтраком кормила свой красный свитер крошками от рогалика, а красный свитер с каждым днем толстел и толстел. Чем толще он становился, тем сильнее грел, и Катержинка теперь могла в нем кататься на коньках хоть с утра до вечера.

Барборка и леденцы

Жила-была девочка, звали ее Барборка. И был у нее полный рот маленьких беленьких зубов, один краше другого.

По утрам она чистила их красной зубной щеточкой и приговаривала:

— Вот погодите, скоро сами увидите, что сегодня вкусненького я вам дам пожевать.

— Только, пожалуйста, не давай нам ни сдобных булочек,

ни этих рогаликов, которые ты размачиваешь в кофе,— отвечали ей зубки.

Барборка в ответ смеялась:

— Ну как вам такое могло в голову прийти? Да ведь я их не ем! Это бабушка моя любит рогалики в кофе макать.

И Барборка давала зубкам жевать хлеб с маслом, телятину.

А маленькие беленькие зубки жевали и жевали, им это очень нравилось, потому что в самом деле — для того зубки и существуют, чтобы ими жевать. А по вечерам, прежде чем лечь спать, Барборка еще раз чистила зубки красной зубной щеточкой и спрашивала:

— Ну, как вам понравился сегодняшний день?

— Ты же сама знаешь, что он нам понравился,— отвечали зубки.— Хлеб был с хрустящей, пропеченной корочкой, мы ее с удовольствием жевали, поэтому и скучать нам было некогда.

— Ну, вот видите, как хорошо,— говорила Барборка, потом, глядя в зеркало, улыбалась зубкам, зубки улыбались ей, и они вместе шли спать.

Но однажды в гости пришла тетя Цецилия и принесла Барборке большой пакет леденцов.

Барборка поблагодарила ее:

— Спасибо, тетушка Цецилия, я очень рада.

Но когда тетушкины леденцы появились во рту, зубки нисколько не обрадовались и про себя подумали: «Как же теперь нам быть? Ведь леденцы не жуют, а сосут. Чем же нам теперь заняться, чтобы не скучать?»

И они договорились во что-нибудь друг с другом поиграть, в прятки, скажем.

— Только давайте сперва посчитаемся,— сказал один маленький зубик. Остальные с ним согласились:

— Правильно, давайте сперва посчитаемся.

Стали они считаться, и, как полагается в считалках, один вышел из игры: он выпал.

— Одного зубика не хватает,— заявила Барборка вечером, когда стала чистить зубы красной щеточкой,— один из вас выпал. Что бы это значило?

— То есть как это «что бы это значило?» — сказали зубки.— Ты целый день сосала леденцы, делать нам было

нечего, вот мы и стали играть в прятки. Ты же знаешь — для этого надо считаться. Мы посчитались, и один из нас выпал из игры.

— Больше, пожалуйста, так не делайте,— сказала Барборка.

Но зубки вовсе не собирались слушать ее покорно, и один, тот, что находился сзади всех, сказал:

— Ладно, Барборка, только ты перестань сосать леденцы, а то нам опять нечего будет делать.

— Это еще что за грубости? — прикрикнула на них Барборка и сильно нахмурилась.— Леденцы очень вкусные, мне

их принесла тетушка Цециленька, целый пакет. Я буду есть, покуда не съем все.

И она продолжала сосать леденцы один за другим. Зубкам делать было нечего, они опять стали играть в прятки, опять считались, и всякий раз какой-нибудь из них выпадал. Не успела Барборка доесть леденцы, как зубки вывалились почти все до единого и превратились кто в зубчик на ключе, кто в зубец гребенки. Во рту остался только один маленький беленький передний зубик, да и тот грустно смотрел на Барборку.

Барборка поглядела на него печально и сказала:

— Уж ты-то, надеюсь, не выпадешь?

— Нет, пожалуй,— ответил зубик,— мне теперь уже не с кем больше считаться.

— Это хорошо,— сказала Барборка,— у меня больше нет ни одного леденца, и я опять буду есть хлеб с маслом, телятину и капусту кольраби, сырую.

— Ну и глупая же ты, Барборка,— сказал зубик,— неужели ты думаешь, что я один со всем справлюсь? Надо, чтобы нас было много. Теперь тебе придется есть только сдобные булочки и рогалики, размоченные в кофе.

А Барборка подумала: «Ну и дела! Я же не люблю размоченные рогалики». А что поделаешь? И садилась теперь Барборка рядом с бабушкой, ела сдобные булочки и рогалики, размоченные в кофе.

Однажды в гости снова пришла тетушка Цецилия, остановилась в дверях и остолбенела:

— Уж не спятила ли я? — сказала она. — Откуда тут взялись две бабушки?

Якуб и двести дедушек

Жил-был один мальчик, звали его Якуб. Жил он со своим дедушкой. Дедушка был толстый, краснощекий, носил большую соломенную шляпу-панаму. Шляпу эту он очень любил. Якуба он тоже любил, но в чем-то они не сходились. То, что казалось Якубу совершенно очевидным, дедушку удивляло, а то, чему удивлялся Якуб, опять же казалось совершенно очевидным дедушке.

Жили они вдвоем в небольшом домике с верандой, рядом был огород, а в нем росла капуста. Куда ни глянь, повсюду

торчали кочаны. Некоторые размером с теннисный мячик, некоторые с волейбольный мяч. Росли они где только можно: возле калитки и возле веранды, а некоторые прямо на дорожке.

«Зачем столько капусты? И откуда она только берется?» — удивлялся Якуб и сокрушенно качал головой.

— Чему ты удивляешься? — говаривал дедушка.— Земля в огороде такая плодородная, что, если в нее посадить черепок, вырастет глиняный горшок. Только зачем же горшки выращивать? От капусты пользы больше.

И продолжал сажать в огороде капусту. А она росла и росла. Капусты вырастало столько, что съесть ее вдвоем они были не в силах: не успевали съесть один кочан, как вырастал новый. И так без конца.

На счастье, в огороде жило множество бабочек-капустниц, примерно штук двести. Они любили лакомиться капустой и кое-что из урожая съедали. За это дедушка не любил бабочек, сердился на них, следил, чтобы бабочки не садились на капусту, и если видел, что они с аппетитом ее поедают, сбегал с веранды и прогонял их своей соломенной шляпой.

Это очень удивляло Якуба, и, сидя на ступеньках веранды, он только качал головой.

— Ну чему ты удивляешься? — спрашивал дедушка.— Если я не буду их гонять, они всю нашу капусту съедят.

Однако Якуб все качал головой:

— Неужто нам ее не хватает?

Но дедушка думал иначе и преследовал бабочек повсюду, где только мог. Если он не гонял бабочек, то караулил капусту, а если и этого не делал, то либо сажал капусту, либо убирал ее. Днем он варил капусту на обед, вечером на ужин.

Якуб так и не мог понять, почему дедушка занимается только капустой. Он просил:

— Дедушка, поиграй со мной! Расскажи что-нибудь! Капуста ведь никуда от тебя не убежит!

Но дедушка, надев фартук, бегал по кухне и кричал:

— Да не мешай ты мне и не отнимай зря время! Разве ты не видишь, я и так не знаю, за что мне сперва хвататься!

Вот почему Якуб вечно был один... И не удивительно, что в конце концов он подружился с бабочками-капустницами.

Порой, когда ему надоедало есть капусту, он забирал тарелку и отправлялся в огород кормить бабочек. А бабочки, насытившись, рассказывали ему, куда они летали и что видели, описывали сады, где растут и цветы, и смородина, и помидоры, а Якуб слушал их, завидовал и мечтал тоже повидать хоть что-нибудь подобное.

«Как было бы прекрасно, если бы дедушка посадил еще что-нибудь, кроме капусты!» — мечтал Якуб.

— А ты возьми и сам посади,— посоветовали ему бабочки-капустницы,— тогда дедушка перестанет заботиться только о капусте, и жизнь сразу станет веселей!

— В таком случае надо посадить то, что дедушка любит,— рассуждал вслух Якуб,— ну, к примеру, соломенную шляпу.

— Это ты здорово придумал,— закричали бабочки,— посади дедушкину шляпу, ему будет приятно!

Якуб так и сделал. В полдень, когда дедушка готовил обед, он отыскал в огороде свободный клочок земли и посадил шляпу. Вскоре дедушка хватился ее.

— Куда я подевал свою шляпу? Чем же мне отгонять бабочек? Тебе она не попадалась, Якуб?

— Я пока ничего не скажу, хочу тебя удивить,— сказал Якуб,— если немного потерпишь, то у тебя будет столько соломенных шляп, что сможешь менять их хоть каждый день.

— Не понимаю,— ворчал дедушка,— что еще там этот Якуб придумал? Не потерял бы шляпу-то.

Через некоторое время в огороде вырос большой куст, а на нем много-много маленьких шляпок. Дедушка только удивлялся и качал головой. Но Якуб сказал:

— Ничего удивительного в этом нет. Если тут посадить черепок, то глиняные горшки вырастут. Только зачем же нам горшки? Лучше уж шляпы.

— Шляпа штука хорошая,— сказал дедушка.— Но ведь мне и одной хватит. Столько шляп для одного — это же чистое наказание!

Он стал ждать, пока шляпы дозреют. Когда они достигли больших размеров и приобрели красивый желтый цвет, дедушка сорвал их и отнес на чердак. Шляп оказалось штук двести, они едва уместились на чердаке.

— Вот видите,— сказал Якуб бабочкам,— ничего не вы-

шло, все осталось по-прежнему, да еще и дедушка недоволен.

Бабочки понимали, что в этом есть и доля их вины, и потому помалкивáли. Вдруг одна из них хлопнула себя по лбу и сказала:

— Я придумала! Знаешь что? Посади-ка ты в землю дедушку!

— Ты с ума сошла,— сказал Якуб,— сейчас у меня один дедушка, и ты видишь, каково мне. А что я стану делать, если их окажется двести?

— Послушайся меня! Потом спасибо скажешь,— настаивала бабочка и шепнула что-то остальным. Все бабочки заулыбались и стали кричать Якубу:

— Посади в землю дедушку, увидишь, как это будет хорошо!

И вот Якуб, дождавшись, когда дедушка уснет, отыскал в огороде еще один свободный клочок земли и посадил на нем дедушку. Зная, что посаженное нужно хорошенько поливать, он набирал из колонки воду в лейку и поливал землю, а в обед ел с бабочками из одной тарелки и спрашивал их, что будет, когда в огороде появятся двести дедушек. А бабочки переглядывались между собой и говорили Якубу:

— Не будь чересчур любопытным, скоро сам все увидишь.

Через несколько дней в огороде вырос огромный куст, весь усеянный крошечными дедушками. Сперва дедушки были совсем зеленые, рвать их не стоило, но они быстро росли и зрели и чем больше созревали, тем краснее у них становились щеки. Якуб по пять раз в день ходил взглянуть на них и советовался с бабочками, не пора ли снимать урожай.

Наконец дедушки вполне созрели, и Якуб сорвал их. Подсчитал. А дедушки — их действительно оказалось около двухсот,— перебивая друг друга, напустились на Якуба с криком: «Что это за глупость, зачем нужно столько дедушек?»

— Ну вот, я так и знал, что этим кончится,— упрекнул Якуб бабочек.— Теперь все они будут на меня кричать, да и вам лучше не станет: начнут гоняться за вами со своими шляпами. Не забывайте — на чердаке лежат двести шляп.

— Ах, Якуб, Якуб, какой же ты все-таки глупый мальчик,— сказали бабочки.— Да ведь именно теперь все пойдет по-иному. Стоит тебе только взглянуть на дедушек, и ты сам в этом убедишься.

Взглянул Якуб на дедушек и увидел, как они ссорятся между собой за то, кому достанется лопата, кому лейка, кому какая кастрюля в кухне.

Вели они себя очень некрасиво. Якуб бросился к ним и закричал:

— Дедушки, нельзя же так! Вы же покалечите друг друга, невозможно всем одновременно и копать, и поливать. Надо каждому делать свое: один копает, другой поливает, а третий готовит на кухне.

— А что же будем делать мы, кому ничего не досталось? — закричали остальные дедушки. Якуб задумался, потом засмеялся, подмигнул бабочкам и крикнул:

— Будете со мною играть! Что же вам еще остается делать?

После этого все пошло по-иному. Дедушки сменяли друг друга в работе — один сажал капусту, другой ее убирал, третий готовил еду, остальные играли с Якубом и с бабочками. Стали вспоминать: что же еще можно на свете делать? Вспоминали, вспоминали и вспомнили о купанье и экскурсиях, о волейболе, даже о том, как рисовать цветы, и еще бог весть о чем.

И зажили дедушки в полное удовольствие. У каждого была своя соломенная шляпа и своя бабочка-капустница, и на всех, вместе взятых, был маленький Якуб, с которым они играли и которому рассказывали про все на свете. А Якуб слушал их и удивлялся, потому что ни о чем таком раньше не слышал, даже от бабочек.

Ковер и крошки от вафельного торта

Некоторые люди думают, будто у ковров легкая жизнь. Но это неправда, не верьте таким людям. Если они станут рассказывать вам, что ковры целыми днями лежат и ничего не делают, спросите:

— А вы разве не слышали историю о летающем ковре?

Они сразу заюлят, станут говорить, что да, конечно же, они слышали о летающем ковре, кто же о нем не знает, и что, мол, как прекрасно просто так летать по воздуху, и это, мол, лишний раз подтверждает, какая у ковров замечательная жизнь.

Не перебивайте их, дайте высказать все, что они пожелают, а потом спросите:

— А почему вы думаете, что ковер может отправиться в полет просто так, ни с того ни с сего?

Вот на это-то никто ответить не сможет, потому что никто никогда над этим не задумывался. И тогда вы, откашлявшись, начните свой рассказ так.

Жил-был один маленький красный коврик. Жилось ему, скажем прямо, несладко. Лежал он на холодном полу, на ухо ему толстой ногой наступил рояль, а на шее расположились маленький столик и стул, на котором во время еды сидел Ондржей. А ел он, скажу вам... С тарелки все валилось — рис, картошка, помидоры, иногда даже вилка падала на коврик. А когда Ондржей жевал рогалики, коврик весь был усыпан крошками, потому что во время еды Ондржей вертелся во все стороны, вместо того чтобы спокойно есть над столом.

Когда крошки попадают за шиворот, это не очень-то приятно. От них зуд, щекотно, как от волосинок после стрижки у парикмахера. Только к парикмахеру мы ходим раз в три недели, а ковру все это приходилось терпеть изо дня в день, и пока он был в комнате не один, даже почесаться не смел. Да еще ко всему, можете себе представить, за чужие крошки его же всякий раз выносили во двор и колотили, словно небрежно ел не Ондржей, а он, коврик.

«До чего же это несправедливо»,— думали про себя рояль, столик и стул. А маленький красный коврик молча вздыхал, и ему хотелось плакать. Порой ему казалось, что жизненный путь его вовсе не усыпан розами.

Однажды вечером Ондржей ел печенье, крошки сыпались у него изо рта, словно снежинки в метель, и собирались настоящими сугробами.

«Завтра утром меня опять поколотят»,— подумал маленький красный коврик и грустно вздохнул, потому что крошки вызывали у него нестерпимый зуд. И тут его осенило: «А зачем мучиться до утра и ждать выволочки?» В доме все спали, он воспользовался этим, вежливо попросил рояль, столик и стул, чтобы они были столь любезны и на минутку приподняли бы ноги. Затем он встал, тихонько вышел во двор и там хорошенько встряхнулся, как это делают собачки,

когда вылезают из воды. Однако некоторые крошки никак не хотели высыпаться. Это потому, что Ондржей растоптал их, а растоптанные крошки трудно вытряхиваются.

«Делать нечего, придется посвистеть и разбудить птиц, что спят на деревьях»,— решил про себя коврик и совсем тихонечко свистнул, так тихо, как умеют свистеть только коврики. Разбудить птиц оказалось нелегко. Они запищали во сне, но не проснулись, и маленькому красному коврику пришлось свистеть несколько раз. Свист услышала кошка (у кошек слух тонкий), бегом спустилась с крыши и говорит коврику:

— И чего это ты, скажи на милость, свистишь? Не видишь, на дворе ночь?

— Мне нужно разбудить птиц,— ответил ей коврик,— у меня для них набралось крошек от печенья, может, они с удовольствием поклюют. Не будешь ли ты любезна разбудить их? Только, пожалуйста, поосторожней. Ты же знаешь, птицы боятся кошек.

— Не волнуйся,— сказала кошка.

Она вскарабкалась на дерево, разбудила птиц и говорит им:

— Не хотите ли поклевать крошек от печенья? Тут вот коврик пришел...

Птицы были благодарны и кошке, и коврику, даже не просто благодарны, а весьма, потому что они всегда голодны, а крошки от печенья перепадают им редко.

— Смотрите-ка, наконец-то наш Ондржей научился аккуратно есть над столом. На коврике ни крошечки! Это мне нравится,— сказала утром мама.

И можете себе представить? Вслед за похвалой Ондржей получает два больших куска вафельного торта!

«Это же абсолютно несправедливо! Похвалить должны были коврик, а не Ондржея»,— молча подумали рояль, столик и стул. Маленький же красный коврик лишь грустно вздохнул.

А Ондржей принялся уплетать вафельный торт, даже не присаживаясь к столу. Он крошил так ужасно, что красный коврик весь покрылся крапинками.

Крошки от вафельного торта — прекрасные крошки. Но когда они попадают за шиворот, то сразу становится ясно,

что хуже этих крошек на свете ничего не существует. Вскоре коврик почувствовал себя совершенно истерзанным.

— Хватит! — сказал коврик и, когда все уснули, вежливо попросил рояль, столик и стул поднять ноги. Затем вышел во двор, свистнул кошку, кошка разбудила птиц, и коврик сказал им:

— Во мне полно крошек, можете склевать их. Это хорошие крошки, от вафельного торта, они лучше тех, что я угощал вас в тот раз. Но — услуга за услугу. Я больше не хочу тут жить! Это не жизнь! Сделайте доброе дело, унесите меня куда-нибудь, где дети умеют есть аккуратно.

— Ну, это не так уж трудно,— сказали птицы,— мы летаем повсюду, заглядываем в окна и знаем, где и как едят дети. На другом конце города живет одна девочка, которая ест очень аккуратно и совершенно без крошек.

— Ладно,— сказал маленький красный коврик,— клюйте крошки, и летим.

Птицы склевали крошки от вафельного торта, и красный коврик сказал кошке:

— Спасибо, буду тебя вспоминать добром.

— Рада была помочь,— сказала кошка,— надеюсь, что эта девочка и в самом деле ест аккуратно.

Птицы взяли коврик в свои клювики и полетели над крышами домов и улицами города. Близилось утро, кое-кто уже шел на работу, начали ходить трамваи, и у входа в молочный магазин стояла пани продавщица. Она глядела на небо и старалась определить, какая будет погода. Смотрит это она на небо и вдруг видит — летит коврик!

— Надо же! А я и не знала, что ковры летают,— воскликнула она.— Нельзя, чтобы про это знала только я одна!

И когда в магазин пришли мамы за молоком, она рассказала им о летающем ковре. Теперь об этом знают многие.

Только вот почему летел маленький красный коврик, и куда он летел, и о том, что несли его в своих клювиках птицы, которые позавтракали крошками от вафельного торта, вот об этом уже мало кто знает.

Желтая куртка с испорченной застежкой-молнией

Жил-был когда-то один маленький мальчик, звали его Мартинек. Ему очень хотелось поскорее стать большим. «Почему я так медленно расту? — думал он.— Как бы это расти побыстрей?»

Папа и мама ходили в театр по вечерам, а Мартинек оставался в это время дома. И перед тем как лечь спать, он умывался, чистил зубы и сердито спрашивал:

— Почему я всегда должен ходить только в детский театр и только днем? Хочу ходить в театр вечером! Почему я так медленно расту?

И был очень мрачен, пока не засыпал.

Однажды ему подарили новую желтую куртку с застежкой-молнией, какие носят большие мальчики. Куртка ему понравилась.

— С молнией можно будет поиграть,— сказал он маме,— а пуговицы для этого не годятся.

И он стал играть застежкой в скорые поезда. Он гонял молнию вверх и вниз, так что только свист стоял.

— Перестань терзать молнию,— сердилась мама,— испортишь застежку, и тогда будет плохо. Молния не игрушка.

— Ладно,— сказал Мартинек,— буду играть ею только в товарные поезда, на которых возят яблоки и апельсины. Смотри, как они медленно ползут.

Увидев, как осторожно Мартинек тянет молнию, мама сказала:

— В товарные поезда играй, а в скорые не надо.

Как-то раз папа с мамой опять собрались вечером в театр. Глядел Мартинек на папин черный костюм, на мамино платье и думал: «Когда же я, наконец, стану большим? Когда уже буду ходить в театр вечером? Расту, расту, а все ни с места!»

И стал сердиться.

— Мартинек, быстро спать! — сказал папа перед уходом.— Умойся, почисти зубы, ложись и спи крепко!

Но Мартинек уже очень сердился. Сердился на воду, на мыло, на зубную щетку, на полотенце и вместо того, чтобы умываться, играл с застежкой.

— Раз уж мне нельзя вечером ходить в театр, буду играть с молнией в скорые поезда,— решил он и стал гонять застежку вверх и вниз так, что только свист стоял.

И вдруг — хруп! Молния сломалась. Замок застежки застрял наверху, под самым горлом, и чего только Мартинек ни делал, вниз замок не двигался. Пришлось спать в куртке.

— Хотела бы я знать, как мы тебя теперь из куртки вынем,— сказала утром мама.— Замок у молнии никто не может сдвинуть.

И в самом деле, стронуть с места замок не смог никто. Так и остался Мартинек в куртке.

Сперва это ему нисколько не мешало, но по мере того как он рос, становилось Мартинеку не по себе.

Руки оказывались все длиннее и длиннее, а рукава все короче и короче, как он ни старался их вытянуть.

«Не слишком ли быстро я расту! — подумывал он иногда.— Как это вскоре будет выглядеть?»

Сами понимаете, выглядело все это не очень красиво. Мартинек был уже большой, ростом выше отца, носил шляпу, очки, большие усы, а к большим усам маленькая желтая курточка явно не шла.

Однажды он сказал родителям:

— Сегодня вечером иду в театр.

— Что ж тут удивительного? — сказали папа и мама.— Ты уже большой, у тебя усы, почему бы тебе не пойти в театр вечером?

Мартинек купил в кассе билет, но, представьте себе, в театр его не пустили.

— Что же вы на вечерний спектакль идете в желтой куртке? Так ходят только днем и в детский театр.

— Я ничего не могу поделать,— говорит Мартинек,— мне из этой куртки не выбраться, я сломал замок у молнии.

— Ах, так вот в чем дело! Не надо было играть с застежкой в скорые поезда. Молния не игрушка!

И пришлось Мартинеку опять идти в детский театр днем. Только удовольствия от спектакля он не получил, потому что дети оборачивались и спрашивали у него:

— Мальчик, а где ты купил такие усы?

Зузанка и буковки

Жила-была одна девочка, звали ее Зузанка. В своей школьной тетради она так ужасно писала буковки, что всякий, кто их видел, плакал от огорчения. А пани учительница заливалась слезами так, что носовой платок ее промокал насквозь. Как-то, наплакавшись, она пошла к школьному сторожу и сказала:

— Вы только взгляните на эти буковки. Их написала Зузанка в своей школьной тетради. Как они вам нравятся?

Школьный сторож взглянул на буковки и заплакал. Плакал долго, а когда его носовой платок промок насквозь, сказал:

— У некоторых букв ножки сломаны, у других вообще отвалились. Надо что-то делать. Если вы мне поможете, то к вечеру мы их приведем в порядок.

Они изготовили много-много маленьких дощечек и такое же множество гипсовых повязок, наложили их на сломанные ножки, а когда все закончили, расставили несчастные буковки в Зузанкиной тетради по порядку.

Утром учительница говорит Зузанке:

— Зузанка, ну как можно писать в школьной тетрадке такие буковки — у одних ножки сломаны, у других вообще отвалились! Ты себе представить не можешь, до чего трудно их исправлять.

Зузанка учла замечание учительницы и постаралась, чтобы у всех буковок были ножки, и ни одной ломаной.

Однажды пани учительница опять стала просматривать Зузанкину тетрадь, и снова ей стало грустно, потому что все буковки были такие тощие, словно их две недели не кормили.

Пани учительнице стало их очень жалко, взяла она буковки домой, нажарила шницелей с картошкой, сделала пирожные с кремом и весь вечер кормила их, потому что буковки были очень слабенькие, даже вилку удержать не могли.

— Зузанка, почему у тебя буковки такие тощие? — спросила утром пани учительница.— Мне пришлось вечером их покормить. Можешь себе представить, сколько это отняло сил и времени? Пожалуйста, прошу тебя, пиши буковки чуть потолще.

Зузанка послушалась, она очень старалась и ни одной худой буковки не написала.

Но когда пани учительница опять просмотрела тетрадь, то страшно испугалась, потому что буквы были одна толще другой и все карабкались вверх, от усталости еле дышали, вспотели и очень хотели пить.

«О боже, что же теперь делать? — подумала пани учительница.— Ведь таким потным буковкам нельзя пить, они же простудятся! Отнесу-ка я их домой, согрею им чаю, он прекрасно утоляет жажду».

Забрала она буковки домой, согрела им чай, но... было поздно. Несколько буковок по дороге простыли, а у девяти из них начался жар. Что было делать пани учительнице? Она побежала с ними в больницу. Там их и оставили: оказалось, что все девять буковок схватили воспаление легких.

Утром пани учительница говорит Зузанке:

— Зузанка, нельзя писать в школьной тетради такие толстые буковки, да еще заставлять их карабкаться вверх. Буковки от усталости еле переводят дух, потеют и легко простужаются. Посмотри в тетрадь, там не хватает девяти буковок. Они в больнице, у них воспаление легких.

Зузанке стало очень жалко буковок, и она сказала двум своим подружкам:

— Пойдемте после школы в больницу, навестим мои толстые буковки, которые заболели воспалением легких.

Девочки согласились и захватили с собой по букетику цветов. Зузанка тоже взяла букетик, а когда они пришли в больницу, Зузанка и говорит буковкам:

— Мне очень жаль, что так вышло, я больше не буду писать такие толстые буковки, которые карабкаются вверх, я буду писать старательно, обещаю это при девочках, они будут свидетелями, что я сказала правду.

А буковки на это ответили:

— Хорошо бы!

И сделали вид, будто не очень-то верят. Однако Зузанка всерьез так думала. Свое обещание она сдержала и писала так, что потом, когда буковки собрались на свой большой съезд и стали выбирать трех самых красивых, никто не смог найти буковок прекраснее тех, что написала Зузанка.

Платье с павлинами, гусями и оленями

Красные платья в белый горошек любят почти все, однако жила-была одна девочка, которой красное платье в белый горошек не нравилось. Не подумайте, что ей нравилось синее платье в белый горошек. Ну и что ж? Каждому нравится свое! Но этой девочке не нравилось ни синее платье в белый горошек, ни белое платье без горошка, ей не нравилось ни одно из платьев, которые висели в ее шкафу.

— Странная ты девочка, Аленка,— говорила ей мама,— ничего-то тебе не нравится.

Так оно и было: Аленке вообще ничего не нравилось. Скажем, идет она в ванную, и оттуда раздается:

— Фу, какая противная зубная щетка!

Или же зайдет в кладовку и говорит:

— Фу, какая отвратительная морковка, какой мерзкий лук, какие скверные помидоры.

А в кухне она заявляла маме:

— Какие некрасивые часы, какой странный стол, какие неприятные горшки с цветами!

— Не нравится — не смотри! — отвечала ей на это мама и чуточку сердилась на Аленку.

— А что же тогда делать? — спрашивала ее Аленка.

— Поиграй во что-нибудь. Возьми карандаш и бумагу, рисуй. А что не понравится, можешь стереть, вот резинка.

И дала Аленке резинку.

— Надо же! Если мне что-то не понравится, могу стереть! Вот это да!

А так как ей не нравились часы, она их стерла.

— Что ты делаешь, глупая! — говорит ей мама.— Мы же теперь не будем знать, который час.

И очень рассердилась на Аленку.

— Мама мне тоже не нравится, слишком уж она сердитая на меня,— сказала Аленка и стерла маму.

Потом она стерла стол, цветы в горшках, полностью кухню, зубную щетку вместе с ванной комнатой, морковь, лук, помидоры и всю кладовку, красное платье в белый горошек и весь шкаф, даже синее платье в белый горошек, которое было на ней, и то стерла. Она стерла все, потому что ей ничего не нравилось. Только белое платье без горошка она стереть не могла, и то лишь потому, что его сдали в химчистку.

— Так,— сказала она,— то, что мне не нравилось, я стерла, а теперь нарисую то, что мне нравится.

И стала рисовать новое платье.

— Нарисую-ка я платье с павлинами, гусями и оленями, такого ни у кого нет, такое мне понравится.

Однако платье у нее получилось не очень: павлины были похожи на пучки салата, гуси — на вязаные варежки, а олени — на вилочки, которыми берут пирожные. Посмотрела на них Аленка, очень рассердилась и закричала:

— Фу, какое противное платье, хуже, чем те, что были в горошек!

Потом она нарисовала зубную щетку и морковку. Но зубная щетка была похожа на морковку, а морковка на зубную щетку. Она еще попробовала нарисовать часы, занавески и цветы в цветочных горшках, но все получилось примерно так же. Аленка даже смотреть на это не могла.

«Что же я теперь буду делать? — задумалась она и чуть не заплакала.— Придется нарисовать маму, чтобы она подсказала». И она нарисовала маму.

Аленка очень старалась, рисовала не торопясь, чтобы вышло как можно лучше. И все-таки мама получилась не очень: у нее оказались короткие ноги, длинная шея и маленькие уши.

— Мамочка, что мне делать? — стала спрашивать ее Аленка.— Я все стерла резинкой, а теперь ничего не могу нарисовать!

— Что ты там говоришь? — спросила ее мама. Уши у нее были слишком маленькие, поэтому она ничего не слышала.

— Я спрашиваю, что мне теперь делать,— громко закричала Аленка,— я все стерла, а нарисовать ничего не умею.

— Не понимаю тебя,— сказала мама,— нарисуй-ка мне уши побольше.

Аленка нарисовала маме уши немного побольше, и тогда мама говорит ей:

— Глупая ты девочка, я ведь тебя предупреждала. Теперь тебе придется ходить в платье с павлинами, гусями и оленями, чистить зубы щеткой, похожей на морковку. Ты только время у меня отнимаешь зря. Я была бы уже дома, а теперь мне придется идти за луком и в химчистку.

А когда мама вернулась домой с луком и вычищенным платьем, Аленка посмотрела на лук, на белое платье и говорит:

— Ах, какое красивое белое платье без горошка, правда, мама? А лук какой прекрасный!

О Конраде, который писал носом

Жил-был однажды один мальчик, звали его Конрад. Он все время врал. Подарила ему мама на день рождения авторучку. Едва он пришел в школу, как стал рассказывать, будто авторучку он испек из муки тонкого помола на сковородке. Ребята разглядывали ручку со всех сторон и говорили:

— Нет, испечь авторучку невозможно, ты просто врешь, Конрад.

А Конрад, ничуточки даже не покраснев, пожал плечами и говорит:

— Кто врет, у того нос кривой. Я не вру, клянусь собственным носом, вот он, можете потрогать.

Ребята потрогали нос, но веры им от этого не прибавилось, хотя нос у Конрада был длинный, острый и совершенно прямой.

Конрад же про себя смеялся и думал: «С таким носом можно врать сколько угодно, и никто ничего не узнает».

Однажды Конрад играл на стадионе в футбол и, представьте себе, потерял авторучку. На другой день, когда он пришел в школу, учительница говорит:

— Достаньте тетради и ручки, будем писать сочинение о том, как пахнут цветы.

Она раздала ребятам азалии, гвоздики и георгины, все положили тетради на парты, взяли ручки, стали нюхать цветы и писать. Только Конрад не писал: он не мог найти свою новую авторучку. В портфеле ее не оказалось, в карманах тоже. И тогда он сказал Зузанке, сидевшей рядом с ним:

— Зузанка, дай мне что-нибудь, чем пишут, у моей авторучки вчера выросли ноги, она удрала к кошкам на крышу и до сих пор не вернулась.

Но Зузанка сказала:

— Конрад, этого не может быть, ты просто врешь, ничего я тебе не дам.

— Клянусь собственным носом, вот он, можешь потрогать! — сказал Конрад.

Зузанке некогда было трогать нос Конрада, она писала сочинение о том, как пахнут цветы, и потому сказала:

— Я и так знаю, что нос у тебя острый и прямой, а теперь не мешай мне, я занята делом, пиши чем хочешь.

— Ладно,— сказал Конрад,— у меня очень прямой, острый нос, буду писать носом.

Он обмакнул нос в чернила и стал писать.

Увидев это, пани учительница сказала:

— Конрад, не пиши носом, это вредно.

— Я вынужден так писать,— ответил ей Конрад.— Мой нос вчера весь день просил меня об этом, и я под честное слово пообещал ему.

CAFE

— Конрад,— говорит пани учительница,— я не верю тебе. С каких пор носы стали интересоваться писанием?

— Клянусь собственным носом, вот он, можете потрогать! — ответил ей Конрад.

Но пани учительница видела, что нос Конрада в чернилах, и, не желая пачкать рук, сказала:

— Хорошо, пиши в таком случае чем хочешь, только я предупреждаю тебя, что писать носом вредно для здоровья.

И она была права: писать носом действительно вредно для здоровья. Спустя какое-то время нос исписывается, становится все меньше и меньше, нельзя им больше ни нюхать, ни писать. Поэтому напрасно Конрад нюхал гвоздики, нос ничего не чувствовал. И тогда Конрад решил: «Напишу-ка я, что цветы не пахнут». Попробовал было написать, но ничего у него не вышло, потому что... нос исчез.

Конрад страшно испугался. Оказаться вдруг без носа — это вам не пустяк! Носы есть у всех — и у кошки, и у собаки, и у слона. Без носа не только нюхать нельзя, без носа не чихнешь. Без носа человек выглядит очень странно. И Конрад подумал: «Должен же быть у меня хоть какой-нибудь нос! Надо на это место что-то приделать».

Из школы он направился прямо на чердак своего дома, где валялось много старых, ненужных вещей. Были там лыжи, кресло-качалка, старый граммофон. Конрад стал соображать, что бы ему такое приделать вместо носа? «Лыжи,— подумал он,— несколько великоваты, кресло-качалка плохо смотрится. Приделаю-ка я на это место ручку от граммофона!» Он действительно приделал вместо носа ручку от граммофона и пошел обедать.

— Послушай, Конрад,— сказала мама, когда все сели за стол,— странный какой-то у тебя нос, в чем дело?

— Да ну,— говорит Конрад,— приключилась со мной в некотором роде неприятность — мой нос сговорился с моей новой авторучкой пойти в кондитерскую полакомиться трубочками с кремом. Стали они переходить улицу, и тут их переехал дорожный каток.

— Слушай, Конрад, этого не может быть! — говорит мама.— С каких это пор авторучки и носы ходят по кондитерским? Ведь у них же нет лишних денег на лакомства, врешь ты все!

— Клянусь собственным носом, вот он, можешь потрогать,— отвечает ей Конрад.

Мама коснулась его носа, нос оказался совершенно кривым, как всякая рукоятка от граммофона. И тогда мама сказала:

— Конрад, ты обманщик. В наказание останешься без обеда!

И вот сидит Конрад за столом, в животе у него урчит от голода, а в голове грустные мысли: «Ну вот и кончилось мое вранье. Но ничего не поделаешь, писать носом действительно дорого обходится».

О водопроводном кране, который пел в опере

Водопроводный кран штука хотя и обычная, но весьма важная. Он дает воду кастрюлям, ведрам, стаканам, лейкам и даже ваннам. Он подает воду с утра до вечера и делает это запросто. А когда у него выдается свободная минутка, он принимается петь. Правда, бывают краны, которые не очень-то умеют петь. Некоторые даже фальшивят, кое у кого способности не бог весть какие. Тем не менее, представьте себе, на одной кухне есть кран, который поет так красиво, что всякий раз часы от удивления перестают тикать.

Голос у него великолепный, глубокий, как бельевой бак, и вот вечером, когда посуда вымыта и везде тишина, он начинает распевать песенки, к примеру, такую: «Течет вода, течет» и другие в том же роде.

А стаканы, кастрюли, тарелки и часы слушают затаив дыхание, не шелохнувшись и, сами того не замечая, улыбаются — так красиво поет кран.

А в это время по телевизору передают оперу «Русалка». Два старых кресла хотят слушать оперу, поэтому они начинают злобно скрипеть:

— А ну, тише! Прекратить! Мы хотим слушать оперу! — и скрипят, и скрипят, и скрипят...

Что крану остается делать? Он перестает петь и вообще умолкает. Только очень его это огорчает. Одна за другой скатываются у него слезы, наконец красная кастрюля не выдерживает и говорит:

— До чего же бессовестные эти кресла! Неужели кран даже спеть не имеет права после работы.

— А вообще-то,— говорит кухонный шкаф,— не пойму, зачем кран теряет тут время?

И поскольку шкаф стоит лицом к крану, он заявляет ему прямо:

— Не будь дураком, ты здесь зря пропадаешь. Поступай в музыкальную школу, может, тебя когда-нибудь даже в театр возьмут. А что? Все может быть!

Кран задумался: «А действительно, почему я не могу учиться петь? Вдруг у меня и в самом деле есть способности?»

И вот в один прекрасный день он собрался и отправился в поход.

В музыкальной школе всюду звучат песни, тут играет рояль, там — кларнет. От всего этого кран немного растерялся, но сказал себе: «Спокойно! Ничего удивительного здесь нет. Почему бы тут не звучать песням повсюду? Ведь это музыкальная школа!» И направился вверх по лестнице прямо в дирекцию.

— Я водопроводный кран,— представился он, переступив порог.

Директор встал, вышел из-за стола и говорит:

— Очень приятно.

И наливает из крана в стакан немного воды, потому что в этот момент ему как раз захотелось пить.

— Я хотел бы учиться пению,— обращается к нему кран,— говорят, у меня есть способности. Так считают и стаканы, и кастрюли, и кухонный шкаф, и часы.

— Что там говорят стаканы и кастрюли, для меня не имеет значения,— говорит директор,— попробуйте что-нибудь спеть, а там посмотрим.

Кран откашлялся и запел «Течет вода, течет». Песня звучит великолепно, директор невольно улыбается тому, как прекрасно поет кран, и наконец произносит:

— Да, действительно, у вас большое дарование, из вас может выйти толк. Вы приняты, ведите тут себя прилично, главное, не наделайте луж.

И вот, закрутив себя до предела, кран принялся за учебу и учился до тех пор, пока не освоил все гаммы, все песни и все оперы. А научившись всему этому, он отправился в большой театр, что стоит прямо на набережной.

Оперный театр — это сплошное пение: тут поет мужской хор, там — женский, а вон там — детский. Но кран это нисколько не удивляет, кое-какой опыт у него все-таки есть. Он направляется прямо к директору и поет ему подряд с десяток-полтора разных опер.

— Ладно,— говорит наконец директор театра,— я приму вас с большим удовольствием, потому что водопроводный кран, который у нас тут имеется, петь не умеет. Ну сами скажите, что это за кран, который работает в опере, а сам ни одной ноты не спел?

И стал наш водопроводный кран оперным водопроводным краном. Он, разумеется, весьма разочарован и в тысячу раз с большим удовольствием вернулся бы на прежнюю свою кухню.

Но однажды, представьте себе, произошел несчастный случай: на артиста, который в «Русалке» поет Водяного, напала икота. Все в отчаянии, близится начало спектакля, никто не знает, что делать, и вдруг директор вспоминает про кран, который умеет петь.

На кран тут же надевают зеленый костюм, парик, тащат на сцену, зрители в восторге, все аплодируют и кричат: «Вот это да! Совсем другой Водяной, с него действительно вода

капает!» Все это тут же разнеслось по городу, Как только об этом узнали на кухне, два старых кресла тут же натянули на себя красную бархатную обивку и отправились в театр. А там все кресла обтянуты красным бархатом, и ведут они себя тихо. Старые же кухонные кресла все время скрипели, чтобы всем было слышно, как они говорят друг другу:

— Это наш кран, когда-то он пел у нас на кухне. Мы всегда говорили, что из него выйдет толк.

Но другим креслам это было неинтересно, и они шепчут:

— Перестаньте, пожалуйста, скрипеть, мы хотим послушать, как поет кран.

Что старым глупым кухонным креслам остается делать? Ничего иного, как вести себя совершенно тихо. И в тишине той слышно, как поет водопроводный кран. Поет так прекрасно, что все вокруг начинают улыбаться, пусть даже кому-то и не хочется,— так красиво поет водопроводный кран.

Бонифаций и его племянники

В одном цирке, где было много опилок и музыкантов, имелся также лев Бонифаций. Это был очень воспитанный лев, добряк, услужливый, повторять ему что-либо дважды не приходилось, не было случая, чтобы он испортил представление. Директор цирка поэтому часто говорил:

— Берите с Бонифация пример, он образцовый лев!

Дети любили его, писали ему в письмах: «Дорогой Бонифаций, до сих пор не могу забыть тебя, мы чуть ладоши себе не отбили, когда ты ходил на руках, показывал вольные упражнения, крутил колесо. Не каждый лев может такое».

— Еще! — кричали мальчишки и девчонки, и Бонифаций, этот добряк, крутил колесо, делал вольные упражнения, ходил на руках несчетное количество раз, да к тому же при этом улыбался.

Директор цирка хорошо понимал Бонифация, ходил с ним на прогулки, в фруктовом магазине покупал ему бананы, а их Бонифаций очень любил.

Однажды гуляют они таким образом по городу, великолепный летний день, повсюду полно детворы, Бонифаций вдруг и спрашивает:

— А что это на улице так много детей, почему они не в школе?

— Зачем же им быть в школе? — говорит директор.— Сейчас лето, у них ведь каникулы.

— Каникулы! — вздыхает Бонифаций.— У меня еще никогда не было каникул.

Идут они дальше, директор немного помолчал, а затем и говорит:

— Ну хорошо, ты образцовый лев, ну, предположим, пошлю я тебя на каникулы. И куда, скажи на милость, ты поедешь?

— К бабушке, куда же еще! — отвечает лев.— Ведь это же и так ясно.

«Надо же,— подумал директор,— я и забыл, что у львов тоже есть бабушки».

И тогда он говорит:

— Ладно, поезжай, только чтобы к первому сентября вернулся!

Бонифаций от радости чуть не ошалел. На такое он вообще не рассчитывал.

— Каникулы есть каникулы, что может быть прекраснее каникул,— говорит он директору,— спасибо, ты доставил мне огромную радость.

И побежал укладывать чемодан, купить билет в Африку и какой-нибудь подарок бабушке.

В универмаге народу — что муравьев в муравейнике, но когда у прилавка появился лев, каждый постарался уступить ему место, а продавец спросил:

— Что будет угодно: щетку для гривы или же пасту для ваших прекрасных зубов?

— Ни щетка, ни паста мне не нужны,— говорит лев Бонифаций,— я еду на каникулы к бабушке и хочу купить ей подарок.

— Понял вас, понял,— говорит продавец и, немного подумав, предлагает: — Может, шерстяной платок, домашние туфли или же очки?

— Зачем же платок? К чему домашние туфли? — удивляется Бонифаций.— Ведь в Африке жара, вы плохо учили географию. А очки... это, пожалуй, подойдет. Вы ведь имеете в виду темные очки от солнца, да?

— Разумеется,— отвечает продавец,— советую взять вам также это!

И достает зеленый халат. А на нем чего только не изображено! И четырехлистники, и папоротники, и розы, и бабочки-адмиралы! Это был халат из тех, что не каждый день попадаются на глаза. Поистине халат для старой львицы. И Бонифаций не раздумывая покупает его и отправляется на вокзал.

И вот он едет в поезде, глядит в окно на домики и сады, машет детям, а дети глядят и думают: «Смотрите-ка, цирк переезжает». Им и в голову не приходит, что это едет не цирк, а всего лишь один счастливый лев, который путешествует сам по себе, едет на каникулы к бабушке. Потом он плывет на пароходе: кидает акулам рогалики, загорает на палубе и думает о том, как он пойдет купаться, и это будет прекрасно, и никаких тебе представлений ни днем, ни вечером, как он сможет каждый день высыпаться, есть бананы и беседовать с бабушкой.

Пока он обо всем этом размышлял, пароход причалил, кто-то крикнул:

— Африка, выходите!

И вот наконец-то лев Бонифаций дома.

«Как все здесь изменилось! — думает он про себя.— Тут мы, бывало, с Панкрацием и Сервацием играли, а теперь на этом месте табачная лавочка».

ЦИРК
ЦИРК
ЛЕВ

Идет он по тропинке мимо деревьев в густом тропическом лесу, несет тяжелый чемодан и думает: «Скорей бы уже добраться». В конце концов он все же добирается, издали видит садик, а в садике старую львицу в качалке. Он тихо-тихо крадется, как это умеют делать только львы, а потом ка-ак гавкнет, да так громко, что бабушка оборачивается, всплескивает лапами и говорит:

— Да ты ли это, Бонифаций? Ни за что бы тебя не узнала! Как ты тут очутился?

Оба страшно рады встрече. Бонифаций распаковывает подарки. Бабушка надевает очки и натягивает халат. Сидит он на ней прекрасно, среди роз и четырехлистников выглядит она в нем настоящей львицей. Она говорит:

— Ну нет, я не могу не похвастаться!

И призывно рычит во все стороны, громко, как и подобает старой львице:

— Идите смотреть, приехал Бонифаций и привез мне роскошный халат и очки!

В мгновенье ока появляется по меньшей мере двести львов, сплошь родственники — дядюшки и тетушки, уйма двоюродных братьев и множество совсем маленьких потешных племянников. Все приветствуют Бонифация, разглядывают очки и халат, расспрашивают:

— А это что? А там что такое?

И показывают на цветы и на бабочек.

Бонифаций объясняет:

— Это четырехлистник, это папоротник, розы, бабочки-адмиралы. В Африке такого нет, это я привез из заграницы, где есть цирки и универмаги.

— А скажи, пожалуйста, Бонифаций, что ты там делаешь? — спрашивают львы, перебивая друг друга, потому что всем это действительно интересно.

И Бонифаций рассказывает им, как он ходит на руках, делает вольные упражнения, крутит колесо. А так как львы удивлены и не понимают, о чем речь, он им показывает, как крутят колесо.

У львов глаза на лоб лезут. В жизни они ничего подобного не видели и про себя думают: «Невероятно! Тут какой-то фокус. Не каждый лев такое сможет». А маленькие племянники Бонифация кричат:

— Еще! Еще! Здорово! Мы хотим еще!

И аплодируют не переставая. А Бонифаций, видя, как радуются и смеются его потешные племянники, вне себя от удовольствия, снова и снова повторяет колесо, ходит на руках и делает вольные упражнения. Малышей никак не уложить спать, а чуть свет они опять тут как тут. И добряк Бонифаций с утра до вечера дает представления. На то, чтобы выкупаться или полакомиться бананами, времени у него не остается, и он думает про себя: «Ничего не поделаешь, независимо от каникул я образцовый цирковой лев». И весело, как только может, улыбается. А племянники все хлопают и хлопают в ладоши и говорят друг другу:

— Когда в школе нас научат писать, пошлем ему письма и расскажем в них, как нам все это понравилось.

О синей кастрюле, которая любила варить соус с помидорами

Однажды жила-была одна синяя кастрюля. Больше всего она любила варить соус с помидорами. Вероятно, кому-то такое занятие может показаться неинтересным, кого-то интересуют совсем другие вещи, скажем, телевизор или там цветные карандаши. Возможно, кто-то подумает: «Она какая-то ненормальная, эта кастрюля, если ее только соус интересует».

Ну, а почему бы кастрюле не любить это? Почему кастрюля должна думать о цветных карандашах?

Стояла, стало быть, эта кастрюля на плите, варила свой любимый соус с помидорами и приговаривала:

— До чего же здорово я сегодня варю! Соус получится — пальчики оближешь! Хорошо, что я кастрюля, да к тому же еще очень молодая кастрюля, я еще долго буду варить соусы!

От всего этого она была так счастлива, что от счастья даже подпрыгивала на плите.

И вдруг приключилась с нею беда. После обеда стала пани Заичкова мыть посуду, уронила кастрюлю на пол — тюк! И в кастрюле образовалась дырка.

— Ну, вот,— говорит пани Заичкова пану Заичеку,— теперь кастрюлю можно выбрасывать, она дырявая, будет течь.

— Ее можно починить,— говорит пан Заичек,— это несложно. Починим и по-прежнему будем в ней готовить.

— Кастрюля не стоит того,— говорит пани Заичкова,— зачем нам чинить дурацкую кастрюлю, которая течет? Купим новую, и все дела.

— Ну, ладно,— говорит пан Заичек, берет синюю кастрюлю и выбрасывает ее во двор.

«Ну, нет! Этому не бывать! — подумала про себя кастрюля.— Я да не буду больше никогда варить соус с помидорами? И укропный тоже? И со сметаной? Столько прекрасных соусов я сварила с пани Заичковой, а теперь, когда стала протекать, я для нее не стою того, чтобы отдать меня в починку?» Кастрюля очень рассердилась. «Ну, ладно,— решила она,— коль уж течь, так течь!»

И потекла. Сперва она текла, как совсем маленький ручеек, который заметила только одна маленькая уточка. Уточка тут же стала плескаться в нем и закричала:

— Смотрите, тут появился какой-то махонький ручеек, смешной такой!

Но кастрюля разошлась и потекла, как большой ручей. В нем уже плавали собачья будка и лейка. Ручей был основательный, почти река. Повсюду вдоль ее берегов сидели рыбаки с длинными удочками и ловили рыбу. Множество людей ходили купаться на реку. Они брали с собой полотенца, сельтерскую воду и зонты, чтобы спасаться от жары, укрываться от солнца.

— Вот это река! — говорили они.— Воды по шею. По ней спокойно могут плавать пароходы, правда?

Река в самом деле была огромная. По ней плыл пароход, и на нем люди, одетые во все белое. А рыбаки кричали им:

— Плывите стороной, вы нам всю рыбу распугаете! Эй вы, слышите?

И замахивались на них удочками.

Поднялся страшный крик, и пани Заичкова, которая как раз в этот момент вязала покрывало, говорит пану Заичеку:

— Взгляни, пожалуйста, что там во дворе делается?

Пан Заичек выглянул из окна, но вместо маленького дворика увидел огромную реку с пароходом, множество рыбаков и купальщиков в плавках и купальниках. Тут он схватился за голову и помчался к пани Заичковой.

— Ты только посмотри, что происходит! Эта синяя кастрюля течет рекой!

Пани Заичкова бросила вязанье, побежала к окну и закричала:

— Люди, не сходите с ума! Это же не река! Это наша синяя кастрюля, она течет!

— Ничего себе дела! — воскликнул капитан парохода.— Оказывается, мы в кастрюле! Что делать?

Пассажиры на пароходе забегали, стали кричать:

— Куда же мы теперь приедем? А если нас вынесет в море, что тогда? Остановите ее!

Некоторые хватали спасательные пояса и прыгали в воду.

— А мы-то что можем поделать? — закричала пани Заичкова.— Если уж кастрюля потекла, так и будет течь, тут уж ничего не поделаешь!

— Как это «ничего не поделаешь»? — говорит пан Заичек.— Стоит только кастрюлю починить, и она перестанет течь.

Отправился он во двор, взял синюю кастрюлю, ту, что текла, починил ее, и все стало на свои места.

— Нам посчастливилось,— сказал капитан и вздохнул с облегчением. И вместе с ним облегченно вздохнули пассажиры парохода. Рыбаки смотали удочки и отправились по домам. А те, кто купался, вытерлись полотенцами и стали одеваться.

Вот так синяя кастрюля вернулась обратно на плиту и продолжала варить соусы. Варила она их отменно, а лучше всех соус с помидорами.

«Если бы я захотела, то могла бы и в море превратиться,— думала она про себя.— Кое-кому это наверняка бы понравилось. Все-таки море великолепная вещь, лучше, чем телевизор или какие-то там цветные карандаши. Но я всего-навсего кастрюля, я люблю варить соусы, и баста».

О бегемоте, который боялся прививок

Жил-был однажды один бегемот, он ужасно боялся прививок. Он думал о них всегда — в парке, в кино, а чаще всего в купальне, где думается особенно хорошо.

Лежа в воде, он сам себе задавал вопрос: «А что, если вдруг прививки будут делать завтра? Надо будет спросить, может быть, кто-то что-нибудь про это знает».

— Вы случайно не знаете, когда будут делать привив-

ки? — спрашивал он у крокодилов, у гусей, у древесной лягушки, а также у пеликана.— Не завтра?

— Когда будут, тогда и будут,— громко кричали в ответ крокодилы, перебрасывая в воде огромный желтый мяч, от которого во все стороны летели брызги.

— Брось об этом думать,— кричали древесные лягушки,— подумаешь — прививка! — И как ни в чем не бывало крутили на берегу граммофонные пластинки с веселыми песенками.

— Это неправда, будто ничего в этом особенного нет. Прививки дело серьезное,— сказал пеликан, но его никто не услышал, потому что граммофон играл очень громко.

«Как это можно! — думал бегемот.— Никто не думает о прививках. Они просто не знают, что когда делают прививку, то колют иглой».

Он продолжал думать о прививках и при этом сильно потел.

И вот однажды потеет это он от страха, как вдруг неожиданно получает почтовую открытку. А в открытке той написано: «Явитесь на прививку».

Бегемот от страха затрясся так, что даже трамваи на улице замерли.

— Что случилось? — закричали жирафы и зебры, а заодно с ними кенгуру и фламинго, потому что все они как раз ехали трамваем в поликлинику делать прививки.

— Ничего особенного,— отвечал им вагоновожатый,— говорят, бегемот испугался прививки. Сейчас поедем.

Приехали они все в поликлинику, выстроились в очередь и стали ждать. У древесных лягушек случайно оказался с собою граммофон, пластинки с веселыми песенками, так что какие-нибудь там полчаса ожидания прошли незаметно.

— Что-то бегемот не идет, надо бы за ним сходить,— сказал пеликан, собрался и отправился за бегемотом.

Бегемота, однако, он нашел не сразу. Тот спрятался за занавеской и весь дрожал так, что в кухонном шкафу звенели стаканы.

— Да не будь ты таким глупым, идем! Ну, сделают тебе прививку,— говорит ему пеликан,— ничего с тобой не случится! Ну, кольнет немножко. Такой укол спокойно переносят даже совсем маленькие кролики. А если ты не придешь, все

станут смеяться над тобой. Так что не стоит уклоняться от прививки.

— Ладно,— говорит бегемот,— только когда станут колоть, ты держи меня за руку.

— Хорошо, буду держать тебя за руку,— пообещал пеликан.

И они пошли. Пока шли, им навстречу попадались куры, слоны, совсем маленькие кролики, и все говорили, что ничего особенного в прививках нет, только немного щекотно, это спокойно можно выдержать, так что бояться нечего.

«Да, им теперь хорошо говорить,— думал про себя бегемот,— они уже прививку сделали, а каково мне?» Он был совершенно мокрый от пота.

— Вы совершенно потный,— сказал пан доктор, когда настала очередь бегемота.

— Он любит потеть, это у него хобби,— говорит пеликан, который в это время держал бегемота за руку,— кто-то любит играть в пинг-понг, а кто-то любит потеть.

— Угу,— говорит пан доктор,— а я думал, что он боится.

— Ну, что вы,— говорит пеликан,— такое огромное животное даже понятия не имеет, что такое страх.

— Ну, тогда начнем,— сказал пан доктор и взял шприц.

Увидев шприц, бегемот стал белым как мел.

— Что такое? — говорит пан доктор.— Почему этот бегемот белый? Он должен быть серым. Белыми могут быть мыши, а не бегемот.

— Это необычный бегемот,— говорит пеликан,— просто это белый бегемот, он единственный такой.

— Но ведь минуту назад он был серый,— говорит пан доктор.

— Да,— говорит пеликан,— он бывает то серый, то белый, именно этим он и ценен.

— Ладно,— говорит пан доктор,— коль уж это такой ценный бегемот, постараемся сделать укол особенно тщательно.

И стал смотреть, куда бы это сделать бегемоту укол.

«Ну, вот сейчас-то и будет больно»,— мысленно сказал сам себе бегемот и закрыл глаза.

— Тут не пойдет,— говорит пан доктор, оглядывая бегемотову спину,— тут кожа слишком толстая, попробуем в другом месте.

Но сколько он ни искал, тонкой кожи у бегемота так и не нашел.

— Ничего не поделаешь,— сказал пан доктор наконец,— кожа у вас везде толстая, как у бегемота, так и иглу можно сломать, мне не удастся сделать вам укол, вы не обидитесь?

Бегемот вытаращил на него глаза, заморгал, а потом пустился в пляс по кабинету и закричал:

— С чего бы это я стал обижаться? Ничего ведь не случилось. До свиданья!

И побежал прочь от поликлиники, побежал прямо в купальню. Там он смеялся, брызгал во все стороны водой, древесные лягушки вынуждены были даже прикрикнуть на него, они, мол, из-за него даже граммофон не слышат.

И вот, представьте себе, проснулся бегемот в один прекрасный день, глянул на себя в зеркало и видит: он весь желтый.

— Что такое? — сказал он.— Будь я весь белый, это могло бы означать: я чего-то боюсь. Но почему же я желтый? Надо у кого-нибудь спросить, в чем тут дело.

И он отправился в купальню.

Как только он там появился, возник страшный переполох: желтый бегемот! Такого тут еще не бывало! Все разглядывали его и спрашивали, где он достал такую красивую краску.

— Скорее всего это не краска, а лак,— сказали крокодилы,— наш мяч, которым мы играем в воде, блестит так же.

— Пожалуй, это крем для загара,— закричали древесные лягушки.

Только гуси держались важно, они махнули на все это крыльями, давая тем самым понять, что для них это уже пройденный этап: еще птенцами они были такого же цвета.

— Ну и глупые же вы, гуси,— воскликнул пеликан,— тут нет ничего общего. Скорее всего это какое-нибудь заболевание!

Едва пеликан это понял, он тут же вытерся полотенцем и отправился в поликлинику.

— А известно ли вам,— сказал он пану доктору,— что бегемот стал вдруг совершенно желтым?

— Это очень даже возможно,— говорит пан доктор,— это

очень ценный бегемот, он бывает то серым, то белым, почему бы ему не быть какое-то время желтым?

— Никакой он не ценный бегемот,— говорит пеликан,— все это ерунда, белым он был потому, что боялся прививки.

— Так вон оно что! — воскликнул пан доктор.— Значит, это был обыкновенный бегемот, которому не сделали прививку! А поскольку ему прививку не сделали, он заболел желтухой. А поскольку желтуха болезнь очень серьезная, его надо немедленно уложить в постель.

И оказался наш бегемот в постели. Кончилось для него купание, пришлось ему глотать порошки. Рядом с ним сидела медицинская сестра и мерила ему температуру.

— Как это ужасно,— жаловался ей бегемот,— лежать вот так, когда все в купальне играют в мяч и слушают веселые пластинки, которые наигрывает граммофон. Сестричка, хоть сказку мне расскажите.

Сетричке было жаль бегемота, и она стала ему рассказывать:

— Жил-был однажды один бегемот, он ужасно боялся прививок...

Говорят, что кошки неверны в дружбе, но это неправда. Жила-была одна черная кошка с красной ленточкой на шее. Ленточка очень ей шла, и каждое кресло говорило ей:

— Сядь ко мне, тут тебе будет очень удобно, вот увидишь!

В комнате стояло шесть кресел, были они кожаные, с резными ножками, но кошка любила другое кресло — с огромными боковинами-ушами, которое за это звали ушастиком.

Ушастик был стар, он все время мерз, поэтому и стоял у печки. Кошка сидела в нем с утра до вечера, беседовала с ним, читала ему газеты, и вместе им жилось хорошо.

Кресла, стоявшие в комнате, ужасно злились на ушастика и говорили между собой шепотом:

— Дался кошке этот глупый ушастик! Мы ведь намного красивее его! Ножки у нас резные, а ушастик старый, противный, уши огромные, как у слона.

И хотя кресла шептались между собой очень тихо, ушастик все слышал, уши-то у него большие, и думал: «А ведь, пожалуй, кресла правы, я старый, некрасивый, уши у меня большие, выгляжу я, наверное, смешно, когда-нибудь кошка заметит это, я перестану ей нравиться, и что тогда?»

Опасаясь, как бы кошка с красной ленточкой действительно не заметила этого, подождал, когда она пойдет гулять на крышу, отправился на кухню, взял из шкафа самый большой нож и — чик-чик! — отрезал себе оба уха. Потом глянул в зеркало. Ушей больше не было, он стал похож на остальные кресла и радовался этому. «Больше мне не придется выслушивать всякие глупые разговоры, и кошка будет меня любить всегда».

Кошка же, возвратясь с прогулки, всплеснула лапками и сказала:

— Ты сделал огромную глупость, должна я тебе сказать. Ушастик без ушей никому не нужен, теперь тебя выбросят на чердак.

И оказалась права. Ушастик без ушей никакой не ушастик, и его действительно выбросили на чердак. Там было темно и холодно, ушастик же привык к теплу, он дрожал, ему стало грустно, он вспоминал кошку и думал: «Что же я наделал! Хотел нравиться кошке, и вот что из этого получилось. Теперь кошка сидит в каком-нибудь кожаном кресле, читает газеты, а про меня давно уже забыла! Кошки не умеют быть верными друзьями, это всем известно».

Но это была неправда. Кошка вовсе ушастика не забыла. «Как же я могу его забыть,— мысленно говорила она,— хотя я и кошка, а все кошки неверны в дружбе. Только почему я тоже должна быть неверным другом по отношению к ушастику? Ведь в нем так хорошо сидеть!»

Она поднялась на чердак и говорит:

— Не печалься, что ты теперь на чердаке. Мне на чердаке нравится даже больше, чем в комнате. Я ведь кошка. Так будем же снова вместе. Теперь ты только мой ушастик, а я позабочусь, чтобы тебе не было холодно.

И — гоп! — прыгнула в кресло, уселась там и стала вязать. Связала большое теплое одеяло, под которым нисколечко не холодно. А потом стала читать ушастику газеты. Она абсолютно свободно читала в темноте, потому что темнота кошке не помеха. А ушастик был счастлив, что кошка с ним, и ему ничуть не мешало отсутствие ушей. Ему было хорошо, он улыбался и думал: «Как это глупо говорить о кошках, будто они неверны в дружбе».

Про Иванека, который всё толстел и толстел

Жил-был один мальчик, звали его Иванек. Подарили ему на день рождения книжку о птицах, бабочках и большом парке, в котором много каштанов, скворечников и кормушек. Это была замечательная книжка. Иванеку она нравилась, и он читал ее всегда и везде: за завтраком, перед обедом и после ужина. Он хотел прочесть как можно больше и поэтому спешил. В книге, скажем, было написано: «На крыльях у бабочек круги, словно большие колеса», а Иванек читал: «У бабочек боль-

шие колеса». И получалось, будто бабочки не летали, размахивая крыльями, а разъезжали по парку на колесах. Короче говоря, Иванек читал чересчур быстро и некоторые слова глотал.

Правда, сперва глотать слова было не очень удобно, но постепенно он привык, а некоторые слова казались ему вкуснее рисовой каши с малиновым сиропом.

Во время завтрака он съедал слова вместе с рогаликом, а перед обедом или же после ужина любое мало-мальски стоящее слово глотал просто так, в книжке же оставлял только какие-нибудь там «поскольку», «потому что» и «вероятно».

Если бы после этого вы открыли книжку, то увидели бы, что там стало пустынно и печально, как в парке зимой, когда красные скамейки убраны, деревья совершенно голые, а фонтаны спят. Поэтому не удивительно, что птицам там не нравилось и они предпочли улететь на юг, где всегда много солнца и цветов.

Но Иванеку все было совершенно безразлично, об этом он не думал, читал еще быстрее и глотал слова одно за другим. Сами понимаете, что это сразу же стало по нему заметно: он все толстел и толстел, мама этому радовалась и говорила отцу:

— Наш Иванек прекрасно выглядит, правда?

— Да,— говорил отец,— выглядит, как большой надувной мяч.

И вдруг ни с того ни с сего у Иванека разболелся животик, разболелся так, что мальчик чуть не плакал.

— В чем дело? Что случилось? — испугалась мама.

— Ничего страшного,— сказал папа,— уложим его в постель, я почитаю ему, и скоро все пройдет.

Уложили Иванека в постель, отец собрался читать и взял в руки книжку. Это была книжка о птицах, бабочках и большом парке, в котором росло множество каштанов, было много скворечников и маленьких кормушек. Но когда отец раскрыл ее, там не оказалось ни птиц, ни бабочек, на деревьях сидели одни «так как», «потому что», а в траве прыгало единственное маленькое «вероятно». В остальном же там было голо и пусто.

«Что такое? — удивился отец.— Что это за странная

книжка? Где тут каштаны и фонтаны, скворечники и бабочки? Куда все это подевалось?»

Он позвал маму и говорит ей:

— Взгляни на эту книжку. Все прекрасные слова исчезли из нее, тут ничего нельзя прочесть!

— Может, про них Иванек что-либо знает? — сказала мама.— Ведь это его книжка, ему ее подарили на день рождения.

Что Иванеку оставалось делать? Пришлюсь рассказать начистоту, как это получилось.

Он признался, что все недостающие слова он проглотил.

— А зачем? — спросил отец.

— Почему? — спросила мама.

— Потому что... потому что я очень торопился читать,— сказал Иванек.— Некоторые слова пришлись мне по вкусу больше, чем рисовая каша с малиновым сиропом, вот я и глотал их когда вместе с рогаликом, а иногда просто так, совсем без ничего.

— А какие слова ты глотал вместе с рогаликом? — спросил отец.

— А какие просто так, без ничего? — спросила мама.

— С рогаликом я ел фонтаны, скворечники и кормушки,— сказал Иванек,— а цветы, каштаны и красные скамейки я глотал просто так, перед обедом и после ужина.

— Потому-то и толстел наш Иванек? — сказала мама.

— Так вот отчего у него теперь болит животик! — сказал отец.— Что будем делать? Придется идти к пану доктору.

И они пошли.

Пан доктор поставил Иванека за белый щиток, который называется «рентген», заглянул к нему в животик, и знаете, что он там увидел? Он увидел там все проглоченные слова, но в таком беспорядке, что не мог удержаться от смеха. Например, он прочел: «В кормушке рос большой парк, в том парке фонтаны склевали все скворечники, а красные скамейки там летали и садились на цветы, как бабочки...»

Пан доктор долго смеялся, а потом сказал:

— Ничего не поделаешь, Иванек, нужна операция, так это оставлять нельзя.

Иванеку сделали операцию. Все слова у него из животика вынули, поставили их на свои места в книжке, и книжка эта о птицах, бабочках и парке опять наполнилась птичьим щебетаньем, фонтанами и красными скамейками, как и прежде. Да и Иванек уже не был похож на большой надувной мяч. С той поры он уже никаких слов не глотал, даже если это были такие прекрасные слова, как «каштаны», «цветы» и «бабочки».

Сороконожка, ботинки и украденный парк

Парк в нашей жизни совсем не мелочь, парк — это парк. Не будь парков, птицам в городах негде было бы жить, детям — негде играть, мамам — негде катать коляски с малышами. Парков всегда не хватает. Парк штука ценная, и неудивительно поэтому, что в каждом парке есть сторож.

Жил-был один такой сторож парка, он курил трубку, ходил с палкой, все лето разгуливал по дорожкам туда и обратно и следил, чтобы дети не бегали по газонам.

А дети говорили:

— Этот сторож нас нисколько не любит, все время так и смотрит за нами. Хоть бы отошел куда-нибудь на минутку.

Однако сторож находился в парке с утра до вечера. И лишь осенью, когда дождь льет как из ведра и в парк уже никто не ходит, он убирал опавшие листья, уносил красные скамейки, укутывал пионы, чтобы они не померзли, и отправлялся домой.

И вот идет он так однажды и встречает кассиршу из кинотеатра.

— Вот,— говорит сторож,— иду спать. Теперь уже с парком ничего случиться не может. Ну кто украдет дорожки и газоны? Осень, в это время в парк уже никто не пойдет.

— На вашем месте я бы так спокойно себя не чувствовала,— говорит пани кассирша,— кто знает, всякое может случиться.

И пошла к себе в кассу.

Рядом с парком и кинотеатром находилась школа, и в ту школу ходило много детей. Прибегут, переобуются в домашние тапочки, а ботинки оставят в раздевалке. Нельзя сказать, что в раздевалке царил порядок. Валялось там по крайней мере пар сто грязных, в песке ботинок. И поскольку о порядке в раздевалке дети не заботились, там хозяйничали сороконожки. Им беспорядок нисколько не мешал.

И вот, стало быть, гуляет по раздевалке одна старая сороконожка и рассуждает вслух:

— На улице грязно, становится все холоднее и холоднее. Если мне захочется выйти куда-нибудь, гулять будет неприятно. У меня сорок ног и ни одной пары обуви, а ходить по дождю босиком врачи не рекомендуют. Будь у меня ботинки, я бы пошла в парк. Говорят, там красивые красные скамейки, надо бы хоть раз на них взглянуть.

Рассуждает это она таким образом, и вдруг ее осенило: а что, если договориться с ботинками?

— Не хотите ли прогуляться куда-нибудь? — спрашивает она их.— До конца занятий мы успеем вернуться.

Дважды повторять ботинкам не пришлось. «Вместо того

чтобы тут валяться, можно сходить в кино или в музей, где выставлены первые в мире ботинки»,— решили они и сказали сороконожке, что не возражают против небольшой прогулки. Сороконожка, мол, обуется, и они пойдут вместе.

Но стоило им выйти на улицу, и дождь полил как из ведра. Кое-кому из ботинок идти расхотелось, они стали выкрикивать:

— Чего ради мы будем шлепать под дождем!

Но сороконожка сказала:

— А ну, тихо! Я и слушать не хочу! От нескольких капель дождя ничего с вами не станет. Впрочем, мы можем пойти в парк и спрятаться там под скамейками.

Ботинки стали смеяться:

— Чокнулась наша сороконожка! Где это видано — прятаться под скамейки. Сразу ясно, что скамейку она в жизни не видела. Пошли в кино или музей!

Но сороконожка рассвирепела и закричала:

— С каких это пор ботинки командуют, куда надо идти? Я хочу в парк! И точка!

И они все пошли в парк.

В парке голо и пусто, дождь течет сороконожке за шиворот. Огляделась она и думает: «Где же красные скамейки? Нет тут ничего, только несколько дурацких дорожек да песок, который липнет к ботинкам».

И действительно: идет она по дорожке, а песок с каждым шагом прилипает к ботинкам, чем дальше, тем все больше и больше.

— Да что же это такое! — кричат ботинки.— К нам прилипли все дорожки! Пойдемте отсюда, пока не унесли на себе весь парк!

Но сороконожка упряма, она хочет видеть красные скамейки и поэтому бродит по парку вдоль и поперек, бродит до тех пор, пока к ботинкам не прилип парк целиком со всеми дорожками, газонами, пионами, укутанными на зиму, и эстрадой-раковиной для музыкантов.

«Ничего себе дела! — думает про себя сороконожка.— Парка больше нет, весь он у меня на ботинках, как только кто-нибудь это заметит, плохо мне будет».

И бросилась из парка.

— Если кто-либо спросит у вас, куда подевался парк, то

вы ничего не знаете,— говорит она ботинкам.— А теперь пойдем в кино. Знайте, я хорошая сороконожка.

А сама думает: «В кинозале темно, там на нас никто не обратит внимания».

Идет она, стало быть, с ботинками в кинотеатр, шагает тяжело, едва волочит ноги, до кинотеатра добралась вся взмыленная.

— Один детский билет в первый ряд,— говорит сороконожка, потому что у нее в кармане всего-навсего одна крона.

Но пани кассиршу не проведешь, она видит, что перед нею старая сороконожка, и говорит ей:

— Не кажется ли вам, что для детского билета вы староваты?

Но у сороконожки нет денег на взрослый билет, и она говорит:

— Если я ношу детские ботинки, может, это дает мне право на детский билет?

А вот этого ей говорить не следовало. Пани кассирша высунулась из окошка, посмотрела на сороконожкины ботинки и воскликнула:

— Как вам не стыдно приходить в кинотеатр в таких грязных ботинках? Да ведь на ваших ботинках три вагона песку, уйма травы, обернутые на зиму пионы и какая-то концертная раковина, похожая на ту, что в нашем городском парке.

А потом, присмотревшись, как закричит:

— Ну, конечно же! Вы украли целый парк! Помогите! Воры!

И бросилась к ней.

Видит сороконожка — дело плохо, повернулась и бежать со всех ног. Но ботинки тяжелые, сороконожка едва волочит ноги. И около буфета пани кассирша ее догнала.

— Свяжу-ка я вам шнурки, чтобы вы не сбежали,— сказала она сороконожке,— и позову сторожа. То-то он удивится!

Связала она шнурки у ботинок, закрыла кассу, пришла к сторожу, разбудила его и говорит:

— У вас парк украли! Что? Удивляетесь?

Сторож даже с кровати свалился.

А когда они с пани кассиршей прибежали обратно в ки-

нотеатр, то увидели: стоят возле буфета ботинки, связанные шнурками, а сороконожки нет. Она разулась и удрала.

Сторож взял ботинки в том виде, как они были — связанные шнурками, перекинул через плечо, отнес на то место, где был парк, отряхнул с них весь песок и траву, вернул на свое место дорожки, и газоны, и укутанные пионы, и концертную раковину, привел весь парк в порядок и чистые ботинки отнес в школу.

Приходит он туда и слышит — звонок звенит-заливается, как раз кончились уроки. Дети из классов бегут в раздевалку и видят сторожа, у которого через плечо висят их ботинки, совершенно чистые.

Дети улыбаются сторожу, им немного стыдно за грязные ботинки. А сторож улыбается детям, и ему также немного стыдно за украденный парк. И все приходят к согласию.

«Ну, что было, то прошло! Зачем про это вспоминать? Давайте думать о весне, о пионах и зеленой траве, о большом прекрасном парке, где мы будем играть вместе — и дети и сторож».

О хомяке, который съел Деда Мороза

У хомяков толстые щеки. Это потому, что за щеки они складывают еду про запас. Если кому-нибудь удастся заглянуть за щеку хомяка, он увидит, как здорово у него там все устроено. Там у него полочки, на полочках нарезанные бумажки, а на них лежат лук и чеснок, немного гусиного жиру, кусок свиного сала и, разумеется, несколько сортов варенья. Варенье стоит на самом верху, так что, когда хомяк хочет его оттуда снять, ему приходится становиться на цыпочки.

Кладовка для хомяка штука важная. Еду он должен запасать себе на всю зиму, на то время, когда он ничего не делает, а только спит себе да спит. Ну, а что, если он вдруг неожиданно проснется и захочет поесть? Вот тогда-то он подкрепится из своих запасов и снова уснет.

У хомяков имеются большие будильники, только вместо часов на них обозначены месяцы. Перед тем как улечься спать в октябре, они устанавливают стрелку звонка на март. Установят, зевнут и засыпают. Некоторые перед спячкой немного читают. Эти засыпают только в ноябре. Но и у них будильники начинают звонить тоже в марте. Проснувшись, хомяки потягиваются, вылезают из постели, чистят зубы, позавтракают и выходят наружу — взглянуть, как там обстоят дела с весной?

Но не все хомяки одинаковы.

Жил-был однажды один хомяк, и звали его Анатоль. Это был отвратительный хомяк — неряшливый, лживый и жадный. Даже рассказывать о нем и то противно.

Все хомяки делали себе запасы на зиму, только Анатоль ничего не запасал, съедал все сразу, а про зиму и не думал. На полке у него было лишь немного сливок, и то потому только, что их принесла ему тетушка Анежка. А так в его кладовке валялась куча всякого хлама: открытки, присланные бог весть откуда, чашки без ручек, ломаные гребни, пуговицы от воротников, старые трикотажные рубашки и конь-качалка с отломанной ногой.

В то время как все хомяки тщательно готовились к спячке, Анатоль оказался столь беспечным, что поставил стрелку звонка у будильника совершенно неверно. И вот спит он и вдруг: дррр! Анатоль потянулся, вылез из постели и почувствовал страшный голод. Он тут же съел сливки тетушки Анежки и, даже не утерев усы, полез наружу. Немного сливок голод его не утолили, наоборот, аппетит у него разыгрался еще больше, но он сказал себе: «Ничего, весна наступила, где-нибудь что-нибудь да раздобуду».

Однако, представьте себе, он не видит ни зеленой травы, ни ландышей, ни солнышка, повсюду лишь белый снег. Беспечный Анатоль вместо марта поставил будильник на декабрь, вот почему вместо весны оказалась зима, да еще трескучая. На такое Анатоль никак не рассчитывал. Не успел

он опомниться, как снегом замело вход в его нору, хомяк растерялся, не знает, что делать. Холодно, мокро даже за ушами, в животе урчит. Сел он у дороги и заплакал.

Сидит и ревет, а в это время мимо идет Дед Мороз, толстый, как шар, в красной шапке, усы белые, а в авоське полно апельсинов.

— Ты что тут делаешь, хомяк? — спрашивает он, а изо рта у него валит пар.— Почему не спишь и отчего у тебя в животе урчит?

Увидел хомяк Анатоль Деда Мороза, да еще с лакомством, расплакался еще сильней и говорит жалостным голосом:

— Я — хомяк Анатоль, раздал все, что имел. Тетушке отдал сливки, заботы о других хомяках не дают мне уснуть, а теперь сам хочу есть, и от голода у меня урчит в животе.

— Бедный Анатоль,— говорит Дед Мороз,— ты и в самом деле худой какой-то. На, возьми несколько апельсинов, очисти кожуру, да вот тебе шапка, чтобы уши не мерзли. Я скоро доберусь до тепла, иду вон туда, в школу, раздавать детям апельсины. В них витамины, детям витамины необходимы для здоровья. Ну, прощай!

И уходит. А хомяк тут же умял апельсины и сразу стал толстым и круглым, как шар. Надел шапку и — глядь! — с белыми от сливок усами стал совсем похож на Деда Мороза.

«Если я стану Дедом Морозом, то наемся апельсинов досыта,— соображает он,— а потом пойду в школу и как следует отогреюсь».

И он пустился вдогонку за Дедом Морозом. Догнал, похлопал по плечу и говорит:

— Что, если вы пойдете домой, а я за вас раздам детям апельсины? Никто ничего не заметит. Как вы к этому относитесь?

А Дед Мороз подумал: «Спятил хомяк». Уже хотел было постучать пальцем по лбу, но оборачивается и видит Анатоля, похожего на огромный шар, с белыми усами и в красной шапке. Тут до него доходит, что, пожалуй, хомяк предлагает все это всерьез.

— Анатоль,— говорит он тогда, произнося слова медленно и с нажимом,— подумай немного: видел ли кто-нибудь когда-нибудь, чтобы хомяки раздавали подарки? Дед Мороз я, я и буду раздавать подарки.

Но Анатоль не хочет с этим считаться, а хочет насытиться апельсинами и погреться. И хочет он этого любой ценой, будь то по-хорошему или по-плохому. Он неожиданно распахивает свою огромную пасть, и в тот же миг Дед Мороз вместе с авоськой оказывается у него за щекой, в кладовке.

Хомяк шагает к школе, лопает апельсины и раздумывает о том, что же он даст детям.

«Дам я им снежки! Они немного похожи на апельсины,— прикидывает он в уме.— Добавлю к этому какие-нибудь старые открытки, гребешки и пуговицы, хватит с них и этого».

Налепил он много-много снежков, насовал их в карманы и звонит школьному сторожу в дверь.

Сторож открывает и говорит:

— Проходите, дети уже ждут.

И ведет Анатоля в спортзал, в хорошо натопленный спортзал, заполненный детьми, которые кричат:

— Добрый вечер, дедушка Мороз, мы рады, что наконец-то ты пришел, наверное, тебя что-то задержало в пути, да?

Хомяк забирается на возвышение и говорит:

— Очень тут у вас тепло, мне это нравится, замерз, пока к вам добирался. Сейчас я раздам подарки, думаю, они вам понравятся. Только апельсины немного недозрелые, но это неважно, полежат у вас и дозреют. Итак, начнем.

И вот девочки и мальчики поднимаются на возвышение, а хомяк раздает им снежки, чашки без ручек, пуговицы, расчески, старые открытки, рваные рубашки. Дети удивляются и говорят:

— Подарки какие-то мерзкие, правда?

Но пани учительница делает им замечание:

— Это еще что такое! Вот услышит Дед Мороз да обидится!

Только маленький Криштоф, которому достался конь-качалка с отломанной ногой, подумал:«Пусть Дед Мороз обижается сколько хочет, мне все равно!» И говорит громко:

— Этот конь никуда не годится, ты какой-то странный Дед Мороз!

Услышав это, хомяк очень рассердился и как закричит:

— Как это никуда не годится? Какой я «странный Дед Мороз»? Гляди!

Садится он на коня, начинает качаться вперед-назад, качается остервенело, страсть как остервенело. От этой яростной качки у него расстраивается желудок. Еще бы! Ведь после еды качаться нельзя. И Анатоль слезает с коня совершенно зеленый и хватается за живот. Пани учительница тут же бежит к телефону.

— Алло! Звонят из школы, у нас Дед Мороз заболел! Это пани учительница звонит!

Через минуту «скорая помощь» уже на месте. Входит пан доктор в белом халате и говорит:

— Пожалуйста, не волнуйтесь, по всей вероятности, это ангина. Зимой ангина случается часто.

Он заглядывает в рот хомяку и удивляется: на полке сидит Дед Мороз, держит авоську с остатками апельсинов, стучит нога об ногу и говорит:

— Ну, хватит с меня! Насиделся я тут. Думал, что придется здесь оставаться до весны.

И вылезает из хомяковой кладовки. А дети, пани учительница и пан доктор не знают, что и думать: стоят рядом два Деда Мороза, который из них настоящий? Думают до тех пор, пока маленький Криштоф не сказал:

— Спорим, что настоящий вон тот, с авоськой!

А настоящий Дед Мороз улыбается и говорит:

— Ты угадал, сынок, я тот Дед Мороз, который нес вам апельсины с витаминами, а это — хомяк Анатоль, неисправимый эгоист, который раздал вам свой хлам, негодяй!

А Анатоль думает: «Плохо дело, надо побыстрей уносить ноги».

Но не так-то это просто. У каждого из ребят по снежку, все кидают метко, и вот уже мокрый как мышь Анатоль удирает во все лопатки и на ходу уговаривает себя: «В следующий раз надо будет поставить будильник точно».

Йонаш и рыбий жир

Жил-был однажды один мальчик, звали его Йонаш. Этот Йонаш хотел стать регулировщиком и регулировать движение на перекрестке. Но все дело в том, что милиционер-регулировщик должен быть очень закаленным — чтобы ноги у него зимой не мерзли. А Йонаш, бедняжка, был этакий хлипкий зяблик, слабенький еще и потому, что не ел рыбу.

Бывало, подует он на поцарапанный палец и от этого дуновения сразу же начинает кашлять. В таких случаях отец

бежал к телефону, набирал номер 1—2—3—4—5. Приходил пан доктор Заруба и тут же давал Йонашу капли.

Или, скажем, просматривает Йонаш книжку с картинками и при этом переворачивает страницы чуть быстрее, чем обычно, и от этого ветерка хватает такой насморк, что отец вынужден бежать к телефону и набирать номер 1-2-3-4-5. Приходил пан доктор Заруба и тут же давал Йонашу порошки.

И вот представьте себе, однажды, именно в тот момент, когда Йонаш собирался вместе с папой и мамой к бабушке, тетя Клотильда принесла Йонашу мятные конфеты. Разумеется, с ее стороны это было глупо, тетя Клотильда должна была понимать, что купить ей следовало что-нибудь другое, например, мармелад.

Но тетя бог весть о чем думала, купила мятные конфеты и принесла их Йонашу.

Бедняжка Йонаш проглотил мятную конфету, от которой, как известно, становится прохладно, словно свежим ветерком потянет, и в животе у него поднялся такой ветер, что в ушах свистело. Когда же он открыл рот, все газеты, старые билеты в кино разлетелись по комнате, скатерть захлопала, а тетя Клотильда и мама вынуждены были прижимать руками подолы платьев.

Когда во рту дует такой ветер, это вам не пустяк. И у Йонаша заболело горло. А это штука похуже, чем насморк или кашель. Вот почему отец побежал к телефону быстрее обычного, хотел набрать номер 12345, но так как он думал о том, что к бабушке теперь они уже вряд ли поедут, набрал номер 12346. Через некоторое время раздался звонок в дверь, но вошел не пан доктор Заруба, а Рыба-кит.

— Что вам угодно? — спросил папа.

— Вы звонили мне по телефону, мой номер 1-2-3-4-6,— говорит Рыба-кит.

— Это недоразумение, я ошибся номером,— говорит папа,— я звонил доктору Зарубе, у Йонаша заболело горло.

— Неважно,— говорит Рыба-кит,— я случайно в этом кое-что понимаю.

И идет в комнату.

— Привет, Йонаш,— говорит Рыба-кит,— скажи «ааа», чтобы мы знали, что с тобой.

Йонаш сказал «ааа», а Рыба-кит заглянула ему в горло и говорит:

— Это ангина. Придется тебе как следует пополоскать горло. У вас в доме есть марганцовка?

Услышав это, мама очень расстроилась, пошла на кухню и покорно принесла марганцовку, как велела Рыба-кит, которую приходится слушать, словно она не рыба, а пан доктор Заруба.

Но тетя Клотильда не хотела с этим смириться и сказала отцу в прихожей:

— Йонашека не должна лечить какая-то там Рыба-кит. А вдруг она в этом ничего не понимает?

«Разумеется,— подумал папа,— от этого могут возникнуть всякие неприятные осложнения». Он вошел в комнату и говорит:

— А откуда вы знаете, что это ангина? Ведь вы никакой не доктор, а обыкновенная Рыба-кит.

— А почему вы думаете, что я в этом не разбираюсь? — говорит Рыба-кит.— Вы ведь обыкновенный папаша. Между прочим, я разбираюсь в этом. Когда я была еще маленькой, случалось так, что и я, бедняжка, болела ангиной. Сегодня я, разумеется, и знать не знаю, что значит болеть. И это потому, что я закалялась в Ледовитом океане, ела рыбу и пила рыбий жир. И вот полюбуйтесь на меня теперь. Ну что, удивляетесь? Мой рост тридцать девять метров в длину. Так что пусть Йонаш полощет горло, а там увидим.

— Гм,— сказал папа,— пожалуй, вы правы, пусть Йонаш полощет горло.

Только Йонаш о полоскании слышать не хотел. Он понятия не имел, как это делается. Рыбе-кит пришлось показывать. Пасть у нее огромная, и она попробовала булькать в горле, пустив в ход полотенце и мыло, телефон и кроватку, но все заглатывала. Проглотила она плиту со сковородкой, и радиоприемник, и книжку со сказками, но в конце концов у нее все-таки получилось, и Йонаша она тоже научила. Так они полоскали горло до тех пор, пока Йонаш не поправился.

— Йонаш здоров,— сказали Рыбе-кит папа, мама и тетя Клотильда,— спасибо вам большое, можете идти домой, а мы едем к бабушке.

— Что вы, что вы! Это вам только кажется, будто он здоров. Он еще не закален, он еще не ест рыбу и не пьет рыбий жир. С чего вы взяли, будто он здоров?

— Гм,— сказал папа,— пожалуй, вы правы, Йонашу нужно закаляться. Если вы располагаете временем, оставайтесь с ним. Мы поедем к бабушке, а вы привезете туда Йонаша, как только он закалится. Ну, до свидания.

— До свидания,— говорит Рыба-кит.

Налила она в ванну холодной воды и позвала Йонаша.

— Йонаш, будем закаляться. Оботри как следует губкой шею, уши и так далее.

— Бррр! — сказал Йонаш.— Вода ледяная. Я не стану мыться такой водой.

Он взял губку и вобрал в нее всю воду.

— Я не могу обтираться,— говорит он Рыбе-кит,— в ванне нет воды.

«Невероятно! — подумала Рыба-кит.— Куда же эта вода подевалась?»

И опять налила воды в ванну.

А Йонаш взял губку, высосал ею всю воду и говорит:

— Я же сказал: не могу обтираться, здесь нет воды.

«Спятила я, что ли? — подумала про себя Рыба.— Куда же она каждый раз девается?»

И налила воду в третий раз.

А Йонаш опять взял губку и опять высосал ею всю воду.

«Интересно,— думал он,— кто раньше сдастся?»

Губка стала тяжелой, воды в ней скопилось, как в озере.

«Куда же все-таки она девается?» — задавала себе вопрос Рыба и все наливала и наливала воду. Так и шло по кругу, пока Рыба не умаялась окончательно и не сказала Йонашу:

— Давай пока прекратим это дело, я должна немного отдохнуть.

И села на стул, где лежала губка со всей водой, которую она впитала.

Тотчас все оказалось в воде, в тот же миг образовалось море, и в этом море плавала Рыба-кит. Она была весьма удивлена, пасть открыта, а в пасти сидел Йонаш и про себя думал: «Вот это да!»

— Ну и натворил же ты дел, теперь плавать нам в Ледовитом океане. Беги-ка в утробу, а то простудишься. Ты

ведь еще не закалился,— говорит Рыба, захлопывает пасть, и Йонаш оказывается у нее в брюхе.

К счастью, внутри Рыбы неплохо. В брюхе он обнаружил все необходимое: кроватку, радиоприемник, книгу сказок, мыло и полотенце, так что почувствовал он себя как дома. Включил он фонарик, лег в постель и стал читать сказки.

Лежит он этак, читает, как вдруг зазвонил телефон. Оказалось, звонит Рыба-кит. Спрашивает:

— Не проголодался? В холодильнике рыба и рыбий жир, можешь взять.

— Спасибо,— говорит Йонаш,— как раз на это у меня аппетита и нет.

— Как хочешь,— говорит Рыба-кит.— Появится аппетит, бери, а теперь ложись спать, утром научу тебя плавать.

И действительно, утром Рыба-кит распахнула пасть, затем нырнула и сразу же вся наполнилась водой. Йонаш стал кричать:

— Бррр! Какая вода холодная!

Но это ему не помогло.

Потом он насухо растерся полотенцем, сделал зарядку по радио, чтобы согреться, а так как почувствовал голод, стал есть рыбу и пить рыбий жир. Через несколько дней и рыба, и жир уже пришлись ему по вкусу и даже холодная вода его больше не пугала. Наоборот, наверху он принимал душ под струей, которая бьет у Рыбы-кит из головы.

Так он стал совершенно другим мальчиком: на голову вырос, вдвое прибавил в весе, самый холодный ветер был ему нипочем, а поскольку он ел много рыбы, кости его были — сплошной фосфор, который к тому же ярко светился.

— Знаешь что,— предложила ему однажды Рыба-кит,— поплывем-ка мы к бабушке, я думаю, пора.

И поплыли. А когда приплыли, то все были страшно удивлены:

— Да ведь это не наш Йонаш! Наш, бедняжка, маленький,— сказали бабушка, и папа, и мама, и тетя Клотильда.

— И все-таки это я,— говорит Йонаш,— только я уже больше никакой не бедняжка.

— Ради нашей встречи я бы купила тебе мятные конфеты,— сказала тетя Клотильда,— да ведь ты знаешь, к чему это привело в тот раз.

— Ха! — сказал Йонаш. И проглотил пять пакетов мятных конфет одним махом. А после того как он раскрыл рот, от ветра, что подул оттуда, тетя Клотильда носилась в воздухе целых две недели.

А Йонаш простился с Рыбой-кит, поблагодарил ее и стал милиционером-регулировщиком на перекрестке. Ноги у него никогда не мерзли, даже в самые сильные морозы. А ночью он светился, как неоновая реклама, и все шоферы его очень хвалили, особенно когда бывал туман, любили его, знали по имени и говорили:

— Ну, это же наш Йонаш!

Зима — великолепная штука. Зимой можно кататься на санках, на лыжах, на коньках. Но лето все же лучше. Летом с утра до вечера светит солнышко и кругом всюду цветы — в парке, в саду и за окнами. Зимой цветов за окнами быть не может, что вы! Зимой цветы могут быть разве что в оранжереях, в садоводстве или же в ботаническом саду. Окна на мир глядят печально, а люди тем более. Они ходят хмурые, спрятав головы в поднятые воротники, боятся насморка и ругают мороз.

Но мороз ни в чем не виноват, мороз делает все возможное, чтобы людей порадовать. Например, покрывает льдом реки, чтобы на них можно было кататься на коньках. А заморозить реку непросто, приходится хорошо потрудиться. Чтобы заморозить одну реку, нужно собрать целую бригаду морозов и основательно поработать. Только при этом удастся за неделю управиться.

Некоторые морозы делают сосульки на крышах, огромные сосульки, которые красиво звенят, если по ним стукнуть линейкой. Или же маленькие сосульки, которые не звенят. На них можно только любоваться.

Эти маленькие сосульки делают маленькие морозы. Они пока не ходят в школу и многого еще делать не умеют, разве только какие-нибудь глупости, ну, скажем, щиплют за уши и тому подобное.

Когда такие морозы-малыши поступают в школу, они учатся всему, чему только можно. Есть у них и уроки физкультуры, где они учатся бегать у людей по коже, но основной упор делается на разрисовывание окон. Дело ясное — окон на свете столько, что их никому не счесть, поэтому каждый стоящий мороз должен уметь рисовать.

Теперь представьте себе мороза-малыша с синим носом и красными ушами. Зовут его Франтишек. Сидит он за партой и слушает. Как раз идет урок рисования, и пан учитель объясняет:

— Разрисовывать окна — дело весьма полезное. Летом люди видят за окнами цветы, а зимой? Именно поэтому мы, морозы, рисуем цветы на окнах, чтобы люди по ним не скучали. Теперь вам ясно?

— Ясно! — кричат маленькие морозы.

— Ясно! — кричит Франтишек.

А пан учитель продолжает:

— Сейчас мы могли бы рисовать ландыши, гвоздики или же анютины глазки, но это не так просто, будьте внимательны.

И пан учитель открывает шкаф, берет в руки маленький белый ландыш, и — глядь — ландыш вспыхивает и горит свечой. Маленькие морозы ошеломлены, но пан учитель говорит:

— Ничего особенного тут нет, это нормальное явление природы: мороз сжигает цветок. Ясно? Поэтому мы не можем

учиться рисовать все, что нам придет в голову. А что можем? Какое растение мороз не сжигает, кто знает?

Франтишек тянет руку и говорит:

— Крапиву.

— Хорошо,— одобряет ответ пан учитель,— скажи фразу полностью.

— Мороз крапиву не сжигает,— говорит Франтишек.

Пан учитель кивает головой в знак согласия.

— Да, мороз крапиву не сжигает, а потому с незапамятных времен морозы рисуют на окнах крапиву. Мы тоже будем рисовать крапиву.

И пан учитель снова открывает шкаф и дает каждому по одному огромному стеблю крапивы. Затем раздает кисточки, белую краску, и маленькие морозы принимаются рисовать.

Только Франтишек не рисует, он все смотрит и смотрит, потом поднимает руку и спрашивает:

— А почему мы рисуем крапиву белой краской, когда она зеленая?

— Ты что мелешь? — говорит пан учитель.— Ты видел когда-нибудь, чтобы мороз рисовал зеленой краской?

Весь класс смеется: до чего же Франтишек глупый! Франтишеку ничего не остается делать, как взять кисточку и рисовать белую крапиву. И, можете себе представить, у него вполне хорошо получается — он рисует лучше всех в классе. А когда в конце урока он сдает готовый рисунок, пан учитель хвалит его и говорит:

— Из тебя может выйти неплохой художник, только тебе, Франтишек, следует быть разумным. Я понимаю, если нарисовать красками, все выглядело бы куда прекраснее. Но краски дороги, а окон на свете слишком много, рисовать красками невыгодно. Белая краска делается из снега, а снега всюду хоть отбавляй.

«Ну какое это имеет значение — выгодно, невыгодно! — думает Франтишек по пути из школы домой.— Ведь это же на радость людям, а радость — самое главное, правда?»

Размышляя таким образом, минует он магазины — обувные, головных уборов, парфюмерные — и вдруг видит витрину со множеством красок. Смотрит Франтишек и думает: «Вот было бы здорово, если бы у меня были такие краски! Я бы разрисовал окна разными цветами, и люди перестали

бы быть мрачными, не прятали бы головы в воротники, чувствовали бы себя, как весной, и может быть, даже улыбались».

Вдруг его осенило: а что, если попросить краски?

Входит он в магазин и говорит:

— Добрый день. Дайте мне, пожалуйста, каких-нибудь красок, чтобы я мог рисовать на окнах цветы. Зима такая однотонная — серая и белая, немного красок ей не повредит.

Но в магазине хорошо натоплено, мороза тут только и не хватало! А потому продавец кричит:

— Я тебе покажу краски! Ведь ты же все равно понятия не имеешь, как выглядят цветы! А ну, марш на улицу! Еще насморк из-за тебя схватишь!

И захлопнул за Франтишеком дверь.

Стоит Франтишек на улице и думает: «А ведь насморк — это не самое худшее, окна, разрисованные белой крапивой, куда хуже. До чего же эти люди глупые».

Идет он хмурый, словно десяток ежей проглотил. И вдруг откуда ни возьмись навстречу ему девочка. Ни мороза, ни насморка она не боится, щеки красные, смеется и говорит:

— У тебя смешные красные уши, синий нос, ты хмурый, словно десять ежиков проглотил. Что с тобой?

— Да ну,— говорит Франтишек,— сержусь на людей за то, что они ужасно глупые. Боятся насморка и не хотят дать мне краски, чтобы я мог рисовать на окнах цветы, а не белую крапиву.

— А какие цветы ты бы хотел рисовать? Ты же никаких цветов не видел, ведь ты же мороз!

— Я видел один маленький ландыш до того, как он сгорел,— говорит Франтишек,— я мог бы рисовать ландыши. Все лучше, чем крапива.

— Знаешь что,— говорит девочка,— пошли со мной в ботанический сад, там мой папа, там ты увидишь столько цветов, сколько захочешь. А потом пойдем к нам, я дам тебе краски.

Взяла она Франтишека за руку, и они вместе отправились в ботанический сад.

— Что вы! — сказал папа, который в ботаническом саду работал сторожем.— Морозу сюда вход запрещен, от него цветы померзнут.

— Зачем же им мерзнуть? — говорит девочка.— Это всего-навсего мороз-малыш, и если он не будет дышать на цветы, им ничего не сделается.

Тогда папа говорит:

— Ну, ладно, бегите.

И девочка с Франтишеком бегут в огромную оранжерею, где полно цветов.

Там и красные, и желтые, и синие, там и пионы, и тюльпаны, и розы, и гвоздики, и анютины глазки. Франтишек глядит не наглядится и даже не дышит.

А девочка ему говорит:

— Такого еще ни один мороз не видел. Но нам уже пора уходить, без дыхания ты долго не выдержишь. Я и то могу не дышать под водой, только пока считаю до десяти.

И они уходят.

Но Франтишек оборачивается еще, чтобы лучше запомнить, как выглядят цветы.

Приходят они к девочке домой, а там у нее множество красок. Берет Франтишек краски и по памяти рисует тюльпаны и гвоздики, а девочка хлопает в ладоши и говорит:

— Какие прекрасные цветы! До чего же здорово у тебя получилось! Попробуй теперь на стекле!

И Франтишек принимается рисовать на стеклах, разрисовывает их одно за другим. Девочка давно уже спит, а он все рисует и рисует. Разрисовал окна во всем доме. А когда утром люди проснулись, увидели за окнами цветы и подумали: «За окнами цветы, как весной!» И заулыбались. А те, что проходили мимо окон случайно, тоже улыбались, останавливались и спрашивали:

— Вы не знаете, как зовут мороза, который доставил нам такую радость?

А девочка, которая это слышала, говорит:

— Этого мороза зовут Франтишек. Он теперь всегда будет нам так разрисовывать окна, я его спрятала, чтобы с ним ничего не случилось.

— Куда же ты его спрятала? — спрашивают у нее.

А девочка говорит:

— Пойдемте со мной, сами увидите.

И ведет их в кухню, открывает холодильник, и все видят: сидит там Франтишек и ест фруктовый кефир с клубникой.

— Правильно,— говорят люди,— умная девочка, насморка не испугалась, взяла маленького мороза к себе и теперь его кормит, чтобы он подольше держался. Так что веселые окна, разукрашенные цветами, будут у нас и на будущую зиму.

И в самом деле, с тех пор в этом доме окна каждую зиму разрисованы красными, желтыми и синими цветами, и никто там не хмурится и не ругает мороз.

Жил-был однажды один мальчик. Звали его Валентин. Он любил своего дедушку, который знал про все на свете, а после дедушки еще любил небо, красные тюльпаны и желтую канарейку, что распевала с утра до вечера.

Но каждый вечер солнышко уходило за горизонт, канарейка переставала петь, а дедушка засыпал. Вот этого Валентин не любил. Он говорил:

— День — это прекрасно, а ночь мне нисколечко не нравится. Ночью темно и печально, ночью кошка может канарейку сожрать. Сожрет и что потом?

Однажды утром Валентин говорит канарейке:

— А знаешь ли ты, что я уже большой и должен идти в школу? Всего доброго, будь осторожна, внимательно следи за кошкой.

И пошел в школу.

В школе посадили его на первую парту перед самой доской. Поглядел Валентин на доску и подумал: «Почему она такая черная? Мне от нее так тоскливо, что даже спать хочется».

— Что с тобой, Валентин? — спрашивает пани учительница.— Почему ты закрываешь глаза?

— Я не знаю, почему,— говорит Валентин,— только когда я смотрю на эту черную доску, мне становится тоскливо и хочется спать.

— Сейчас тебе нельзя спать,— говорит пани учительница,— сейчас я буду рисовать на доске много интересного, смотри внимательно.

Она взяла мел и нарисовала один кружок, потом два кружка и наконец три кружка.

— Один кружок и еще два кружка будет три кружка,— сказала пани учительница.— Нравится тебе считать, Валентин?

— Нравится,— говорит Валентин,— только если бы вы нарисовали канареек, было бы еще красивее.

— Пожалуйста,— говорит пани учительница. Она стерла кружки и нарисовала одну канарейку, потом две канарейки и наконец три канарейки.

Валентин был очень доволен, канарейки получились одна лучше другой и нравились ему. Столько канареек сразу ему еще никогда не доводилось видеть. Он улыбался, а сам думал: «Хорошо, что я сижу на первой парте, по крайней мере могу их рассмотреть как следует».

— А теперь пойдем дальше,— говорит пани учительница,— канареек мы сотрем и нарисуем что-нибудь другое.

Взяла она тряпку и мокрую губку и хотела стереть канареек.

— Зачем же стирать таких красивых канареек! — закричал Валентин с испугу.— Оставьте их, они ведь вам ничего худого не сделали!

— Нельзя так кричать,— говорит пани учительница,— ты ведь в школе и вести себя должен прилично. Канареек мы

сотрем, чтобы можно было нарисовать что-то другое. Школа есть школа.

Она стерла канареек и нарисовала четыре яблока. Потом стерла четыре яблока и нарисовала пять больших тюльпанов. И наконец стерла пять больших тюльпанов и нарисовала шесть яблонь.

«Как же так,— задумался Валентин,— только что на доске было столько всего, и вдруг там ничего нет, а потом опять много всякого другого, а потом снова ничего? Куда же оно все-таки девается? Пусть только мне никто не рассказывает, что это просто так стирается»,— убеждал сам себя Валентин.

Во время перемены он нарочно взял тряпку и губку и попытался вытряхнуть и выжать из них канареек и тюльпаны. Но ничего у него не получилось.

«Тогда где же им еще быть, если не в самой доске?» — подумал Валентин. Поскольку в классе никого не было, он подошел к доске, приложил к ней ухо и, представьте себе, действительно услышал, как где-то далеко вроде бы поют канарейки.

«Вот это да! — подумал он.— Надо будет про это спросить у дедушки, он ведь все знает».

Пришел он домой и спрашивает дедушку:

— Скажи, пожалуйста, как это в доске умещается столько канареек, кружочков, яблок и тюльпанов?

— А почему бы им там не уместиться? — ответил дедушка.— Ничего особенного в этом нет. Если бы ты знал, из чего делают классные доски, ты бы этому не удивлялся.

— Доски делают из дерева,— говорит Валентин.

— Так все думают,— сказал дедушка,— только это неправда. Классные доски делают из ночного неба. Вырезают по линейке кусок тьмы, и доска готова. После этого можешь на ней написать и нарисовать все, что захочешь, в ней все исчезнет, как в ночи.

«Ага,— подумал Валентин,— вот отчего мне так хочется спать, когда я гляжу на доску. Потому-то в школе мне иногда так грустно».

На следующий день спрашивает он у Губерта, соседа по парте:

— Угадай, куда исчезает все, что рисуют на доске?

— Стирается,— отвечает тот.

— Как бы не так! — говорит Валентин.— Оно прячется там, внутри, только в темноте не видно.

— Тише,— сказала пани учительница,— сегодня мы продолжим рисование разных замечательных вещей, следите внимательно.

Взяла она мел и нарисовала семь кошек, а потом восемь больших дорожных катков.

«Вот тебе и на! — подумал Валентин.— Сотрет она потом все, и в темноте кошки сожрут канареек, а катки сомнут все вчерашние прекрасные тюльпаны. Надо что-то делать, сейчас же!»

— Губерт,— шепнул он тихонько,— после уроков я подойду к доске, а ты меня сотрешь, понял?

Губерт был хорошим товарищем, дважды повторять ему не пришлось. После уроков он стер Валентина. А когда увидел, что Валентин на самом деле исчез, испугался.

— Ты где, Валентин? Я тебя совсем не вижу!

А из доски послышалось:

— Я в доске, где же мне еще быть? Тут темно, как в погребе. Нарисуй и сотри, пожалуйста, карманный фонарик, пока я не споткнулся обо что-нибудь.

Губерт нарисовал фонарик и тут же стер его.

Валентин говорит из доски:

— Спасибо, так гораздо лучше.

После этого Губерт слышал, как Валентин в доске свистнул, а потом уже не раздалось ни звука. Он подождал еще немного и пошел домой, потому что проголодался.

А в это время Валентин стоял глубоко в доске, светил фонариком и озирался вокруг. То, что он увидел, было ужасно. На земле валялось множество раздавленных яблок и тюльпанов, по которым туда и обратно раскатывали дорожные катки. Они сталкивались между собой, были со всех сторон помяты, а между ними кошки гонялись за канарейками, а те в страхе пищали и перелетали с одной яблони на другую.

Но это было еще не все. Там оказалось много всякого другого: жирафы и пароходы, стулья и шляпы, буквы и цифры, самолеты и ботинки, а также нарисованные дети — маленькие и большие, ласточки и ромашки, кенгуру, груши, зубные щетки, автобусы — и все в страшном беспорядке.

— Откуда все это взялось? — удивился Валентин.

— Это все здесь с прошлого года,— сказали нарисованные дети и показали на жирафов.— А это с позапрошлого,— и показали на ромашки.— А мы здесь уже три года, это старая доска.

— Так дальше продолжаться не может, здесь темно и от мокрой губки сыро, это вредно для здоровья. Вы портите себе глаза, лица у вас бледные, вам нужны солнце и голубое небо,— сказал Валентин,— взгляните, как увядают ромашки. Помогите мне поймать канареек, и я выведу вас отсюда, у меня есть карманный фонарик.

Дети помогли поймать канареек. Валентин осторожно рассовал их по карманам, все остальное, что было в доске, вывел наружу в проходы между партами в классе, погасил фонарик и увидел, как все жмурятся от солнца.

— Ну,— объявил Валентин,— а теперь пойдем к пани учительнице, я должен кое-что ей сказать.

И они пошли к дому, где жила пани учительница. Получилась длиннющая процессия из вещей сплошь и рядом удивительных, какие обычно в процессиях не встречаются. Прохожие останавливались и спрашивали Валентина:

— Что это значит?

А Валентин отвечал им:

— Все это было в классной доске, почти три года!

И прохожие кричали:

— Как такое может быть? С этим надо что-то делать! Как вы считаете?

А Валентин говорит:

— Погодите, я спрошу у дедушки, он что-нибудь придумает.

И дедушка действительно придумал. Вместе с Валентином он отправился к пани учительнице, а когда они пришли, сказал:

— Ночь никто не любит, черные доски нагоняют тоску. Почему бы не делать доски из синего неба? Все было бы совсем по-другому, все стало бы намного веселее, как вы думаете?

Прохожие кричали:

— А ведь это верная мысль! Почему бы доскам не быть чудесного синего цвета?

А пани учительница пожала плечами и сказала:

— Коль это говорит дедушка Валентина, классные доски будут синими.

Тут дедушка вынул из кармана нож, одолжил линейку и вырезал из неба большой синий квадрат с кусочком солнышка, кусочком белого облачка и с тремя ласточками, которые летали по доске из угла в угол, а дети кричали:

— Одна ласточка и две ласточки будет три ласточки!

Все шутили и смеялись, и никому нисколечко не хотелось спать.

Голова — это такой шкафчик, в котором полно маленьких выдвижных ящичков и полочек. Туда складывают знания, вроде как носовые платки в гардероб. Когда мама говорит нам:

— Дети, ешьте овощи, они полезны для здоровья! — слова ее через уши — скок-скок! — и допрыгают до этих самых полочек. И если потом кто-нибудь спросит у нас про овощи, мы пороемся в голове и ответим законченным предложением:

— Извольте. Овощи полезны для здоровья.

Само собой разумеется, в голове у нас должен быть

полный порядок, тогда все, что нам вдруг понадобится, можно будет найти на нужной полочке, иначе пройдет целая вечность, прежде чем мы выдавим из себя ответ про овощи. Поэтому мы поступим верно, если станем складывать в голову только самое главное, чтобы какая-нибудь там глупость нам не мешала. Тот, у кого в голове полно всякой чепухи, в конце концов и сам в ней запутается. И если его вдруг кто-нибудь спросит: «Скажите, пожалуйста, вы случайно не знаете, сколько у собаки ног?» — бедняга растеряется, будет стоять, смотреть, стучать пальцем по лбу и бормотать: «Надо же? Что это со мной? На языке вертится, а вспомнить никак не могу!»

Только это вовсе неправда! У такого человека на языке вообще ничего не вертится! Зато в голове у него полный бедлам, все через пятое на десятое, и разобраться в этом он не в состоянии. У таких людей в голове столько лишнего, что, когда в конце концов является что-либо нужное, оно туда уже не вмещается.

Вот, например. Жила-была одна девочка, звали ее Матильда. Выглядела она как все девочки, ничего особенного, кроме того, что в ушах у нее были синие сережки. У Матильды этой голова была наполнена всякими там буквами, точками, запятыми, разделительными союзами и лишними словами вроде «так сказать». А было это потому, что она все учила наизусть. Всякий раз что бы она ни учила, повторяла до тех пор, пока не заучивала все до последней буковки, до последней запятой. А за это мама давала ей шоколадные конфеты в серебряной обертке и говорила:

— Я очень довольна тобой! Если всегда будешь так хорошо учить уроки, то станешь самой умной девочкой на свете.

Неудивительно, что в школе у нее были сплошные пятерки. Кроме физкультуры. Потому что научиться кувыркаться по книжкам нельзя. Но и так она была лучшей ученицей в школе. И когда пани учительница вызывала ее и говорила:

— Ну, Матильда, стань как следует, прямо, и расскажи нам, что ты знаешь о крокодилах! — то за дверьми останавливался даже сам товарищ директор школы, если он случайно проходил мимо. Потому что Матильда рассказывала о крокодилах так замечательно и так долго — до тех

пор, пока не сообщала все-все, что было написано в книжке, даже то, что стояло в скобках. Не забывала подчеркнуть каждую точку и запятую, даже разделительные союзы, так что многие мысленно задавали себе вопрос: «Возможно ли такое вообще?» А когда она заканчивала, пани учительница гладила ее по голове и говорила:

— Ну, что ж, Матильда, мне это нравится. Сразу видно, что дома ты учишь уроки по-настоящему. А вы, дети, берите с Матильды пример. Надо будет мне пригласить на урок товарища инспектора, чтобы он послушал и увидел, какая примерная ученица есть у нас в классе.

И ставила Матильде пятерку с плюсом.

Другие дети дома тоже учили, и про крокодилов — как они выглядят, где живут и чем питаются, но когда пани учительница вызывала их, отвечали кое-как, говорили все, что только приходило в голову, и это уже было не так красиво, никто за дверьми не останавливался, и лишь иногда кое-кто из них получал пять с плюсом, в то время как Матильде их ставили каждый раз.

Сами понимаете, пятерками этими, как и надлежит, она гордилась и так просто с кем попало не водилась. Лишь иногда, когда бывала в хорошем настроении, говорила ребятам:

— Вот увидите, в один прекрасный день я стану самой умной девочкой на свете, ясно?

Из школы она шла прямо домой и потом уже никуда не выходила, даже во двор поиграть. Была она немного зеленой, но ей это не мешало, она все сидела, сидела и учила, учила. Скажем, учила наизусть целиком учебник арифметики или, к примеру, книгу для чтения. А однажды, представьте себе, выучила полностью расписание поездов вместе со временем прибытия автобусов, вместе с дополнениями к расписаниям, так что знала, когда отходит скорый на Колин, а когда на Либерец, когда отправляется пассажирский на Фридлянт, а когда из Оломоуца, где нужно делать пересадки. Сплошь номера, часы, минуты. А мама за это ее очень похвалила и сказала:

— Ты очень хорошая девочка, Матильда. В расписании разбираться трудно, нужное приходится подолгу искать. А теперь все будет намного проще. Когда мы в воскресенье

поедем на день рождения к тетушке Клотильде, я спрошу тебя: «Во сколько уходит поезд?» Ты мне ответишь, и готово!

И она погладила Матильду по голове, дала ей шоколадную конфету в серебряной обертке, а расписание поездов и автобусов выкинула в окно. В школе Матильда сказала ребятам:

— А я знаю наизусть расписание поездов и автобусов, знаю, когда отходит скорый поезд на Колин, а когда на Либерец, когда отправляется пассажирский на Фридлянт, а когда на Гулин, когда выезжает автобус из Кошиц, а когда из Оломоуца, а вы ничего не знаете, вот!

Дети хотели было ответить ей на это: «Глупая, зачем ты все это учишь? Для чего тогда существуют расписания поездов и автобусов?» — но не успели, потому что раздался звонок на урок, пришла пани учительница, стала рассказывать о белых медведях и в конце урока сказала:

— Ну, дети, дома как следует повторите по учебнику о белых медведях, а завтра посмотрим, что вы о них знаете.

А Матильда подумала: «Что там учить про белых медведей, с этим я быстренько управлюсь. А потом выучу наизусть еще что-нибудь, ну, скажем, телефонную книгу». Но когда она пришла домой, мама сказала ей:

— Милая Матильда, сегодня пятница, а в воскресенье мы едем к тетушке Клотильде. Я тут написала поздравление, выучи его, чтобы прочесть без запинки.

Матильда села и выучила поздравление. Это было легко, там и всего-то оказалось около семи страниц — сплошные «милая тетушка», «дорогая тетушка» да «любимая тетушка». Матильда справилась с этим глазом не моргнув, получила свою конфету в серебряной обертке и переключилась на уроки. Она учила про белых медведей. И вдруг, можете себе представить, первой фразы еще недоучила, а дальше — ни с места! Чего только она ни делала, а выучить не могла. Матильда страшно испугалась, побежала на кухню к маме с криком:

— Мама, что мне делать? Я учу про белых медведей и ничего не могу запомнить.

Но мама в ответ только засмеялась и сказала:

— Да перестань ты, Матильда! Что ты такое говоришь? Это ты-то ничего не можешь выучить, ты, такая умная

девочка? Стань, как положено, прямо, попробуй, и вот увидишь, все получится.

Матильда стала прямо, как положено, и завела:

— На белых просторах далекого Севера, куда человеческая нога, так сказать, почти не ступала, среди вечных снегов и льдов живут белые медведи, которые целиком...

И все! Конец. Мама сказала:

— Ну, Матильда, продолжай же! Само собой разумеется, что белые медведи целиком! Не бегают же по белым просторам половинки медведей! К этому ты должна добавить «которые целиком белые», понимаешь? А теперь повтори как следует еще раз.

И Матильда принялась рассказывать все с самого начала:

— На белых просторах далекого Севера, куда почти не ступает нога человека, среди вечных снегов и льдов живут белые медведи, которые целиком...

И все! Дальше Матильда уже не выговорила ни слова. Заклинило. Мама подумала: «Ничего себе, хорошенькое дело, видимо, что-то с нею случилось. Раньше ей само все шло в голову, может, у нее там больше не осталось места?»

И тут ее осенило, что со вчерашнего дня все ящички и полочки в голове Матильды заполнены расписаниями скорых и пассажирских поездов, автобусов, номерами, часами и минутами и что скорее всего в голове у нее и в самом деле ничего не умещается. Как только ее осенило, она заломила руки и закричала:

— Ах, несчастная ты моя Матильда! Ах, головушка ты моя бедная! Учебник арифметики знаешь наизусть, но никогда уже не запомнишь, что белые медведи целиком белые!

И обе — мама и Матильда — уселись возле кухонного шкафа и стали плакать. Вдруг маму вновь осенило, она вытерла слезы и говорит:

— Не плачь, Матильда. Если могут быть запасные камешки для зажигалок, запасные пуговицы к пальто и запасные колеса у автомобилей, почему бы не быть запасным головам для девочек?

Взяла она телефонную книгу и стала искать номер телефона универмага. Длилось это довольно долго, потому что она нервничала, но наконец все-таки нашла то, что нужно, и сказала:

— Алло, это универмаг? Нет ли у вас каких-нибудь запасных голов для девочек?

А продавщица ответила:

— Конечно же, есть. Головы у нас разных оттенков, только вы поторопитесь, мы в шесть часов закрываем.

Мама глянула на часы, взяла зонтик и побежала, а когда вернулась, сказала:

— Взгляни-ка, я выбрала голову с зеленым оттенком.

И она вынула из коробки запасную голову, которую можно было привинтить. Это была голова, как у всех девочек, ничего особенного. Стоило прикрепить к ней синие сережки, и получилась вылитая Матильда. А мама говорит:

— Вот видишь, Матильда, опять у нас все в порядке. Теперь у тебя новая голова, совершенно пустая, можешь учить сколько влезет.

И Матильда снова принялась учить. Вскоре она знала про белых медведей все-все, до последней буковки, до последнего знака. Она была довольна тем, как прекрасно у нее все получается, и мысленно сказала себе: «Ну вот, а теперь я выучу наизусть всю телефонную книгу». И действительно выучила. А это уже кое-что! Телефонная книга штука толстая, там уйма фамилий, и против каждой свой номер телефона. Но Матильда одолела ее меньше чем за два часа. Мама была совершенно счастлива:

— Матильда, ты меня очень порадовала. В телефонной книге разбираться трудно, плохо видно. Пока найдешь то, что нужно, проходит целая вечность. А теперь все будет просто. Когда мне понадобится какой-нибудь номер, спрошу тебя, и готово!

Она погладила Матильду по голове, дала ей шоколадную конфету в серебряной обертке, а телефонную книгу выкинула в окно.

Утром Матильда сказала ребятам в школе:

— А у меня новая голова! А у вас ничего такого нет! Вот!

Ребята хотели ей кое-что сказать, но не успели, потому что раздался звонок на урок, в класс вошла пани учительница, а вместе с ней товарищ инспектор. Пани учительница и говорит:

— Дорогие дети, сегодня я хотела спрашивать у вас, что вы знаете о белых медведях, но вместо этого лучше повторим

про крокодилов. Итак, ну хотя бы ты, Матильда, стань как следует, прямо, и начинай. Товарищ инспектор послушает тебя.

Стала Матильда как следует, прямо, и на этом все кончилось. После этого она лишь таращила глаза и не произнесла ни «а», ни «б». Пани учительница воздевала глаза к потолку и шептала:

— Ну, Матильда, начни наконец!

А товарищ инспектор качался с носков на пятки и обратно, время от времени покашливал. И поскольку прошло уже двадцать четыре минуты, пани учительница сказала:

— Садись, Матильда, ставлю тебе единицу! Ну, я тебе покажу! Какой позор!

А Матильда разрыдалась, всхлипывала и причитала:

— Ну, пожалуйста, не ставьте мне единицу! Я ведь знаю о крокодилах все-все до последней буковки. Только крокодилы остались у меня в старой голове, а в этой одни белые медведи и телефонная книга!

Тогда пани учительница говорит:

— Как нам не повезло, товарищ инспектор. Ведь это лучшая наша ученица! Она рассказывает про крокодилов без запинки, но сегодня пришла в школу, к сожалению, с новой головой. У нее там только белые медведи и телефонная книга.

Товарищ инспектор и говорит:

— Вреда не будет, если мы убедимся, сказала ли ученица правду.

И спросил у Матильды, какой номер телефона его соседки пани Ящуховой. И Матильда ответила:

— Ящухова Ярмила, 63 74 85 96.

А товарищ инспектор сказал:

— О, это просто невероятно!

А пани учительница улыбнулась товарищу инспектору и сказала:

— Матильда торжественно обещает нам, что с понедельника будет приносить в школу обе свои головы — и старую, и новую. А крокодилов мы ей сегодня простим.

И товарищ инспектор ответил:

— М-да...

А Матильда была рада, что все так кончилось, и дома сказала маме:

— Я должна носить в портфеле и старую голову, сегодня чуть было дело не кончилось плохо.

Но мама слушала Матильду вполуха, потому что в прихожей она чистила платяной щеткой свой костюм, в ванной расчесывала волосы, в комнате покрывала лаком ногти, бегала то туда, то сюда и кричала Матильде:

— Пошевеливайся, мы едем к тете! Вымой шею и уши! Надень белые чулки! Времени у нас мало. Когда отходит наш поезд, Матильда? — Но Матильда не понимала, о чем идет речь, расписание поездов было в старой голове, которая лежала на кухонном шкафу. А мама стала кричать: — Ты все время всех задерживаешь! Именно сейчас я должна менять тебе голову!

Но ничего не поделаешь, никакого расписания поездов в доме не было, и маме хочешь не хочешь пришлось привинтить Матильде старую голову. Когда голова оказалась на месте, Матильда сказала:

— Наш поезд уходит через пять минут, и другого сегодня уже не будет.

Она хотела опять привинтить новую голову, но мама сказала:

— Не сходи с ума, Матильда! У нас нет времени! Поедешь со старой головой, и все! Хорошо, если на такси успеем, скажи, пожалуйста, по какому номеру вызывать?

Но Матильда не понимала, о чем идет речь: телефонная книга была у нее в новой голове. А мама закричала:

— Это уже переходит всякие границы! Именно сейчас я должна ставить тебе новую голову! Теперь уже совершенно точно поезд уйдет без нас!

Но ничего не поделаешь, поскольку телефонной книги дома не было, маме пришлось заменить Матильде голову. А когда голова оказалась на месте, Матильда сказала:

— Номер вызова такси 87 65 43 21.

Мама набрала номер и сказала:

— Пожалуйста, сейчас же подъезжайте на Кветакову улицу, мы опаздываем на поезд!

Через мгновенье такси стояло перед домом. Мама взяла шляпу, пальто, зонтик, перчатки, маленькую сумочку, чемоданчик и сказала Матильде:

— Пошли!

Потом заперла двери. Обе они сели в такси и помчались на вокзал, не обращая внимания на то, какой свет горит на светофоре — красный, не красный. Вдруг на самой большой скорости мама закричала:

— Стой! Назад! Матильда, ты раззява! А поздравление тетушке Клотильде? Оно ведь в старой голове, которая лежит на шкафу!

И они помчались обратно, не обращая внимания на светофоры, на то, какой там свет горел — красный, не красный. Прибежали в кухню, схватили голову со шкафа, и мама сказала:

— Брось быстро в авоську, я ее заменю тебе в такси, о том, чтобы менять сейчас, и думать нечего.

Побежали обратно, сели в машину и снова помчались на вокзал. По пути мама меняла Матильде старую голову на новую, с синими сережками, а шофер такси подумал: «Обе они, похоже, ненормальные». Но вслух этого не произнес и продолжал ехать быстро, как только мог. Однако, когда он остановился у вокзала, поезд давно уже ушел и был теперь далеко-далеко.

— Так,— сказала мама,— поезд ушел, другого не будет, положеньице хоть куда.

А поскольку теперь уже торопиться было некуда, домой поехали на трамвае. Чувствовали они себя страшно усталыми и потому в вагоне сели. В это время в трамвай вошла одна толстая пани в очках, в авоське у нее был кочан капусты. Она тоже хотела сесть, но свободных мест не было, и кондукторша сказала Матильде:

— Девочка, коль уж ты сидишь, возьми у пани хотя бы авоську и положи к себе на колени.

Матильда насупилась и подумала: «У меня уже есть одна авоська, куда мне еще». Но так как на нее все смотрели неодобрительно, она взяла и вторую авоську. Трамвай все ехал и ехал, мама взглянула на капусту и спросила:

— Где вы достали такой большой чудный кочан?

А пани в очках и говорит:

— Да взяла и позвонила в магазин на Клоканьей улице, мне и ответили: только что привезли хорошую капусту.

А мама сказала:

— Ага!

Трамвай все ехал и ехал, а когда приехал на Кветакову улицу, Матильда отдала толстой пани авоську, пани поблагодарила ее, сказала: «До свиданья!», Матильда с мамой сошли и направились домой. А когда пришли на кухню, Матильда вдруг заплакала и говорит:

— Мама, ты посмотри, что у меня в авоське!

Мама посмотрела и всплеснула руками: это была не Матильдина авоська, а той толстой пани в очках. А в авоське лежал кочан капусты. И мама сказала:

— Матильда, ты растяпа, как же ты не посмотрела? Не можешь же ты носить вместо головы кочан капусты! Нужно во что бы то ни стало найти твою авоську. Позвони в бюро находок забытых вещей. Ну-ка, скажи мне номер телефона.

Но Матильда не понимала, о чем идет речь, потому что телефонная книга была в голове, которая осталась в авоське. За телефонной книгой маме пришлось идти к соседям, но те ей сказали:

— Значит так, милая пани, вы будете выбрасывать телефонные книги в окно, а мы одалживай вам свою? И не подумаем!

Маме ничего не оставалось, как идти в телефонную будку и там смотреть телефонную книгу. Из сумки, карманов, ящиков стола, кошелька, чашек и копилок она выгребла все монеты по двадцать пять геллеров — для автомата — и пошла звонить. Она обзвонила все бюро находок, но безрезультатно. И тогда мама задумалась: «Что же делать дальше? Сегодня воскресенье, все магазины закрыты. Новую голову я не достану, а в понедельник Матильда должна принести в школу и новую, и старую, иначе будет плохо. Буду звонить по всем телефонам. Ведь у той пани наверняка есть телефон, попаду же когда-нибудь на нее». Она бросала в автомат монету за монетой и все звонила и звонила. А поскольку списки абонентов расположены в алфавитном порядке, то она говорила сперва с пани Абвовой, потом с пани Абговой, затем с пани Абдовой, потом с Абжовой, Абзовой, Абковой, но ни одна из них о Матильдиной голове ничего не знала. Перед будкой собралось уже много людей, которые хотели позвонить, и все они ждали, когда мама кончит разговоры, когда она наконец прекратит их. Но мама не прекращала и звонила пани Авбовой, Аввовой, Авговой,

Авдовой... Перед будкой собралось уже человек четыреста, и все кричали на маму. Но мама сказала им:

— Простите, но мы потеряли голову. Тут уж ничего не поделаешь!

А люди кричали:

— С такой, как вы, мы тоже потеряем головы!

И размахивали зонтиками. Но мама закрыла дверь и звонила пани Аджовой, Адзовой, Адковой, Адловой, Адмовой... А Матильда дома все ждала и ждала. Уже вечер наступил, а мамы все нет и нет. Было девять часов, Матильда зевала и думала: «Не может быть, чтобы мама не вернулась, она должна прийти с минуты на минуту». Но куда там! Мама опускала в автомат одну монету за другой и звонила пани Башбаовой, пани Башгаовой, пани Башдаовой...

Перед будкой собралось уже почти девять тысяч человек, а дома как сурок спала Матильда. Она уснула прямо в платье, даже не почистив зубы, и все спала и спала, а когда открыла глаза, было без четверти восемь, за окном светило солнышко, в прихожей стояла мама и говорила:

— Матильда, представь себе, как мне повезло. Наконец-то я все же эту толстую пани отыскала. Именуется она Ярмила Ящухова, она была последней в телефонной книге. Номер ее телефона 63 74 85 96. Она обещала тотчас же приехать, чтобы ты не опоздала в школу.

И едва она это произнесла, как кто-то позвонил в дверь, и вошла пани Ящухова в очках. Она держала в руках авоську, а в той авоське была новая Матильдина голова. Пани Ящухова сказала:

— Представляете, мы чуть было ее не съели. Дело в том, что я плохо вижу, я думала, что это кочан капусты, она ведь зеленоватая. Свою ошибку я поняла, к сожалению, немного поздно, когда голова была уже сварена. Но на счастье, ничего плохого с нею не произошло. Вот только, может, она немного покраснела.

А мама махнула рукой:

— Да это неважно, так голова выглядит даже более здоровой.

Она вернула толстой пани ее авоську, надела Матильде новую голову и сказала:

— А теперь беги быстрей, чтобы вовремя поспеть в школу.

Матильда тут же выбежала из дома. На улице было полно людей, стоявших в очереди перед телефонной будкой. Матильда побежала со всех ног и успела. Уже звенел звонок, и пани учительница, войдя в класс, сказала:

— На сегодня, дети, вы должны были выучить про белых медведей. Сейчас мы увидим, что вы о них знаете. Встань, Матильда, последний раз с крокодилами у тебя получилось не очень славно, надеюсь, сегодня рассказ будет на пятерку. Встань как следует, прямо, и начинай.

И Матильда стала как следует, прямо, и начала:

— На белых просторах далекого Севера, куда почти не ступает нога человека, меж вечных снегов и льдов живут белые медведи, которые целиком вареные.

А пани учительница говорит:

— Ну, хватит, Матильда, что ты мелешь? Белые медведи какие? Начни снова и думай, что говоришь.

И Матильда начала опять:

— На белых просторах далекого Севера, куда почти не ступает нога человека, меж вечных снегов и льдов живут белые медведи, которые целиком вареные.

А пани учительница сказала:

— Хватит с меня твоих выходок, Матильда! Садись, ставлю тебе единицу! Белые медведи живут на льду, а не на плите.

А ребята стали смеяться:

— Матильда-то того! Чокнутая она, что ли?

А Матильда села и смотрела на них, как дурочка. За что ей поставили единицу? «Ведь я так прекрасно выучила наизусть про белых медведей,— думала она,— я ведь сказала только то, что у меня в голове».

И это была святая правда: говорила она то, что было у нее в голове. Только в голове у нее, бедняжки, все было немного вареное. Было у нее там полно «милых вареных тетушек», уйма «любимых вареных тетушек» и даже несколько «дорогих вареных тетушек». Там было целое вареное поздравление и вся вареная телефонная книга. Короче говоря, вся голова у нее была основательно всмятку. А уж коль у кого вареная голова, то в ней и белые медведи вареные. Тут уж ничего не поделаешь!

Юлия и жареные индюшки

Есть люди, которые думают, что ботаника предмет несерьезный, что арифметика и грамматика намного нужнее. Но это неверно, незнание ботаники может стоить дорого. Возьмем, к примеру, растения-хищники. Многие люди (и среди них мясники, продавцы в кондитерских и даже милиционеры) понятия не имеют, как такое растение выглядит, чем питается, и притом даже не подозревают, какие из-за него могут возникнуть неприятности.

Представьте себе такой случай: существует школа, в этой школе есть кабинет естествознания, а в нем растение-хищник, которое зовут Юлия. Чувствует она себя в школе как дома, за годы, что она там живет, многому научилась. Кое-чего нахваталась из правописания, чтения, кое-чего даже из физкультуры и труда. Так что она умеет довольно прилично бегать, лазать по канату, вязать и тому подобное. Ухаживает за нею школьный сторож, единственный, кто живет в школе. Иногда он берет растение к себе домой, в полдень выводит его на прогулку за город, а вечером Юлия штопает ему носки и вместо мухоловки ловит у него мух, потому что растение-хищник мухами питается. Летом это делать довольно просто. Летом мух всюду полным-полно. Хуже в промежуток с осени до весны, когда их мало. Но школьный сторож добрый старик. Он отыскивает мух, где только может, иногда, правда, достает только сушеных в зоомагазине, где продают золотых рыбок. Сами понимаете, конечно же, это совсем не то, свежие мухи, они и есть свежие, но Юлия растение разумное и скромное и на это не жалуется.

Чего, однако, не бывает. Как-то раз, когда приближался праздник пасхи, школьный сторож схватил корь. Пришлось лечь в больницу, и вся школа вместе с товарищем директором задумалась: как быть с Юлией? Кто будет о ней заботиться? Вся школа ломала голову, потому что все Юлию любили. Наконец маленький мальчик по имени Клеофаш сказал, что возьмет Юлию на праздники домой. А поскольку у Клеофаша по естествознанию была пятерка и он знал, чем растение-хищник питается, товарищ директор сказал:

— А почему бы и нет? Если он хочет за нею ухаживать, пусть ухаживает. Это весьма похвально.

Вот так получилось, что Клеофаш отнес Юлию домой.

Мама Клеофаша пришла в дикий восторг:

— Ах, какой редкий цветок! Какие краски! Ох! Какой гость у нас на праздники! — произносит она и ломает голову: «Что же ей дать поесть? Чем угостить?» И предлагает Юлии ветчинный рулет, филе в сметане и бог знает что еще. Клеофаш же в отчаянии хватается за голову:

— Мама, что ты делаешь! Так ведь нельзя! Растение-хищник питается главным образом мухами!

Но мама его не слушает:

— Не буду же я угощать ее обыкновенными мухами, все-таки праздники! Что люди скажут!

И предлагает Юлии жареную индюшку. Юлия приходит в восторг, ничего подобного она никогда не ела. Индюшка ей нравится. Восемнадцать раз гостье дают добавки, так что почти всю индюшку она съедает сама. И хорошеет на глазах: стебель становится толстым, похожим на ковер, свернутый в рулон. Мама радуется и приговаривает:

— Вы ешьте, ешьте! Я так рада, что индюшка пришлась вам по вкусу!

Сами понимаете, такие вещи даром не проходят. За ошибки всегда приходится дорого расплачиваться. Когда пан школьный сторож вернулся из больницы, то, увидев Юлию, всплеснул руками. А когда он предложил ей три сушеные мухи, ему пришлось всплеснуть руками вторично. Потому что Юлия к еде не притронулась. Она оторвала от стебля листочек и написала на нем: «Мухов не хочу, хочу индюшку. Юлия».

От удивления пан сторож не смог слова вымолвить. Он взял листок, пошел в дирекцию и говорит:

— Ничего себе! Прочтите вот это. Любопытно мне узнать, что мы теперь будем делать?

Товарищ директор, однако, был человек уравновешенный. Он пожал плечами и сказал:

— С одной стороны, там грамматические ошибки, с другой — никакой индюшки не будет. Коль не хочет мух, пусть не ест. Голод лучший повар.

Все, однако, оказалось не так просто. На следующий день Юлия не прикоснулась даже к большой свежей мясной мухе, которую пан школьный сторож специально добыл для нее в колбасном магазине. А поскольку такое продолжалось уже три дня, пан сторож снова отправился в дирекцию и говорит:

— Все бесполезно. Не ест ни в какую. А что, если она помрет с голоду? Жалко ведь будет, а?

— Гм, гм,— сказал товарищ директор.— Действительно, жалко будет. Только кормить ее индюшками мы не можем, это нас слишком далеко заведет. Знаете что? Купите ей шпекачек*. Посмотрим, что она станет делать.

* Шпекачки — это такие колбаски с салом внутри, если их поджарить и есть с горчицей, это очень вкусно.

Пан сторож пошел, купил шпекачек, положил к нему немного горчицы. Приносит все это на тарелочке в кабинет естествознания, а Юлии нет. Сбежала. Остался от нее только листок, а на нем написано: «Так как вы не хочете дать мне индюшку, ухожу. Юлия».

«Ну и ну!» — подумал пан сторож. Надел он на голову старую шляпу, выбежал на улицу и стал кричать:

— Юлия! Вернись! Вернись домой, Юлия!

Кричит и кричит.

Но Юлия уже бог весть где. Она бредет по городу, разглядывает витрины магазинов, которые ну прямо завалены колбасами твердого копчения, ветчиной, омарами, фазанами. Юлия смотрит на все это ошалело, у нее текут слюни, в животе урчит, а в голове сверлит мысль — как до всех этих лакомств добраться? И вдруг видит в витрине на серебряном блюде жареную индюшку, обрамленную зеленым салатом, красными помидорами и ломтиками желтых лимонов. Выдержать такое Юлия уже была не в силах. Она вошла в магазин и написала на бумажке: «Дайте вон ту индюшку, только бистро. Юлия». Продавщица прочла и подумала: «Невероятно! Как это такое большое растение может написать «бистро» вместо «быстро»?» Однако индюшку завернула, подает ее Юлии и говорит:

— Шестьдесят восемь крон двадцать геллеров...

Но этого Юлия уже не слышит. Она разворачивает бумагу и принимается есть индюшку. Ест не стесняясь. А продавщица как закричит:

— Что это такое? Вы за индюшку еще не заплатили, а уже едите?

Все вокруг зашумели:

— Кто же так поступает? Как вы себя ведете? Ну и цветы нынче пошли!

Дело кончилось тем, что пришел милиционер, отнял у Юлии индюшку, отвел ее в цветочный магазин и сказал:

— Цветам место в цветочном магазине, поэтому оставьте этот цветок у себя, он хулиганит в общественных местах.

Так, неожиданно для себя Юлия оказывается в цветочном магазине.

Представьте себе, и тут ей повезло. Приходит в цветочный магазин один пан, у которого именно в этот день свадьба,

и поэтому он ищет для невесты какой-нибудь необычный, но не броский с виду цветок. Он покупает Юлию и, завернутую в шелковую бумагу, приносит домой. Отдает ее девушке, что стоит в белом платье с длинной фатой. Гости в восторге, а одна дама с жемчугом на шее говорит:

— О! Какой дивный цветок! Именно такой цветок лучше всего подходит для такого события.

Все садятся в такси и едут в загс, а возвратясь, направляются в большой зал, где стоит длинный, покрытый скатертью стол. На нем уйма всяких там рюмочек, разных тарелочек, каких-то смешных вилочек, салфеток. Пан с невестой садятся во главу стола к тарелкам, на которых лежит великолепный ветчинный рулет. Невеста держит Юлию на коленях и слушает пана с белой бородой, произносящего какую-то длинную речь. Время от времени все хлопают. Юлия, не выдержав всего этого, принимается за рулет, но успевает откусить всего два или три раза, на том дело и кончается, потому что невеста, подозвав официанта, говорит:

— Поставьте, пожалуйста, цветок куда-нибудь в холодное место, он все время падает мне в тарелку.

Так неожиданно Юлия оказывается в небольшом помещении со множеством полок. Повсюду расставлены блюда с салатами, паштетами, колбасой, пирожными, множеством цыплят, фазанов и жареных индюшек. От всего этого у Юлии голова идет кругом. Она снимает шелковую бумагу, чтобы та не мешала ей, и принимается за еду. Юлия слышит, как в большом зале звенят бокалы, но ее это совсем не интересует, она ест и ест, а съев все, утирает рот шелковой бумагой и намеревается немного вздремнуть, но ей это не удается, потому что открывается дверь и раздается чей-то страшный крик. Кричит дама с жемчугом на шее. Она падает на пол, и ее с трудом поднимают, но она продолжает кричать:

— Где еда? Кто съел у нас всю еду? Ох, ох, ох!

И вдруг кладовку заполняют люди в черных одеждах. Все они дрожат не то от холода, не то от ярости. Все ищут ветчину, паштеты, индюшек, лица у всех злые. Юлия про себя думает: «Тут дело может кончиться похуже, чем в прошлый раз. Пожалуй, лучше удалиться». И норовит не-

заметно прошмыгнуть в дверь. Однако ее постигает неудача — она задевает пустое блюдо из-под паштета, и положение осложняется: все бросаются за ней, гоняются из комнаты в комнату, цепляют стулья, падают, бьют тарелки. Творится что-то страшное, происходит настоящий погром. Хорошо, что Юлия умеет карабкаться по стенам. Через окно она удирает на улицу, оттуда в парк, там забирается на газон и старается быть неприметной, как анютины глазки.

С того дня, однако, в городе начали твориться странные вещи: из кладовок, кухонь, магазинов, ресторанов стали исчезать только лакомства. Об этом ежедневно пишут газеты. Сообщается, сколько пропало бутербродов, сколько сосисок, а главное — сколько жареных индюшек. А в конце во всех сообщениях подчеркивается, что в грабежах подозревается растение-хищник по имени Юлия, которое скрывается в садиках, парках и тому подобных местах. Сообщения читают, газеты переходят из рук в руки. Жизнь выбита из колеи, настроение у всех скверное, люди страшно злы на Юлию.

Только дети болеют за нее. Ведь шоколад они любят больше, чем фазанов и индюшек, для них происходящее потеха:

— Ну, чудит Юлия!

Однако говорят они об этом шепотом, чтобы их не слышали ни папа, ни мама, ни дядюшка Леопольд, ни тетушка Анежка, потому что все старшие очень расстроены: «Что с нами будет? Что нас ожидает? Деликатесов нам уже больше не видать!» И все они очень надеются, что Юлию скоро выследят и поймают.

Только кто способен ее выследить, кто ее может поймать! Скажите сами: кто в школе всерьез учит ботанику? Многие ли знают, как такое растение выглядит? Ни повара, ни продавщицы в гастрономах, даже милиционеры про это ничего не знают.

И вот на всякий случай люди стали опасаться любого цветка. Они больше не хотят держать дома фикус или, скажем, цикламен, со страху вырывают примулы, тюльпаны, чебрец, поэтому вскоре они оказываются не только без деликатесов, но и без цветов, что, скажем прямо, не слишком их украшает.

И тут кого-то осеняет, что самый лучший выход — всем немного вспомнить ботанику. В школе сразу же оказывается уйма народу. Взрослые мамы и папы сидят за детскими партами, внимательно слушают, старательно записывают, как выглядят гвоздики, ветреницы или, скажем, растение-хищник. А после того как повторено все забытое, они собираются утром на площади и отправляются на поиски Юлии. Они ищут ее по всем направлениям — в парках, садиках, просматривают каждый уцелевший еще цветок. Но все их усилия безрезультатны. Наступил полдень, а Юлию не нашли, все устали, проголодались, но твердо решили: «Ничего, стоит потерпеть, избавимся от Юлии, и у нас опять будут и ветчинные рулеты, и индюшки». Но все поиски безуспешны, найти Юлию им не удается, находит ее не милиционер, не продавец, а совсем другой человек — пан школьный сторож. Как обычно, после обеда он отправился на прогулку и вдруг слышит, как в садовой будке кто-то

плачет. Заглянул туда и видит: внутри сидит Юлия, читает, что о ней пишут газеты, и дрожит от страха. Тогда пан сторож говорит ей:

— Ах, Юлия, Юлия! Вот видишь, до чего доводит жадность к лакомствам? И зачем тебе все это было нужно? А?

Тут Юлия сорвала с себя листок и написала: «Мне это очынь неприятно. Юлия».

— Ну, естественно,— говорит пан школьный сторож,— теперь тебе неприятно. Но об этом раньше надо было думать. Люди могут простить многое, но только не тех, кто крадет у них индюшек. Где начинаются индюшки, там кончаются шутки. Но если ты мне пообещаешь, что опять станешь есть мух и не будешь озорничать, я возьму тебя обратно в школу и никому ничего не скажу.

И Юлия написала на листке: «Обищаю. Юлия».

Пан сторож надел на нее свою старую шляпу, а поскольку вечерело, то прохожие решили: «Вот по улице идут два школьных сторожа».

Таким образом, Юлия попадает обратно в кабинет естествознания, ест мух, в том числе и сушеных, и вообще никто не догадывается о ее существовании, потому что кабинет естествознания мало кого интересует. Знают об этом только товарищ директор и ребята. Знают, да помалкивают.

Жирафа

Когда жирафа еще ходила в школу, по арифметике и по чтению у нее были сплошные пятерки, а по физкультуре ей каждый раз ставили единицу, потому что у нее не получался кувырок. Как ни старалась, а кувырок не получался. От этого она была совершенно несчастной. Многие давали ей советы:

— Сперва делай так, а потом вот так!

— Смотри, это же так просто!

Но жирафе ни разу не удавался кувырок, она не знала, куда ей девать шею. И пани учительница говорила ей:

— Ах, жирафа, жирафа! Какая же ты недотепа. Хорошенький же у тебя будет табель! Что на это родители скажут?

Жирафа горько плакала, а те, кто случайно проходил мимо, думали, что идет дождь. Когда же наступил конец года и раздали табеля с оценками, у жирафы по физкультуре в самом деле оказалась единица. И жирафа заплакала еще горше.

Пришла она домой, отец с матерью спрашивают:

— Что-нибудь случилось?

И жирафа призналась, что у нее по физкультуре единица.

Мама с папой на это ничего не сказали, только вышли в соседнюю комнату. Там они долго совещались между собой, потом вернулись и принесли оба свои старые школьные аттестаты.

И когда маленькая жирафа заглянула в них, то увидела там тоже единицы по физкультуре.

О двух единицах по естествознанию и одном необыкновенном цилиндре

Жила-была одна очень строгая пани учительница. Она носила пенсне, урок вела, стоя на возвышении и держа в руках указку. Как-то учительница ткнула ею в сторону Томаша и спросила:

— Сколько у кошки шерстинок? Ну, Томаш, отвечай!

Но Томаш об этом понятия не имел. И Михал тоже. Оба тут же получили по единице не успев и глазом моргнуть. А пани учительница сказала:

— У кошки миллион шерстинок. Вчера мы это проходили. Так запомните же это наконец, дети. А вы, Томаш и Михал,

скажите дедушке, чтобы он пришел в школу. Мне нужно с ним серьезно поговорить.

Дедушка принарядился — надел праздничный цилиндр и гамаши, а вернувшись домой, сказал:

— Томаш и Михал, пани учительница очень на вас жалуется. Вы не знали, сколько у кошки шерстинок, хотя кошек повсюду полно. В наказание за это останетесь дома, а мы с Иванкой пойдем на представление. Дело в том, что приехал фокусник, но вас это не касается, да будет вам известно, и не просите, и не уговаривайте.

И в самом деле, после обеда дедушка с Иванкой пошли смотреть фокусника, а Томаш с Михалом должны были остаться дома и играть в саду. Но им это совсем не нравилось. Ну что там в саду? Немножко травы, какая-то петрушка, беседка, чуточку воды в бассейне — вот и все! Так что Томаш и Михал очень скучали и думали: «Вот если бы это был не просто сад, а зоосад, вот тогда, скажем прямо, было бы другое дело!» От скуки они рвали черешню, плевались косточками через забор и завидовали Иванке, тому, что она смотрит представление фокусника.

Иванка с дедушкой действительно смотрели фокусника. Зрелище было великолепным: фокусник с бородой, на голове цилиндр, на груди манишка. Он поклонился, произнес:

— Оп-ля!

И вытащил из цилиндра кролика. Потом второго. Кролики поклонились и сказали:

— Добрый вечер!

А когда кроликов набралось штук этак с двадцать восемь, они весело запели хором песенку «Почему бы нам не радоваться?». Да и почему бы им не радоваться? Слушали их затаив дыхание, а после того как кролики кончили петь, все хлопали и говорили:

— Это было прекрасно, правда? Мы еще никогда не слышали, как кролики поют на три голоса!

А фокусник снова надел на голову цилиндр, поклонился и сказал:

— Оп-ля!

А когда он снял цилиндр, на голове у него сидел лев. Лев вязал крючком попонку и рассказывал анекдоты. А зрители смеялись до слез. Они говорили:

— Давно мы не слышали таких смешных анекдотов.

А фокусник надел на голову цилиндр, поклонился и сказал:

— Оп-ля!

А когда он снял цилиндр, из него выскочил кенгуру, который играл на банджо самые модные песенки. А потом из цилиндра выскакивало множество других животных. Например, был там осьминог, который, словно хлопушками, хлопал бумажными пакетами. Только это не понравилось одному зрителю, и он сказал:

— Неправильно это! Бумага все-таки вещь ценная.

Но никто его не стал слушать, а Иванка сказала дедушке:

— Мы про все расскажем Томашу и Михалу, пусть знают, сколько они потеряли.

И в самом деле, дома они рассказали, чего только не вытаскивал фокусник из цилиндра. А Томаш с Михалом удивлялись и говорили:

— Да ну! Не может быть!

Но дедушка сказал:

— Отчего же не может быть? В цилиндре у фокусника есть все, что хочешь, стоит лишь сказать «Оп-ля!» — и можно вытащить хоть дорожный каток.

Но Томаш с Михалом только покачали головой:

— Как же все это может в цилиндре уместиться?

А дедушка смеялся:

— Если из маленького яичка выходит огромный крокодил, а из маленького семечка большая яблоня,— умещаются же они там? — почему бы дорожному катку не поместиться в цилиндре?

Томаш с Михалом подумали: «А ведь правда!» А когда они остались одни, Томаш и говорит Михалу:

— Мы должны добыть этот цилиндр!

Взяли они дедушкин цилиндр, спрятали его в большой пакет от грампластинок, перелезли через забор и пошли. Шли они, шли, пока не пришли на стадион, где на грузовике стоял вагончик. Они осторожно приоткрыли дверь и увидели фокусника. Он спал, раскрыв рот, и так храпел, что автомобиль ходил ходуном. Осторожничать не было никакой нужды. И ребята стали искать цилиндр. Наконец нашли его под кроватью, он стоял рядом с ботинками. Тогда Томаш вынул из большого пакета дедушкин цилиндр и положил

вместо него цилиндр фокусника, а дедушкин поставил под кровать рядом с ботинками. И оба мгновенно очутились у себя в саду.

— Что же первым делом мы из него вытащим? — спросил Михал.

Томаш говорит:

— Все равно что, только не кошку, кошек и так всюду полно.

А Михал говорит:

— Тогда, может, жирафу? — Он крикнул: — Оп-ля!

И из цилиндра вылезла огромная жирафа с длиннющей шеей и как ни в чем не бывало стала рвать черешни с дерева. А Томаш и Михал глядели на нее вытаращив глаза. Томаш махнул рукой:

— Если спросят, где черешня, скажем — скворцы склевали. Тащи дальше! Ну... к примеру... слона.

И Михал сказал:

— Оп-ля!

Из цилиндра вылез слон размером побольше автобуса и стал расхаживать между грядок с петрушкой. Михал только за голову хватался, а Томашу хоть бы что, он смеялся:

— Бог с ней, с петрушкой, тащи дальше.

И Михал продолжал таскать. Вытащил верблюда, зебру, двадцать восемь кроликов, льва, кенгуру. А потом оба уже не знали, что бы еще вытащить, о других животных они понятия не имели. И тогда Томаш предложил:

— Вылезайте все, кто есть в цилиндре! Кроме кошки!

А Михал сказал:

— Оп-ля!

Вы бы видели этот поток! Вскоре сад наполнился до предела. Тут оказались носорог с пеликаном, бегемот с медведем, черепаха с обезьяной и еще невесть кто. А Томаш с Михалом стояли среди них и удивлялись: столько животных сразу они еще в жизни не видели.

— Послушай, я не знаю даже, какое из них как называется! — сказал Томаш.— А что, если мы вытащим когонибудь, кто бы нам это объяснил?

Михал пожал плечами и говорит:

— Почему бы и нет? Можем вытащить, ну, к примеру, пани учительницу. Только она нам испортит всю игру.

Но Томаш сказал:

— Это можно.

И крикнул в цилиндр:

— Мы хотим пани учительницу, только хорошую!

Михал добавил к этому:

— Оп-ля!

И из цилиндра вылезла пани учительница. Она улыбнулась и сказала:

— Ну что, мальчики, учите естествознание? Правильно делаете! Придется вас похвалить перед дедушкой.

А затем показала указкой на пингвина и сказала:

— Это пингвин обыкновенный, обитает на отдаленных островах большими стаями, которые насчитывают до миллиона особей.

А Томаш с Михалом слушают — ведь это так интересно! Они и не заметили, что за забором прогуливается пани учительница, что она вдруг остановилась и остолбенела, когда увидела жирафу, верблюда, слона, а заодно Томаша, Михала и пани учительницу, которая как две капли воды была похожа на нее. Пани учительница страшно рассердилась, вбежала в сад и закричала:

— Это что же такое? У вас пенсне, как у меня, волосы и нос, как у меня! Как же это так, что вы совершенно такая же, как я? Да как вы смеете?

Она кричала и кричала, кричала так, что сбежался весь город.

А дедушка с Иванкой, услышав крик, выбежали из дома, и от удивления вид у них — словно оба с луны свалились: медведь сидит на беседке, бегемот плещется в бассейне, жирафа лопает черешню, лев вяжет, слон топчет зелень, кенгуру играет на банджо, кролики поют песенку «Почему бы нам не радоваться?», и среди всего этого ругаются между собой две совершенно одинаковые пани учительницы.

Дедушка набрал полную грудь воздуха и как закричит во все горло:

— Тихо! Прекратите сейчас же! Это еще что такое!

Голос его гремит как гром, отчего жирафа перестает рвать черешню, кролики — петь, а обе учительницы становятся тихими, как мышки. А дедушка направляется к Томашу и Михалу и говорит:

— Что вы тут опять вытворяли? Откуда взялись все эти животные? Садик совершенно изуродован. Вы только взгляните на петрушку и на черешни!

В отчаянии дедушка схватился за голову, но тут сквозь толпу пробрался директор школы и говорит, обращаясь к дедушке:

— Уважаемый пан дедушка, ну что такое петрушка? Петрушки у нас сколько угодно. А эти два мальчика основали в нашем городке зоологический сад! Вот это уже деяние, достойное похвалы!

И все, кто там стоял, закричали:

— Слава им! У нас есть зоосад! Ура!

А директор школы говорит:

— Спокойно, дорогие граждане! У нас есть зоосад, это прекрасно, но теперь у нас также есть две учительницы естествознания, а это уже хуже. Ведь учить одновременно обе они, разумеется, не могут. Кто сейчас сможет мне сказать, какая из них настоящая?

Только он произнес это, как откликнулась пани учительница, которая недавно прибежала в сад. Она закричала:

— Я настоящая учительница естествознания! Это я сегодня утром поставила Томашу и Михалу по единице. Они не знали, что у кошки миллион шерстинок!

А вторая пани учительница говорит с удивлением:

— Ну и ну! Кто вам сказал, что у кошки миллион шерстинок? Насколько я знаю, их у кошки куда меньше. Впрочем, об этом мы можем спросить у нее самой.

Она берет цилиндр, говорит: «Оп-ля!»

Из цилиндра вылезает кошка и вносит ясность:

— Каждое утро, когда я умываюсь, я невольно пересчитываю шерстинки — забочусь, чтобы шерсть не лезла. Поэтому могу с уверенностью сказать, что шерстинок у меня ровно полмиллиона.

Тут все засмеялись и стали кричать:

— Странная какая-то учительница, единицы ставит, а сама ничего не знает!

А хорошая пани учительница говорит:

— Не хочу хвастаться, но думаю, что в естествознании я разбираюсь лучше. Я жила в цилиндре вместе с животными.

А директор в знак согласия кивает головой: «Она права, рано или поздно это должно было сказаться». И счастливый оттого, что все так получилось, поворачивается к собравшимся и говорит:

— Теперь, дорогие друзья, всем нам ясно, кому по праву принадлежит место учительницы естествознания.

Все аплодируют, Томаш с Михалом тоже аплодируют и спрашивают:

— Значит, эти единицы не считаются, да?

И новая пани учительница кивает:

— Конечно же, нет!

Но окончательную победу Томаш с Михалом пока еще не одержали. Дедушка все еще сердится на них, он рассердился в тот момент, когда увидал в саду цилиндр. Продолжая сердиться, он говорит:

— Теперь я понимаю, что тут происходит. Вы украли у пана фокусника его рабочий инструмент. Стыдитесь! В наказание оба отправитесь под домашний арест.

Только он это произнес, как в саду появился фокусник, довольный, улыбающийся, в прекрасном настроении, розовый со сна, и говорит:

— Милые вы мои, по правде говоря, я уже столько странствовал по свету, что с меня хватит. Порой я так сильно устаю, что даже сплю, не закрыв рот, и храплю так, что мой грузовик дрожит. Если вы не против, я в этом зоологическом саду у входа буду проверять билеты.

Все сразу же с этим согласились, только один пан взял слово и говорит:

— Билеты делают из бумаги, а бумага штука ценная, просто так рвать билеты нельзя.

А фокусник отвечает ему:

— Дорогой пан, не тревожьтесь, обрывки билетов я буду бросать в цилиндр и оттуда вынимать целые билеты. Дело в том — обратите внимание на это,— что цилиндр мой волшебный.

А пан говорит:

— Ага!

Так вот, с той поры в городке есть зоологический сад, где кролики поют, кенгуру играют на банджо, лев вяжет и рассказывает анекдоты, а ребята ходят туда с пани учительницей изучать естествознание. А дедушка с Иванкой смотрят на них из окна и, когда Томаш или Михал получают пятерку, кричат:

— Отлично! Слава!

А иногда даже:

— Урррaа!

Муравьед

В давние времена муравьеды были несчастными созданиями. «Нам, муравьедам, следовало бы есть муравьев,— говаривали они,— только где их взять?»

Случалось, что за одним маленьким муравьем охотилось целое семейство муравьедов. Но муравьи не настолько глупы, чтобы соваться муравьедам под нос. Так что жилось муравьедам плохо, и над ними ну разве что только не смеялись. Встречает, скажем, страус-малыш малыша-муравьеда и кричит ему: «Эй ты, глупый муравьед!» И показывает ему язык. Малышей-муравьедов это огорчало, в ответ они тоже показывали язык. А что им еще оставалось делать?

Долго так длилось, пока одному малышу-муравьеду не

пришло в голову, что, раз ничего другого не поделаешь, надо хотя бы обзавестись хорошим языком. Если уж показывать, так было бы что. Приходит он к маме, просит у нее две кроны шестьдесят геллеров. И покупает мухоловку — длинную такую липкую ленту. «Это то, что надо!» — говорит он.

А встретив за городом страуса, показывает ему свой новый длинный язык. Страус же показать свой обычный маленький язык постеснялся. Малыш-муравьед пришел в восторг — здорово все получилось! И от восторга язык прятать не стал, так и побежал домой.

— Фу, как некрасиво болтается твой новый язык! — сказала мама.— Спрячь-ка его сейчас же! Нет у нас лишних денег, чтобы выбрасывать их на ветер!

Малыш-муравьед хлопнул себя по лбу и стал засовывать новый язык в рот. Примерно этак за полчаса управился и тут увидел, что на кончик прилепилась уйма всякой всячины: сухие листья, окурки от сигарет и, что самое интересное, сорок шесть муравьев.

— Как? Откуда? — удивилась мама.— Нам же столько не съесть!

— Сколько съедим, столько и съедим, остальных можно законсервировать,— сказал малыш-муравьед.

Мама сходила в магазин, купила банок для консервирования и еще пятнадцать мухоловок. С той поры зажило семейство великолепно. Однако в секрете это оставалось недолго, и вскоре уже все муравьеды ловили муравьев на мухоловки-липучки, прикрепленные к языку. Сидели они теперь дома, слушали легкую музыку, языки у них находились неведомо где, это было удобно и означало полный переворот в жизни муравьедов. Теперь уже ни один страус не позволял себе насмешек над муравьедами, даже наоборот, муравьеды теперь слыли животными интеллектуальными, хорошо разбирающимися что к чему.

А малышу-муравьеду поставили памятник из песчаника: муравьед в коротких штанишках показывает язык страусам. В день годовщины у памятника собираются все муравьеды и показывают языки. Правда, просто так, символически, потому что страус на памятнике не изображен. Еще чего не хватало — ставить памятник страусам!

Отилия и тысяча пятьсот восемьдесят клякс

Писать — дело довольно простое: берется синяя, зеленая или красная авторучка, в нее набираются синие, зеленые или же красные чернила — и пиши себе. Писать можно что угодно: задание по арифметике, новогоднее поздравление, что-нибудь на память. Написать можно много чего, чернил в авторучке хватает надолго, дня этак на четыре.

Но жила-была одна девочка, звали ее Отилия, ей приходилось наполнять ручку шесть раз только до полудня. Каждый день она покупала по бутылочке чернил, и пани продавщица в канцелярском магазине была в полном отчаянии: откуда ей набрать столько бутылочек? Покачав

головой, пани продавщица с удивлением спросила у Отилии:

— Скажи на милость, что ты с этими чернилами делаешь? Много пишешь, что ли?

Отилия ответила:

— Я не знаю.

Дело в том, что она была стеснительна, говорила мало, ей было стыдно признаться, как на самом деле обстоят у нее дела с письмом. Стыдилась сказать, что дела с письмом у нее и впрямь обстояли ужасно, она многое умела, даже играла коляды на скрипке, а писать вообще не умела.

Когда в школе надо было написать слово «воробей», ребята писали «воробей». И все дела. Но Отилии этого было мало: вокруг воробья она делала непременно двадцать две кляксы — семь больших, четыре поменьше и одиннадцать совсем маленьких, так что воробей в этих кляксах ну только что не тонул — он ведь всего-навсего написан, поэтому и улететь тоже не мог. Но Отилии этих двадцати двух клякс в тетради оказывалось мало. Еще одиннадцать она делала на парте, восемь садила на юбку, шесть на кофточку, девять на чулки, две на туфли, четыре на ленты в косичках, пять на нос, семь на лоб и одну большую на подбородок, так что в сумме выходило семьдесят девять клякс. А теперь представьте себе, что получалось, если ей требовалось дома написать упражнение по стилистике на полстранички. Полстранички — это двадцать слов. Каждое помноженное на семьдесят девять клякс дает нам тысячу пятьсот восемьдесят клякс. Поэтому ничего удивительного не было в том, что бутылочка чернил пустела в мгновенье ока.

Папа весь вечер очищал тетрадь отбеливателем, чтобы учительница могла хотя бы отыскать задание среди клякс. Мама стирала скатерть, чулки и ленты для косичек, купала Отилию и жаловалась:

— Опять с утра надо бежать в химчистку сдавать кофту и юбку! Зачем ты так делаешь, Отилия? Неужели не можешь писать поаккуратнее? Откуда это у тебя, девочка? Дедушка клякс не ставил, отец тоже. Когда же наконец ты перестанешь ставить кляксы?

Но Отилия только плечами пожимала:

— Это не я, это авторучка.

Отец на это сказал:

— Помалкивай! Хватит уже этих оправданий! Если завтра сделаешь еще хоть одну кляксу, будешь сидеть дома, запомни!

А мама крикнула из ванной:

— Но ведь завтра в школе рождественский вечер, Отилия там будет играть на скрипке, мы обещали, что придем ее послушать вместе с тетушкой Жофией.

Но отец направился прямо в ванную и сказал:

— Вечер не вечер, но если сделает еще одну кляксу, никуда не пойдет. Сказано, и баста!

Утром Отилия надела белую кофточку, зеленую юбку и белые чулки, чтобы на рождественском вечере выглядеть нарядно, взяла портфель, скрипку и отправилась в школу, пришла, села за парту и приготовилась писать. Пани учительница сказала:

— Дети, сегодня будем писать диктант, достаньте тетради и ручки. А ты, Отилия, пиши аккуратно, чтобы опять не превратиться в сплошную кляксу. Знаешь ведь, что после уроков у нас будет рождественский вечер.

И стала диктовать:

— Гуси гоготали. Собаки — лаяли. Кошки — мяукали...

Она все диктовала, диктовала, а Отилия писала и думала: «Мало того что диктант сегодня, так еще и вечер. А что, если я посажу где-нибудь кляксу? Тогда мне не придется играть на скрипке. Все равно я буду стесняться, когда много народу соберется».

Так она думала и в то же время писала, писала. Возле гусей Отилия сделала тридцать восемь клякс, около собак — восемьдесят четыре, а вокруг кошек — двести двадцать пять. Триста пятьдесят брызнула на парту, пятьсот восемьдесят на кофточку, шестьдесят две на юбку, пятьдесят семь на чулки и триста пятьдесят пять на лицо. Таким образом, если подсчитать, получается тысяча пятьсот восемьдесят клякс. Бутылочка чернил опустела в мгновенье ока. Отилия подняла руку и сказала:

— А мне нечем писать!

А пани учительница глянула на Отилию и страшно испугалась, потому что на парте образовалась целая чернильная лужа. Отилия, куда ни глянь, вся в чернилах: кофточка похожа на белого кролика в пятнах, юбка —

словно зеленый кролик в пятнах, лицо, руки и ноги — сплошь в чернилах. Вид, скажем прямо, был у нее ужасный, пани учительница схватилась за голову и сказала:

— Отилия, как ты в таком виде будешь играть на рождественском вечере? Что, глядя на тебя, скажут папы и мамы? Уж лучше бы ты вовсе не играла, но вечер, к сожалению, рождественский, без коляд нельзя. Придется тебе сходить домой переодеться.

Но Отилия сказала:

— Вы знаете, папа меня все равно никуда не пустит. Он сказал, что если я посажу еще хотя бы одну кляксу, буду сидеть дома, и баста.

А пани учительница стала думать, как выйти из положения. Думала она, думала, и ее осенило. Она хлопнула себя по лбу и объявила:

— Я знаю, что делать! Выстираю-ка я тебя в отбеливателе. До начала вечера ты успеешь высохнуть.

Во время перемены она сбегала в магазин и купила целый чемодан отбеливателя. А пани продавщица покачала головой и сказала:

— Зачем вам столько отбеливателя? Если каждый будет брать по стольку, где мне его доставать для вас? Тут одна девочка скупила у меня все чернила, а теперь вы скупили весь отбеливатель. Скажите на милость, что происходит?

Но времени на разъяснения у пани учительницы не было, она побежала обратно в школу, у пана школьного сторожа налила отбеливатель в ванну, окунула в него Отилию с головой, намочила ее хорошенько, так что кляксы одна за другой стали исчезать. Но постепенно вместе с кляксами стала исчезать и Отилия. Пани учительница и ахнуть не успела, как в ванне не было ни Отилии, ни клякс.

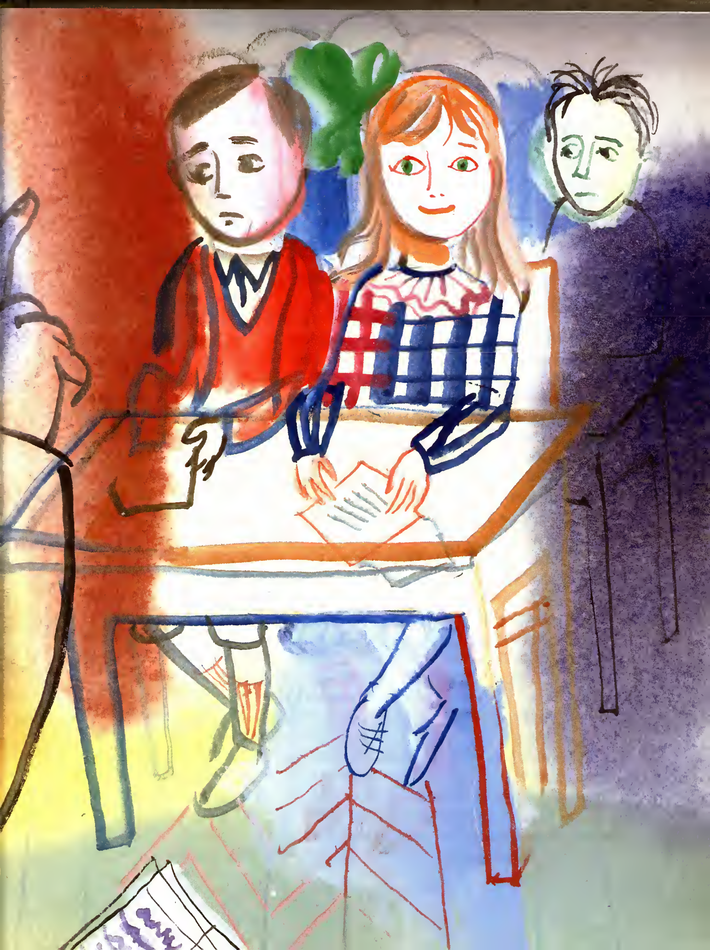
— Отилия, где ты? — спрашивает пани учительница. Она подумала, что Отилия просто так куда-то отлучилась. Но Отилия ответила:

— Я здесь, по-прежнему сижу в ванне.

А пани учительница побледнела, как кафель ванной комнаты, и подумала: «Вот тебе и на! Я до того ее доотбеливала, что она исчезла как клякса. Что я теперь скажу родителям? И что будет с рождественским вечером?»

В голове пани учительницы проносились неприятные мыс-

ли. И вдруг ее осенило: Отилия в сущности не знает, что с нею произошло. И тогда она сказала:

— Отилия, весьма сожалею, но мне кажется, что тебя немножечко не видно. На всякий случай взгляни на себя в зеркало. И подала Отилии маленькое зеркальце из своей сумочки. Отилия взяла его, а выглядело это так, словно зеркальце просто повисло в воздухе. Поглядела в него Отилия и говорит:

— Да, пани учительница, вы правы, меня нисколечко не видно. Но мне это не мешает, я думаю, что этим можно воспользоваться и многих разыграть.

Едва она это произнесла, как раздался звонок на урок. Отилия побежала в класс и села за парту. Только она успела сесть, как вошел пан учитель, который учил их арифметике, и сказал:

— Сегодня частично повторим таблицу умножения.

И стал спрашивать, сколько будет трижды пять, сколько четырежды девять. Отилия подумала: «А собственно почему я должна сидеть за партой, ведь меня никто не видит». И спокойно стала расхаживать по классу, поднялась к учительскому столу, взглянула в записную книжку пана учителя на оценки. Потом села на стол рядом с классным журналом и стала болтать ногами в раздумье, вызовет ли ее учитель вообще. Когда подошел ее черед, учитель сказал:

— Как вижу, Отилия сегодня отсутствует, а я хотел спросить у нее, сколько будет семью восемь и сколько восемью шесть.

Тут Отилия помчалась к парте и говорит:

— Извините, я не отсутствую, просто меня не видно. Пани учительница очищала меня отбеливателем так долго, что я отбелилась начисто и стала невидимой.

Учитель поднял глаза и сказал:

— Ах, так! Тогда другое дело! Я думал, что ты отсутствуешь.

И спросил ее, сколько будет семью восемь и сколько восемью шесть. Отилия заглянула под парту в таблицу умножения и сказала:

— Пожалуйста: семью восемь будет пятьдесят шесть, а восемью шесть — сорок восемь.

А учитель говорит:

— Верно, Отилия, верно. Хоть я тебя совершенно не вижу, считаешь ты хорошо.

И поставил ей пятерку.

А Отилия в душе ликовала: «До чего же хорошо быть невидимкой! Так в конце года у меня будут сплошные пятерки. И учить ничего не надо».

И она с нетерпением стала ждать рождественский вечер, она уже нисколько не боялась, что застесняется играть на скрипке, когда соберется много людей.

И действительно, она нисколько не испугалась вечера. А когда пани учительница поднялась на сцену и сказала: «А теперь ученица Отилия сыграет нам на скрипке коляды...» — она принялась спокойно играть. А мамы и папы вместо того, чтобы слушать ее, стали между собой перешептываться и зашумели:

— Что это значит? А где же, собственно, эта Отилия?

Потому что на сцене висела в воздухе только скрипка, смычок двигался сам собой вверх и вниз, а пани учительница спокойно стояла рядом и переворачивала ноты.

Папы и мамы продолжали кричать:

— Что это значит? Что за нелепость?

А тетя Жофия, которая была близорука и вообще ничего не видела, толкала соседей в бок и говорила:

— Помолчите, пожалуйста, а то не слышно, как чудесно играет наша Отилия.

Но тут отец с матерью встали, и направились прямо на сцену, и сказали учительнице:

— Никакая это не Отилия, уж мы-то как-нибудь Отилию знаем. Дело в том, да будет вам известно, что мы ее родители. То, что перед нами, для Отилии явно недостаточно. У Отилии в волосах ленты, у нее есть уши, шея и белые чулки...

Пани учительница, поняв, что ничего не поделаешь, придется говорить правду, сказала:

— К сожалению, это ваша дочь Отилия, только она, бедняжка, невидимка. Она исчезла, когда я окунула ее в отбеливатель, потому что девочка была сплошь в кляксах.

Под конец она расплакалась и сказала:

— Если говорить честно, то мне жаль, что так получилось.

А отец качал головой: «Да, больше нет у нас Отилии.

С отбеливателем надо обращаться осторожно». А мама стала причитать:

— Ах, крошка моя! Значит, ты теперь невидимка. Значит, никогда мне уже не стирать с твоего носа чернила, никогда уже не мылить тебя в ванне, не носить твои кофточки и юбки в химчистку, ах, ах, ах!

А тетя Жофия, которая все никак не могла понять, в чем дело, горько плакала и говорила:

— Ах, какое несчастье. У нее лопнула струна «соль», а вдруг еще что-нибудь? И она не может играть коляды!

А папы и мамы в зале становились все нетерпеливее и кричали:

— Что за странное представление? Где декламации хором? Почему на сцене плачут трое, и каждый на свой лад? Какое же это веселое рождество?

Отцу с матерью и тетей Жофией пришлось удалиться. Они взяли в гардеробе свои пальто и пошли домой. Отилия спрятала скрипку в футляр и отправилась вместе с ними. А по дороге она им говорила:

— Странно мне, отчего вы такие грустные?

А отец остановился и сказал:

— Несчастное дитя, что за жизнь тебя ждет. Ты даже милиционером-регулировщиком не можешь стать!

На что Отилия сказала:

— Регулировщиком стать я не могу, зато могу быть контролером в магазине самообслуживания.

После этого отец уже больше ничего не говорил, а когда пришли домой, принялись готовить праздничный ужин, стараясь успеть к рождеству. Готовили «синего» карпа. А Отилия в это время подумала: «Вот здорово! Никто меня не видит, пойду-ка я в комнату и посмотрю подарки».

Она преспокойно взяла с кухонного шкафа ключ и пошла в комнату. А в комнате лежало множество свертков. На одном было написано «папа», на другом «мама», на третьем «тетя Жофия», а на трех маленьких свертках Отилия увидела свое имя и подумала: «Что же в этих свертках может быть?» Хотела уже было развернуть их, но в комнату вошел отец и спросил:

— Есть тут кто?

Он собрался запереть дверь, поэтому Отилии пришлось оставить подарки и спешно выскользнуть из комнаты.

А когда в кухне все было приготовлено и когда карп был доведен до синевы, мама сказала:

— Ну, теперь можно пойти и взглянуть на подарки, да?

Все встали и пошли за папой. Он зажег елку и стал раздавать подарки. Каждый получил то, что ему предназначалось. Перед Отилией оказались три маленьких свертка. Она развернула их, и в каждом оказалось по новой авторучке — одна красная, вторая зеленая, третья синяя.

Папа сказал:

— Эти ручки подарок тебе, Отилия, чтобы ты никогда больше не ставила клякс. Ведь ты всегда винила авторучки.

А мама добавила:

— Можешь сейчас же их опробовать. Напиши новогодние поздравления дядюшке Оту, тете Анежке и тете Клотильде.

И она дала Отилии три праздничные открытки.

Отилия села и стала писать синей авторучкой: «Милый дядюшка...» Едва она написала «милый дядюшка», как посадила вокруг «дядюшки» четыреста двадцать клякс, на

скатерть — пятьсот шестьдесят шесть, на лицо, руки и ноги — шестьсот девяносто четыре. В общем получилось тысяча пятьсот восемьдесят клякс. А мама воскликнула:

— Смотри, папа, Отилия перестает быть невидимкой, на ней остаются кляксы.

А папа сказал:

— Продолжай писать, Отилия, продолжай, продолжай, не прерывайся!

И Отилия продолжала писать. К тому моменту, когда дописала открытки дядюшке и обеим тетушкам, от клякс она оказалась вся синяя, так что стала целиком видна. Отец вздохнул с облегчением:

— Опять она с нами, наша Отилия!

А мама с тетушкой Жофией добавили:

— Слава богу, с нас теперь эта забота свалилась!

И все принялись есть карпа. Во время еды тетя все время тыкала Отилию вилкой и ножом, потому что путала ее с синим карпом, а Отилия жутко злилась и думала про себя: «Глупая я. Была бы аккуратней, не делала бы клякс, могла бы остаться невидимкой и долго еще разыгрывать всех».

Как солнце делает радугу

Жил-был однажды один большой сад, а в саду было много всякой всячины. Была там трава, такая зеленая — глаз не оторвать. Был бассейн с водой синей-пресиней. А деревьев, кустов, цветов и бабочек не счесть. Да и кому это нужно — считать деревья, кусты, цветы и бабочек? В саду играли Боржек с Маркеткой, были они маленькими и не очень-то умели считать. Но умей они даже считать до тысячи, на это у них времени все равно бы не

хватило. Они радовались тому, что стоит июль, что можно купаться в бассейне с синей водой, греться на солнышке, гоняться за бабочками и разговаривать с ними.

— Неужели вы не знаете, что за день завтра? — спросил однажды у бабочек Боржек.

Но бабочки вообще редко задумывались о календаре, и поэтому в ответ они только покачали своими маленькими головками.

— Так вот, знайте же, завтра у меня день рождения, и наверняка мне что-то подарят,— говорит им Боржек.

— А неужели ж вы не знаете, что за день послезавтра? — спросила у бабочек Маркетка. И поскольку бабочки этого не знали, она сказала: — Так знайте же — послезавтра день рождения у меня, и я тоже получу подарки.

Бабочки захлопали своими желтыми, белыми, красными и синими крыльями и стали желать Маркетке и Боржеку всего самого лучшего, а главное, чтобы светило солнышко.

— Ну, уж это никакой не подарок,— сказал Боржек.— Солнышко светит и тому, у кого нет дня рождения.

— Нам бы чего получше,— сказала Маркетка,— мы хотим такие подарки, каких ни у кого нет.

И они действительно получили подарки такие прекрасные, что полюбоваться ими слетелись бабочки даже из соседнего сада. Они глядели и глаз не могли оторвать от Маркетки и Боржека. Маркетка пришла в сад в новом платье, а платье было красным, как спелая земляника, такая спелая, что ее уже можно рвать. Боржек пришел в трикотажной рубашке с короткими рукавами. Рубашка была синей, как небо, с которого уже целую неделю не упало и капли дождя.

— Какие краски! — восклицали бабочки.— Подарки действительно замечательные.

Но Маркетка улыбнулась и сказала им:

— Это еще не все! Кроме платья мне подарили оранжевую ленту и фиолетовый платок, а Боржеку желтую шапочку и зеленые носочки, видели бы вы, как это здорово!

Бабочки слушали ее раскрыв рты, а Боржек сказал:

— Вот видите, а вы желали нам всего-навсего, чтобы солнышко светило.

Бабочки на это ничего не ответили. Да и что они могли сказать? Им не хотелось признаваться, что нет у них денег

ни на платья, ни на рубашки, а если бы даже и были деньги, сделать покупку им не так просто, потому что когда в магазин влетает бабочка, то никто не принимает ее за покупателя и не относится к ней всерьез. Поэтому они молча летали над ярко-зеленой травой, такой яркой и такой зеленой, глаз не оторвать, играли с Маркеткой и Боржеком в пятнашки.

Лето, однако, есть лето. Летом жарко даже в самом красивом красном платье. И в синей рубашке тоже. Поэтому Маркетка с Боржеком решили выкупаться.

Маркетка сняла с себя новое платье и положила его за куст крыжовника. Боржек снял новую рубашку и положил ее за куст смородины. А затем — раз, два, три! — и вот уже оба в воде. Они играли большим разноцветным мячом, смеялись, брызгались водой так, что все бабочки промокли насквозь, с них даже текло. Спустя какое-то время, накупавшись вдоволь, Маркетка вылезла из воды, обсохла на солнышке и собралась надеть свое новое красное платьице.

Представьте себе, однако, что на траве за кустом крыжовника лежало какое-то другое платье — цвета совсем неспелой земляники, которую еще нельзя рвать, потому что если ее съесть, то может заболеть животик.

— Что такое? — воскликнула Маркетка.— Ведь это вовсе не мое новое платье! — И заплакала.

— Ты чего ревешь? — крикнул ей Боржек из бассейна.— Тебе не стыдно? Как маленькая!

— Ты только посмотри,— крикнула ему Маркетка,— кто-то украл мое красное платье, а вместо него оставил другое, совсем некрасивое.— И опять принялась плакать.

Боржек вылез из бассейна, посмотрел на Маркеткино платье — оно действительно было не таким, как то, что Маркетке подарили на день рождения.

«Надо же!» — удивился Боржек и побежал посмотреть за куст смородины, куда он положил свою новую синюю рубашку. Представьте себе, вместо рубашки, синей, как безоблачное небо, там лежала рубашка, цветом похожая на старый канцелярский конверт.

— Это еще что такое! — закричал Боржек.— Кто поменял нам платье и рубашку? Ведь кроме нас двоих и бабочек в саду нет никого!

— Может быть, бабочки знают, кто взял наши новые вещи? — сказала Маркетка. Она тут же собрала всех бабочек и спросила у них: — Скажите, что случилось? Кто взял наши новые вещи и вместо них положил старые?

Но бабочки только удивленно качали маленькими головками, а одна капустница-малышка напомнила:

— Мы ведь играли вместе с вами, мы еще промокли так, что с нас текло.

— Почему же вы не попросили нас присмотреть за вашими вещами? — спросила одна лимонница.— Тогда бы такое не случилось.

— Если вы хотите узнать, кто это сделал,— сказала голубянка,— вы положите сюда еще что-нибудь, а мы станем караулить.

— Хорошо,— сказал Боржек,— ни нового платья, ни новой рубашки больше нет, но у нас есть еще желтая шапочка и зеленые носки, фиолетовый платок и оранжевая лента. Мы все это принесем, заберемся с Маркеткой в бассейн, будем играть в мяч как ни в чем не бывало и брызгаться, а вы караульте калитку и забор. И они в самом деле принесли шапочку, носки, платок и ленту, положили все за куст смородины, забрались в бассейн и как ни в чем не бывало стали играть большим разноцветным мячом. А в это время бабочки не спускали глаз с калитки и забора.

Только одна капустница, самая умная из всех, подумала: «Зачем мне караулить у калитки? Калитку-то ведь никто не подменял! Присмотрю-ка я за кустом смородины, тут я лучше всего увижу, если вдруг что произойдет.

Села она на куст смородины и стала караулить.

Сидит она, караулит и видит, как, откуда ни возьмись, появляется длинная тонкая рука с крошечной ложечкой, какими едят пирожные. Не успела бабочка опомниться, как зеленые носки стали почти белыми, фиолетовый платок — почти бесцветным, шапочка и лента тоже.

«Чья же это может быть рука, такая длинная и тонкая?» — подумала про себя капустница. Но вокруг никого, кроме солнца на небе. Именно в этот момент оно открыло рот, что-то проглотило и облизнулось, словно сбитых сливок попробовало. Капустница закричала своим тоненьким голоском и полетела к бассейну. А когда на ее крик Мар-

кетка и Боржек прибежали к смородинову кусту, она им рассказала про все, что видела.

— Так вот оно в чем дело,— нахмурился Боржек,— все эти яркие краски съело солнце. И как ему только не стыдно!

— Противное, глупое солнце, если бы не оно, у меня было бы чудесное красное платье, фиолетовый платок и оранжевая лента! — крикнула Маркетка.

— И вообще, разве можно себя так вести? Такие красивые краски, и какое-то там глупое солнце запросто слизнуло их. Ну, солнце, мы тебе еще покажем! — крикнул Боржек и погрозил солнцу пальцем.

— Убирайся прочь! — крикнула Маркетка.— Мы тебя нисколечко не любим! Скройся!

Но бабочкам такие речи не понравились. Самая старшая капустница откашлялась и сказала:

— Гм, гм, я думаю, что вы не должны так грубо разговаривать с солнцем. Оно может обидеться и перестанет светить.

— И пусть! — крикнула Маркетка.— Пусть не светит, нам все равно. А вы, глупые бабочки, помалкивайте. На день рождения вы желали нам, чтобы это гадкое солнце светило не переставая. Вот видите, что оно натворило. Оно ворует, а мы с ворами не разговариваем!

А вот этого говорить все же не следовало. Солнце и в самом деле обиделось — и спряталось за большую черную тучу. А поскольку в больших черных тучах прячутся дожди, в тот же миг дождь полил как из ведра.

— Вот и кончились наши игры,— горестно вздохнули бабочки.— Говорили мы вам, что солнце обидится. Нельзя так с солнцем разговаривать.

— И вообще... а вдруг солнцу эти краски нужны,— сказала самая умная капустница. И все бабочки полетели в беседку.

Маркетка с Боржеком отправились вслед за ними. Они молча сидели в беседке и смотрели, как льет дождь, сад изменился — стал печальным и унылым, словно ушедший праздник, который кончился и больше никогда не вернется.

— Теперь, наверное, нам больше не придется играть в пятнашки,— сказала Маркетка,— и купаться тоже. Да, Боржек?

— В таком виде все вокруг кажется некрасивым,— вздохнул Боржек,— мир без красок мне совсем не нравится.

— Это оттого, что солнце не светит,— объяснила самая умная капустница,— без солнца нет красок. А откуда солнце их берет? То там схватит немного, то тут, так и кормится красками, что поделаешь!

— Пожалуй, капустница права, Маркетка,— сказал Боржек.— А что, если мы попросим прощения у солнышка?

И они попросили у солнышка прощения. Сказали ему, что не сердятся на него за платье, рубашку, ленту для волос, потому что ни рубашка, ни лента ничего не стоят, если солнышко не светит.

И солнышко простило их. Простило потому, что оно доброе и мудрое. Оно выглянуло из-за тучи. А выглянув, улыбнулось и сделало огромную разноцветную радугу.

Маркетка захлопала в ладошки и закричала Боржеку:

— Погляди, радуга красная, как мое платье, оранжевая, как моя лента, и фиолетовая, как мой платок!

— И синяя, как моя рубашка, зеленая, как мои носки, и желтая, как моя шапочка! — воскликнул Боржек.— Теперь видишь, куда подевались наши краски?

Они громко смеялись, и бабочки смеялись вместе с ними, смеялись и кричали, перебивая друг друга:

— На свете ничто не пропадает. Этими красками солнце расцветит все, что только можно, и мир опять станет таким же веселым, каким был до сих пор. А это ведь куда важнее, чем какая-нибудь там дурацкая лента для волос.

И бабочки опять стали играть с Боржеком и Маркеткой на траве, которая загорелась зеленым цветом так, что глаз от нее было не оторвать.

Ёжик

Зимние вечера долгие и скучные, зимой всякое развлечение ценится. Нельзя же все время только спать да спать. Ну, а что зимой делать, скажем, какому-нибудь там ежику? А что делать целому семейству ежей? И вот лежат они зимой и глядят в потолок. Рассказывать уже больше нечего, от скуки с ума можно сойти. Зима тянется страшно долго. Ну не глотать же им непрерывно снотворные порошки!

И ежи решили, что на будущую зиму купят граммофон и пластинки с летними звуками — с кваканьем лягушек или с чем-нибудь в этом роде.

И они в самом деле принялись копить на граммофон. Копили всю весну, лето и осень. Отправились они покупать подержанный граммофон и к нему пластинки с летними звуками, в том числе с кваканьем лягушек. Когда сосчитали деньги, обнаружили с сожалением, что на иглы не хватает. Понятно, это был удар — граммофон без иголок бесполезен. Очень ежи расстроились, домой шли унылые, в скверном настроении: граммофон-то они приобрели, а на иглы придется копить весь будущий год. Так и решили. Пришли домой, и тут ежик-малыш вдруг пустился в пляс по комнате. Ежи решили, что он спятил. А малыш воскликнул:

— Зачем покупать иглы? Или мы не ежи? У нас столько иголок, что на пятьдесят лет вперед хватит!

Глянули ежи на себя и засмеялись. Завели они граммофон, и играл он у них до самой весны.

Детей на свете великое множество, каждый из них чуть-чуть озорник — кто катается на перилах, кто засовывает палец за щеку, кто громко стучит по тарелке ножом и вилкой, некоторые не хотят есть макароны, марают книжки, тащат в рот все, что под руку попадется, кто-то забывает поздороваться, неряшливо ест на скатерти, кого-то никак не уложить спать, короче говоря — все дети озорничают, только всяк по-своему. И вот кому-то пришло в голову созвать большой съезд родителей и посоветоваться — что делать?

Съезд действительно собрался большой. Приехали на него все папы и все мамы, некоторые из Африки, а кое-кто из самой Австралии, а две бабушки даже с Северного полюса — просто так, из любопытства.

— Ну, что,— спросил толстый пан в очках, который открыл съезд,— надеюсь, все папы и мамы собрались здесь?

Вдруг одна пани в зеленой шляпе попросила слова, встала и говорит:

— Извините, но один папа и одна мама отсутствуют.

— То есть как? — говорит толстый пан в очках.— Как это отсутствуют? Ведь это съезд, а не базар!

— Отсутствуют потому, что дома у них мальчик, которого зовут Сильвестр. Это самый примерный мальчик на свете. Зачем же им ехать сюда и совещаться? — отвечает пани в зеленой шляпе и садится.

Тут все папы и мамы закричали:

— Не может такого быть, чтобы у кого-то дома был самый примерный мальчик на свете! Жаль, что они не привезли его, чтобы показать нам.

Но тут толстый пан в очках позвонил в маленький колокольчик и сказал:

— Тише! Нельзя говорить всем сразу, это съезд, а не сумасшедший дом. Во всяком случае мы поступим правильно, если взглянем на него, а если убедимся, что он действительно самый примерный мальчик на свете, покажем его по телевидению, чтобы все дети брали с него пример.

И все папы и мамы захлопали в ладоши, потому что идея с телевидением им очень понравилась и они подумали: «По телевидению часто показывают разные глупости, а тут хоть полезная передача появится».

Толстый пан взял шляпу и сказал:

— Подождите здесь, никуда не расходитесь, мы привезем Сильвестра. Через двадцать минут отходит наш поезд.

Он захватил с собой пани в зеленой шляпе, которая знала, где Сильвестр живет. Они купили себе на дорогу арахисовых орехов и поехали. Ехали они, ехали, пока пани в зеленой шляпе не произнесла:

— Ну вот мы и на месте!

Они вышли из вагона и направились к домику, где жил Сильвестр.

— Добрый день,— сказал толстый пан в очках отцу Сильвестра, который открыл им дверь,— мы приехали взглянуть на вашего мальчика и решить, действительно ли он самый примерный мальчик на свете.

— Что ж, пожалуйста,— говорит папа,— Сильвестр сейчас как раз в ванной. Двенадцатый раз моет уши.

— Что, простите? — переспросил толстый пан в очках.

— Двенадцатый раз моет уши,— повторил папа.— Сильвестр моет уши по восемнадцать раз на дню.

— Ага,— сказал толстый пан в очках и сделал пометку в записной книжке.— Он моет уши добровольно?

— Разумеется,— ответила мама Сильвестра.— Он также добровольно дважды в день ходит на осмотр к зубному врачу.

— А могли бы мы видеть вашего мальчика? — спрашивает толстый пан в очках.

Отец открыл дверь, позвал Сильвестра, и тот вошел в комнату. Уши у него были отмыты до блеска. Он сказал:

— Добрый день. Я Сильвестр. Рад с вами познакомиться.

— Один момент! — сказал толстый пан в очках и написал в записной книжке: «Сильвестр говорит: рад с вами познакомиться». Затем он подал Сильвестру руку, задал ему несколько вопросов, и среди них такой: «Что ты, Сильвестр, целый день делаешь?» Остальные были в том же роде.

— Если я не мою уши и не жду в приемной у зубного врача, то сижу возле кухонного шкафа и стараюсь не стучать ногами по стулу,— ответил Сильвестр.

— Да неужто такое может быть! — воскликнул толстый пан в очках. А отец удивился и говорит:

— Простите, но Сильвестр не лжет. Весь наш небольшой городок знает, кто такой Сильвестр. Учащиеся младших классов и ребятишки из детских садов по средам и пятницам в обязательном порядке приходят смотреть на него, каждый вам подтвердит, что Сильвестр послушнее канарейки и покорнее ягненка.

— Ну что ты мелешь? — перебила отца мама Сильвестра.— Что там канарейка! Какой ягненок! Да Сильвестр тише воды и ниже травы, он смирнее, чем мебель в доме. Взгляни хоть на этот старый кухонный шкаф. Он так скрипит, что его уже выбросить пора, а Сильвестр не скрипит никогда.

Тут Сильвестр откашлялся и сказал:

— Простите, я ненадолго отлучусь в сад, поиграю в мяч. Мне кажется нескромным слушать, когда речь идет обо мне.

И он ушел. А пан в очках и пани в зеленой шляпе раскрыли рты да так и застыли, потому что ничего подобного с ними еще не случалось.

А Сильвестр ходил по саду, то подпрыгивая, то подбрасывая в воздух мяч. И вдруг, падая вниз, мяч застрял на дереве. Сильвестр задумался и стал рассуждать про себя: «Как быть? Лезть на дерево я не могу, потому что по деревьям лазают только невоспитанные дети, обезьяны обыкновенные и человекообразные. Но вернуться домой без мяча тоже немыслимо — терять вещи по меньшей мере безответственно». Сильвестр стоял и не знал, что делать. Хоть плачь! И он стал под дерево и тихонько заплакал. Вдруг его осенило: «А что, если быстро влезть на дерево и так же быстро слезть обратно? Что, если сделать это совершенно незаметно? Тогда положение будет спасено».

Сильвестр приставил лестницу к дереву, влез на него, сбросил мяч вниз и уже собрался слезать, но вдруг увидел, как по саду идут два человека с пилой. Они направлялись прямо к дереву, на котором находился Сильвестр, и один говорил другому:

— Значит, это и есть та черешня, из которой будут делать новый кухонный шкаф, да?

Не успел Сильвестр опомниться, как пила врезалась в ствол.

«Так,— подумал он,— если я сейчас закричу, весь город узнает, что я лазаю по деревьям, как невоспитанный ребенок или же обезьяна. И тогда станут говорить: «Нет, он не самый воспитанный ребенок! Где уж ему! Он обыкновенный озорник!» А что на это скажет мама? Папа? Что скажут тетя Анежка и дядя Горимир? Толстый пан в очках и пани в зеленой шляпе, которые хотят отвезти меня на съезд пап и мам, чтобы я там выступил по телевидению?»

И Сильвестр решил, будь что будет, но он не закричит и не слезет с дерева. А когда дерево падало, он крепко уцепился за ветки, чтобы не вывалиться из кроны на траву. Так его вместе с деревом погрузили на телегу и отвезли в столярную мастерскую.

В мастерской пахло столярным клеем и опилками, было очень шумно, но Сильвестр не дышал, не шевелился, будто сам превратился в дерево, и надо сказать, у него это похоже получилось. И вот из него напилили досок, таких, из которых сколачивают кухонные шкафы.

«Теперь наверняка никто ничего не узнает, коль уж из меня сделали доски»,— с удовлетворением подумал Сильвестр. И действительно — никто ничего не узнал. Наоборот, все говорили:

— Какая красивая, прочная древесина!

И сделали из Сильвестра прекрасный новый кухонный шкаф, покрасили его, покрыли лаком и привезли папе с мамой на кухню.

В кухне папа и мама стояли во всем черном и плакали, а толстый пан в очках кивал головой и приговаривал:

— Ах, какое несчастье! Самый послушный мальчик на свете и потерялся, как раз когда надо выступать по телевидению! Как не повезло, а?

А мама только утирала нос и все повторяла:

— Сильвестр, Сильвестр! У нас новый кухонный шкаф, он не скрипит, а ты об этом, бедняжка, даже не знаешь.

— Как это не знаю? — откликнулся Сильвестр.— Да ведь шкаф — это я!

Папа с мамой только руками всплеснули. И толстый пан в очках с пани в зеленой шляпе тоже руками всплеснули. Все всплескивали руками, удивлялись, вопросы сыпались без конца. Но толстый пан в очках сказал:

— Хватит! Все вопросы потом. А теперь нам надо быстро на съезд.

Вместе с пани в зеленой шляпе он упаковал Сильвестра в стружку, они купили на дорогу арахисовых орехов и поехали.

Съезд тем временем стал похож на школьную перемену: папы пускали бумажных голубей, мамы вязали, у дверей начеку стоял один папа и, как только увидел толстого пана в очках и пани в зеленой шляпе, закричал:

— Идут!

Все быстро уселись за парты и сделали вид, будто ничего не произошло.

Двери распахнулись, вошли толстый пан в очках и пани

в зеленой шляпе, а за ними вокзальные носильщики с чем-то упакованным в древесную стружку и уйма народу с телевидения с осветительными приборами и телекамерой. Толстый пан в очках произнес:

— Нам удалось привезти самого примерного мальчика на свете. Соблюдайте спокойствие, как только мы распакуем багаж, вы его сердечно поприветствуете, только приветствуйте прилично, ведь это будет передаваться на весь мир.

— А почему, простите, он упакован в древесную стружку? — спросил один папа, который перед тем вежливо поднял руку.

— Чтобы не повредить его,— объяснила пани в зеленой шляпе,— жалко будет, если поцарапается, ведь это все-таки самый послушный мальчик на свете.

— Ах, так, значит,— сказал папа и сел на место. А остальные папы и мамы стали смотреть, как вокзальные носильщики снимают оберточную бумагу и освобождают груз от стружки. Это тянулось довольно долго, но в конце концов на свет появился большой белый кухонный шкаф.

— Ну, вот это и есть наш милый Сильвестр,— произнес толстый пан в очках,— папы и мамы, сердечно поприветствуйте его.

Но папам и мамам приветствовать не хотелось, они с удивлением смотрели друг на друга, пока одна мама не подняла руку, прося слова, и не задала вопрос:

— Сильвестр там внутри, что ли?

— Нет, зачем же,— сказала пани в зеленой шляпе,— внутри кастрюльки, мешалки, солонка, перечница и горчичница, металлическая посуда и большая салатница.

— Ах, вон оно что! — сказала мама, после чего наступила глубокая тишина. Длилась она долго, пока пан в очках не стал хлопать и кричать:

— Да здравствует Сильвестр! Да здравствует Сильвестр!

Но никто к нему не присоединился, кроме одного большого папы, который стоял впереди и потому ни за кого не мог спрятаться.

— Это никакой не мальчик, это кухонный шкаф,— тихонько сказала одна мама другой. А другая мама ответила:

— Ну, разумеется, это кухонный шкаф! Я ведь знаю, что такое кухонный шкаф. У нас их три перебывало, и все, как один, были похожи друг на друга.

Но тут уже и папы закричали:

— Да ведь это кухонный шкаф, мы же не слепые!

И тогда толстый пан в очках перестал хлопать, ужасно рассердился и закричал:

— Мы видели, как он в двенадцатый раз в этот день мыл уши! Что из того, что он стал кухонным шкафом? Вы только взгляните: вместо всяких там глупых фантазий в голове у него аккуратно расставлены кастрюльки.

Он открыл шкаф, и все увидели, что в голове у Сильвестра безупречный порядок.

— Порядок-то у него есть, это правда, вот если бы он еще хотя бы бегал и прыгал, как другие дети,— сказала одна мама,— а то стоит и таращится.

— Гм,— сказал толстый пан в очках, наклонился к Сильвестру и попросил:

— Ты бы не мог разок перекувырнуться, чтобы они успокоились?

— Пожалуйста, о чем разговор,— ответил Сильвестр. Он сделал два небольших шага вперед и поклонился.— Если вы не верите, что я мальчик, я сделаю кувырок, несмотря на то, что кувыркаются только невоспитанные дети, обезьяны обыкновенные и человекообразные.

И он действительно кувырнулся. Но это была его ошибка, и притом большая, потому что он ободрал всю лакировку, разбил все чашки и тарелки, рассыпал поварешки, ножи, вилки, опрокинул солонку, перечницу и горчичницу, расколотил все горшки и даже салатницу, так что когда он встал, вид у него был ужасный — перед родителями стоял старый, ободранный, рассохшийся кухонный шкаф. Все папы и мамы закричали:

— Фу! Хоть это и самый послушный мальчик на свете, мы не хотим, чтобы наши дети были похожи на него, пусть лучше останутся такими, как есть.

Они стали искать номерки от пальто и заспешили к выходу.

Теперь представьте себе, что телевидение все это передавало на весь мир и повсюду у телевизоров сидели дети, показывали пальцем на поломанный кухонный шкаф, смеялись, а некоторые при этом звенели ножами и вилками, кое-кто тащил в рот все, что под руку попалось, иные колотили ногами по стульям, и никого никакими силами не удавалось уложить спать.

Как конь стал учителем арифметики

Жил-был один маленький жеребенок, звали его Белясек. Были у него два приятеля — Филипп и Якуб. Они вместе играли и резвились на лугу за городом, который назывался Зонтик-над-Княжной, прыгали через ручей, бегали наперегонки — кто первый прибежит к воротам конюшни.

Приятели Белясека на бегу пыхтели, как два паровоза, а он был свеж и с удовольствием пробежался бы еще разок.

Он взбрыкивал задними ногами и смеялся так громко, что другие лошади удивленно оборачивались на него.

— Над чем этот жеребенок все время ржет? — спрашивали они друг у друга. В конце концов решили — пожалуй, ни над чем. Смеется он просто так, потому что жизнь удивительно веселая штука, Якуб и Филипп самые лучшие ребята в мире, а весь мир — это зеленый луг, залитый солнцем.

Но никакая радость не длится вечно. И однажды взрослые лошади сказали Белясеку:

— Ну, приятель, пришел конец забавам. Готовься, на следующей неделе пойдешь в школу.

— Ну, да! — сказал Белясек.— Школа — это для людей, а не для лошадей!

Но он ошибался. Белясек не так уж много знал о жизни. Например, он понятия не имел, что существуют разные школы, что есть, например, школа цирковых лошадей.

И в самом деле, первого сентября Якуб и Филипп пошли в школу, где было множество мальчиков и девочек, а Белясек отправился в школу, где было множество лошадей и слонов, мартышек и павианов, фламинго и других птиц, и все они учились читать, писать и считать, а также разговаривать, чтобы понимать, о чем их спрашивают, и уметь отвечать на вопросы.

Сами посудите, все это было для них нелегко. Большинство слонов гнусавило, многие павианы скулили, безупречное произношение было только у попугаев, и учительница хвалила их всюду, где могла. У Белясека разговор не очень-то получался. Он говорил «да, пожаруста» вместо «да, пожалуйста». И поначалу у него из-за этого было немало неприятностей. Но зато он получал пятерки на уроках танцев, хотя там и учили вещам совершенно несовременным, например, бегать по кругу, становиться на колени и кланяться в разные стороны.

«И зачем нас только учат этим глупостям?» — думал Белясек. И так думал не он один, другие думали так же. А на переменах каждый все равно танцевал как умел, и это им нравилось куда больше. То-то в классе было ржанья! Но приходил директор во фраке с длинным хлыстом, и тут уже никто не смел даже скребнуть копытом.

Директор поднимался к классной доске, брал в руки мел и говорил:

— Слушайте внимательно: один и один будет два. Один и один будет два... Один и один будет два...

Повторяли они неделями, месяцами, пока это не стало совершенно ясно абсолютно всем.

Вот так, незаметно для себя, Белясек научился считать.

Правда, сперва он радовался, что уже считает почти до десяти. Но благодаря стараниям и способностям очень скоро считал уже так, что привел в изумление самого советника цирковой школы, который по случаю успешного завершения первого полугодия послал ему в награду четверть кило сахару. Но Белясека не радовали ни похвалы, ни сахар. Белясек стал самым грустным конем в классе. Он больше уже не смеялся на всю округу, как прежде,— так, что остальные лошади поворачивали головы в его сторону, он молчал, в глазах его сквозила тоска. Он вспоминал луг за городом, Филиппа с Якубом и мечтал хотя бы недолго побыть с ними.

Но Белясек был уже не маленьким жеребенком, понимал, что это невозможно, и, чтобы не страдать понапрасну, думал только об одном: надо считать. И он стал считать все, что только поддавалось счету: паркет, парты, ступеньки на лестнице, считал двери в коридорах, ручки на дверях и ключи в замках. А когда окончил школу и вместе с цирком «Зеленое солнце» стал разъезжать по свету, считал на дорогах деревья, столбы километровые и телеграфные, считал дома, мосты и башни храмов, считал людей, мотороллеры и автомобили. Вскоре он сосчитал все, что только можно было сосчитать. Он просчитал весь мир. Он мир не только складывал, но отнимал, умножал, делил все без остатка и так и этак.

Так Белясек стал лучшим по арифметике среди цирковых лошадей, был отмечен особым похвальным листом из Оксфорда и дипломом Гарвардского университета. Газеты писали о нем, как о чуде, он выступал по телевидению, снимался в еженедельных выпусках кинохроники. И директор цирка очень ценил его. Ценил еще и за то, что Белясек помогал молодой кассирше, а когда она болела, то всю бухгалтерию вел сам.

При этом, однако, он был самым грустным конем во всем цирке, печальнее черепахи и крокодила, мало говорил и почти ничего не ел. А когда ему все же приносили овес, он садился и до самой ночи пересчитывал зерна.

— Белясек, нельзя же так,— говорит ему директор,— ты должен есть, иначе будешь плохо выглядеть. Посмотри, у тебя уже ребра торчат. Зрители еще подумают, будто я морю тебя голодом. Ну, в самом деле, съешь немного клеверу, завтра мы выступаем в Зонтике-над-Княжной, ты должен быть в форме.

— Что? — спросил Белясек.— Что вы сказали? Где мы завтра выступаем?

— В Зонтике-над-Княжной,— повторил директор. В ответ на это Белясек взбрыкнул ногами, засмеялся и съел весь клевер разом, так что директор даже подумал: «Ну, все, спятил конь. Чудеса кончились».

А Белясек улыбался, радостно стриг ушами и напевал про себя: «Тра-ляля, тра-ляля, что-то поделывают Филипп с Якубом?»

А Филипп с Якубом как раз в это время сидели в школе и писали сочинение по стилистике на тему «Мои самые приятные воспоминания». Угадайте, о чем оба они писали? Разумеется, о Белясеке. О том, как они с ним прыгали через ручей, как бегали наперегонки на зеленом лугу. Только в сочинении том они наделали много ошибок. Остальные мальчики тоже наделали множество ошибок, а уж о девочках и говорить не приходится. Учительница очень сердилась, протирала очки и размышляла, как же их за эти ошибки наказать. Думала она, думала, и ей пришло в голову задать детям упражнение по арифметике, да потрудней. И придумала она самый тяжелый пример на свете, такой тяжелый, что когда дети возвращались из школ домой, то под тяжестью его едва волочили ноги.

— Почему вы едва тащите ноги? — спрашивали их мамы.

И дети отвечали:

— Пани учительница задала нам такой тяжелый пример по арифметике, что нам он не под силу.

Мамы удивлялись:

— Да возможно ли такое? Ну-ка, покажите!

Дети вытащили тетради, и мамы принялись считать. Они

считали и так и этак, но пример не поддавался решению.

Тогда они позвали на помощь пап. Папы принялись считать, но как ни старались, решить пример не смогли.

«Тут что-то не так!» — подумали папы и отправились к школьному сторожу, который в это время курил трубку. Но школьный сторож решить пример тоже не смог. Не смог решить его даже директор школы, что уже было куда серьезнее. Тогда все — директор, папы, мамы — собрались и отправились к пани учительнице. Пани учительница натянула очки на нос, стала решать, решала, решала, но ничего у нее не получилось.

«Фу, какой позор! — думал про себя директор.— Дети завтра должны прийти в школу с выполненным заданием, а во всем городе не нашлось никого, кто бы смог решить пример. Так это дело оставить нельзя». Он отправился на радио и попросил объявить на весь город: тот, кто решит пример, займет в школе место учителя арифметики.

В городе громкоговорители установлены на каждой улице, а на площади их даже два. Так что объявление слышали все жители, и каждый из них подумал про себя: «Неплохо бы стать учителем. Теплое местечко, особенно когда на улице дождь». И вот все засели за пример. Решали и те, кто уже пытался решить, и те, кто только собирался попытать счастье, так что когда в город въехал цирк, впечатление было такое, будто вокруг все вымерло.

Только Филипп с Якубом, которые никогда особенно не заботились о выполнении домашних заданий, об этом примере начисто забыли, едва вышли из школы, тут же убежали далеко за город поиграть на зеленом лугу, попрыгать через ручей, вспомнить Белясека. На обратном пути они увидели цирк и в тот же миг стали искать дыру в шатре, через которую можно было бы туда пробраться.

Можете представить себе, как они удивились, когда увидели совершенно пустой шатер. Вокруг ни души, только посреди манежа стоит директор с часами в руках и говорит:

— Положение глупое. Через пять минут начало представления, а в цирке ни одного зрителя. Не станем же мы устраивать спектакль для самих себя.

— Как это «для самих себя»? — удивился Филипп.— Да ведь нас тут двое!

Посмотрел директор — кто это говорит? И увидел двух маленьких мальчиков. Тут он засмеялся, посадил их в пустую ложу, хлопнул в ладоши, заиграла музыка, и начался цирк.

Филипп с Якубом смотрят на клоунов, на слонов, на львов и их укротителя, на белых медведей, как они перекатывают бочки, смотрят на акробатов, как они перелетают с перекладины на перекладину, Филипп хлопает в ладоши, и Якуб хлопает, оба хлопают до упаду и думают про себя: «Чокнутый какой-то наш город: все сидят дома, а тут столько зверей, столько акробатов». И вдруг не успели они подумать, раздвигается занавес, и в манеж выходят директор с великолепным белым конем. Конь поклонился, а директор говорит:

— Уважаемые зрители! Это конь, который умеет считать так, как никто другой. Ничего подобного свет еще не видел. Он обладатель похвальных листов с признанием особых заслуг из Оксфорда и диплома Гарвардского университета, следите, пожалуйста, внимательно за его действиями.— А затем задает коню примеры, и конь решает их так, что любо-дорого смотреть.

— Послушай, не кажется ли тебе, что этого коня мы где-то уже видели? — говорит Якуб Филиппу. Но Филипп вдруг вспоминает совсем о другом. Он хлопает себя по лбу и говорит:

— Дружище, а ведь нам задали на дом пример по арифметике! Я совсем про это забыл! А что, если нам его решит этот конь? Уж больно здорово у него получается!

Филипп поднимает руку, и директор, прервав представление, спрашивает:

— Чем могу служить, мальчик?

— Мы хотели бы знать, может ли ваш конь решить наш пример? — говорит Филипп.

В ответ на это директор только улыбается.

— Само собой разумеется. Пожалуйста, этот конь может решить любой пример на свете. Скажите только, какой надо решить.

Тут Филипп вытаскивает из портфеля тетрадь и зачитывает пример. Конь принимается считать. Считает долго, сразу видно, что пример весьма трудный. В конце концов он поднимает голову и говорит:

— Дорогой Филипп, получается сто двадцать пять тысяч семьсот восемьдесят семь. Запиши, чтобы не забыть.

А Филипп с Якубом смотрят на него, словно они с луны свалились: откуда этот конь знает, как Филиппа зовут? И вдруг Якуб как вскочит, как закричит:

— Да ведь это Белясек!

И в тот же миг оба, Филипп и Якуб, оказываются в манеже. Белясек ржет, как ненормальный, взбрыкивает задними ногами. Ребята прыгают вокруг него, целуют его, а музыканты не знают, что им делать. В конце концов они принимаются играть марш. А что еще прикажете играть в таком случае?

А утром в школе поднялся переполох: пример решили только — кто бы вы думали? — Филипп с Якубом! Директор схватился за голову и закричал:

— Как теперь быть? Эти двое не могут учить арифметике! До чего мы так докатимся?!

А Филипп с Якубом спрашивают:

— В чем дело? Что значит — мы должны учить арифметике? — А все дело в том, что они никак не могут понять, о чем речь, им не было известно о случившемся вчера в городе, а теперь они вдруг слышат, будто им предстоит учить кого-то арифметике. Перепуганные этим, они от страха направились прямо в дирекцию и заявили:

— Простите нас, этот пример мы решили не самостоятельно.

Тут директор быстро соображает: «Ага! Вот оно что! Им кто-то пример решил, я бы и сам мог об этом догадаться». Камень свалился у него с души. И тут он спрашивает:

— И кто же был этот великолепный мастер счета?

А Филипп в ответ:

— Конь!

— Кто? — восклицает директор.

И Филиппу с Якубом приходится повторять рассказ про коня по меньшей мере раз пять. А когда в конце концов все же удается ему втолковать, он падает в глубокий обморок. Чтобы директор хоть чуть-чуть опомнился, каждый ученик приносит по стакану воды и поливает его, как цикламен.

А когда он пришел в себя, то решил:

— Ничего не поделаешь, дал слово — держи. Я — директор школы, как скажу, так и будет. С понедельника этот конь начнет обучать детей арифметике, а пани учительница возьмет уроки ручного труда.

Белясек пришел в школу и начал с того, что сказал:

— Добрый день, дети, я Белясек и с сегодняшнего дня буду обучать вас арифметике.

В ответ дети закричали:

— Урррa!

Дело в том, что они прекрасно знали, кто такой Белясек. А Белясек засмеялся и говорит:

— Ну, тогда садитесь!

Тут Филипп с Якубом сели на него верхом, а за ними уселся весь класс. После того как все за него крепко уцепились, Белясек двинулся за город. Он побежал по дороге, потом пересек луг, потом опять вышел на дорогу. И вот едет он

с детьми по свету, а они считают столбы километровые и телеграфные, деревья, дома, города и все, что только ни встретится им на пути. Вскоре все уже умеют считать так же, как и Белясек, потому что хорошо может считать только тот, кто принимает в расчет весь мир, кто умеет не только складывать, но и отнимать, множить, делить.

Почему теперь в школе больше не таскают за уши

Прежде в школе все было не так, как теперь: того, кто не слушал или не слушался, пан учитель просто брал за ухо и таскал до обеда примерно раз семнадцать, а иногда двадцать шесть, в зависимости от того, что это был за ученик. Кто-то исправлялся раньше, кто-то позже. Но оказывались и такие, которым таскание за уши не шло впрок, которые этим даже злоупотребляли. Вот почему таскание за уши в школе в конце концов было

отменено, а главным поводом для отмены послужил особый случай с ученицей Цецилией из пятого «Б».

Цецилия была совсем маленькая девочка, меньше всех в классе. Она ходила еще с косичками и бантами. Ее посадили на первую парту не только для того, чтобы она не затерялась, а главным образом, чтобы была на виду, потому что она не переставая шалила. Едва Цецилия усаживалась за парту, как тут же начинала вертеться во все стороны, бросала бумажки и даже записки, шепталась то с одним, то с другим, во время урока жевала рогалики, рисовала на промокашках, сидела, подперев голову ладонью, а когда пан учитель писал на доске арифметические примеры, смешила весь класс: шевелила ушами, как лошадь, морщила нос, словно кролик, пускала бумажных ласточек, короче говоря — ужас что творила!

И плюс ко всему плохо училась. Едва переступив порог дома, швыряла портфель под стол и летела куда-нибудь с мальчишками, потому что больше всего на свете любила летать. Она говорила, что когда-нибудь станет летчиком, будет заниматься высшим пилотажем, путешествовать по свету на чем только можно, в том числе на пароходе, и что она станет знаменитее Брижит Бардо. Такие нелепости и прочее в том же роде высказывала постоянно. Дети смеялись над нею и говорили:

— Бедняжка, что ты о себе воображаешь? — потому что по всем предметам у нее были сплошь единицы. Кроме географии. География — единственное, что ее интересовало. Она знала, где находится Африка и какие там города. Но если ее вызывал учитель по истории и спрашивал, когда правил Карл IV, она непрерывно повторяла:

— Карл IV правил... Карл IV правил...

И больше слова вымолвить не могла.

Некоторые ребята пытались подсказывать ей, но Цецилия была маленькая, ушки — всего ничего, слышала она плохо и при этом, нисколько не смущаясь, поворачивалась к классу и просила:

— Подсказывайте погромче, я не слышу, что вы шепчете.

Однажды пан учитель очень рассердился и закричал:

— Это уже переходит все границы! Где это видно, чтобы школьница так себя вела?

Он схватил ее за ухо и стал за него таскать. Таскал до тех пор, пока оно не стало совершенно красным. Потом велел Цецилии сесть на место и поставил ей единицу.

Но такое происходило не только на истории. На пении было ничуть не лучше. Цецилия пела так, что пани учительница вынуждена была закрывать окна. Однажды от ее пения внизу на улице испугалась лошадь. Несмотря на то что класс находился на четвертом этаже, слышать эти звуки все равно было страшно. Цецилия фальшивила так, что никто не понимал, какую песню она, собственно говоря, поет. Когда, например, она пела песню «Я полечу с вами, ласточки», похоже было, будто она поет «Я очень люблю слонов». Пани учительница говорила:

— Ну разве это пение? Это карканье, а не пение!

Она хватала Цецилию за ухо и принималась таскать. Таскала долго, чтобы Цецилия хорошенько запомнила. Но старания ее были напрасны, ибо в следующий раз Цецилия пела намного хуже, поэтому неудивительно, что по пению у Цецилии стояла жирная единица.

Кое-кто думал, будто неудача с пением Цецилию огорчит и уж к физкультуре-то она отнесется прилежнее. Куда там! На физкультуре она все делала не так. Когда весь класс поворачивался налево, Цецилия единственная поворачивалась направо. Сильно рассердившись, пан учитель крикнул:

— Цецилия, в чем дело? Ты что, не знаешь, где у тебя левая рука, а где правая? Покажи, где у тебя левая рука!

Цецилия подняла правую руку и сказала:

— Пожалуйста, вот!

Тут пан учитель схватил ее за ухо и стал таскать. Он таскал ее и при этом приговаривал:

— Я тебя научу! Будешь у меня знать, где левая рука!

В конце концов он поставил ей огромную единицу.

Когда постоянно таскают за уши, они со временем вытягиваются, становясь с каждым разом все больше и больше. Однажды утром в ванной, глянув на себя в зеркало, Цецилия подумала: «Нельзя мне больше носить косички, не годится. Из-за косичек очень уж заметны мои большие уши. Придется изменить прическу». И расчесалась так, чтобы прямые волосы спускались на плечи. Однако новая прическа помогла

ненадолго: Цецилию продолжали таскать за уши, и они стали торчать из волос, как две большие хлопушки-мухобойки. Выглядело это довольно смешно, ребята покатывались со смеху, показывали на Цецилию пальцами и говорили между собой:

— Ну и ушищи у нее, прямо хлопушки-мухобойки! Такие хоть на выставку, первая премия обеспечена. Сразу прославится.

Но это было еще не все. Обладать ушами-хлопушками — такое еще можно вынести. Хуже стало, когда уши у Цецилии достигли размеров классного журнала. На нее стали оглядываться, пытались фотографировать, спрашивали:

— Что случилось? Откуда у нее такие огромные уши?

Все это было весьма неприятно. Цецилия была огорчена, но не слишком. Дело в том, что в школе у нее появились определенные преимущества: такие уши очень хорошо слышали, такими ушами удавалось услышать шепот даже с последней парты. И когда на истории кто-нибудь Цецилии подсказывал, она все отлично слышала, отвечала уверенно и без ошибок — когда правил Карл IV и что он сделал для своего королевства, гладко рассказывала о Голодной стене, о Карловом мосте и даже об университете. А пан учитель кивал головой и приговаривал:

— Правильно, Цецилия, верно, сегодня у тебя рассказ получается, сегодня ты выучила на пятерку, продолжай, продолжай, история — дело серьезное.

Слыша это, дети уже и не помышляли о том, чтобы высмеивать Цецилию за ее уши размером в два классных журнала, они про себя думали: «Смотрите-ка, оказывается, совсем неплохо иметь такие уши, в этом есть свои выгоды». А проходя мимо Цецилии, хлопали ее по плечу и говорили:

— Ну и повезло же тебе!

И действительно, все теперь у Цецилии пошло совсем иначе. Учительница по пению была ею весьма довольна. Она больше не закрывала окна, когда Цецилия принималась петь, наоборот, слушала ее с удовольствием. А когда Цецилия заканчивала, говорила ей:

— Послушай, Цецилия, у тебя великолепный слух, поешь ты поистине прекрасно, из тебя и в самом деле может что-нибудь выйти, цени это. Пение — это великолепно, пение

понимает каждый, при помощи пения можно найти общий язык где угодно и с кем угодно.

А придя в учительскую, где все пани учительницы и паны учителя пили кофе и курили сигареты, пани учительница сказала:

— С этой Цецилией из пятого «Б» произошло чудо, иначе не объяснишь. С той поры как уши у нее стали размером в два классных журнала, она поет прекрасно, такого пения я в жизни не слышала!

И все пани учительницы и паны учителя восклицали:

— Вот видите, это лучшее доказательство того, как важно таскать детей за уши! Мы обязаны таскать по-прежнему, особенно Цецилию, возможно, тогда из нее выйдет лучшая в классе ученица!

И в самом деле, все шло по-прежнему. Они таскали Цецилию за уши еще больше, чем прежде, пока уши у нее не стали размером каждое с садовую калитку. Так что во время физкультуры она не могла стоять с ребятами в одном ряду, ей приходилось отходить чуть в сторону да еще крепко прижимать уши к телу. На счастье, Цецилия давно уже умела шевелить ушами, и в этом было еще одно преимущество: когда на физкультуре требовалось взять высоту, ей достаточно было слегка махнуть ушами, и она спокойно брала метр девяносто. А ребята смотрели на нее, ошарашенные, и думали про себя: «Наша Цецилия в конце концов побьет мировой рекорд». А пан преподаватель физкультуры сказал в учительской:

— Вы знаете, эта Цецилия из пятого «Б» прыгает выше, чем мальчишки из 12 класса! Она выдающийся спортивный талант и надежда нашего спорта!

И тут все учителя и учительницы воскликнули:

— Не ослаблять усилий! Продолжать таскать! Как знать, может, однажды она прославит нашу школу!

Но кто же в состоянии один таскать за уши размером с садовую калитку? Не так-то оно просто, тут в одиночку не справиться. Поэтому когда какой-нибудь пани учительнице нужно было оттаскать Цецилию за уши, она звала на помощь пана школьного сторожа, и они таскали вдвоем. Стоять Цецилии было неудобно, ей приходилось держаться за парту. А когда однажды пан сторож с пани учительницей потянули

чересчур сильно — вытащили ее из-за парты, она упала, ободрала себе колено, поднялась и сказала:

— Я больше не дам так мучить себя, никакого таскания за уши больше не будет, и баста!

Однако пани учительница принялась ее разубеждать, пыталась говорить с нею по-хорошему, гладила Цецилию по ушам и говорила:

— Наберись терпения, дорогая Цецилия, ты должна прославить нашу школу и себя...— ну и всякое такое в том же духе,— потерпи еще немножко.

Но Цецилия сказала:

— Нет и нет!

Когда же пан школьный сторож хотел схватить ее и придержать, Цецилия замахала ушами, как во время прыжка в высоту, поднялась к потолку, уселась на светильник и стала смотреть вниз в ожидании, что же будет дальше.

А дальше события развивались так. Прибежал пан директор и воскликнул:

— Цецилия, немедленно слезай! Как ты себя ведешь? Школьникам не разрешается сидеть на светильнике! Где такое видано?

Но Цецилия, ни слова не говоря, продолжала сидеть и смотреть. Весь пятый «Б» замер за партами затаив дыхание, все ребята поглядывали то на пана директора, то на Цецилию, болели за нее, в душе желая, чтобы все обошлось благополучно. Пан директор пошептал что-то пану сторожу, пошептал тихо-тихо, чтобы никто не слышал. Но Цецилия сказала сверху:

— Напрасно стараетесь, я все равно все слышу. Пан директор говорит пану сторожу, чтобы он принес швабру и смел меня ею вниз.

Цецилия говорила правду. Пан сторож побежал за шваброй. Но Цецилия в это время покинула светильник, замахала ушами, опустилась ниже, пролетела мимо пана директора и через окно вылетела из класса. Все бросились к окнам и стали смотреть ей вслед — куда же она полетит? А Цецилия с четвертого этажа слетела вниз, в школьный сад, села на дерево и стала рвать яблоки с самых верхних веток.

— За ней! — воскликнул пан директор и выбежал в коридор.

Повсюду открывались двери, и все пани учительницы, и все паны учителя, и все ребята бежали вниз в школьный сад, прямо к дереву, на котором сидела Цецилия и ела яблоки.

— Цецилия, перестань есть школьные яблоки и немедленно слезай! — кричали ей все учителя.— Если ты сейчас же не слезешь, мы заберемся к тебе на дерево, тогда ты увидишь, что мы с тобой сделаем.

Но Цецилия им ничего не ответила и продолжала есть яблоки. Тогда преподаватель физкультуры полез на дерево. Он очень старался, у него все получалось великолепно, вскоре он уже был наверху, меж ветвей, почти рядом с Цецилией, и запросто, по-приятельски сказал ей:

— Слезай вниз, Цецилька! Не бойся, ничего тебе не будет, никто больше тебя за уши таскать не станет, факт!

Но Цецилия на это ничего не сказала, а когда преподаватель протянул к ней руку, замахала ушами, взлетела, закружилась над школьным садом, бросила вниз огрызок яблока, который упал пану сторожу на кепку, крикнула:

— Извините, пан сторож, я не нарочно!

И улетела в город.

На улице поднялась изрядная суматоха. Цецилия неожиданно появилась над перекрестком. От испуга регулировщик перестал регулировать движение. Несколько трамваев и автомобилей тут же столкнулись, все водители и прохожие стали смотреть вверх. А Цецилия время от времени спускалась вниз, пролетала через кондитерскую и, лизнув мороженое, вновь взмывала и на высоте шестого этажа заглядывала в окна. Полетав часов этак около двух и почувствовав, что немного заболели уши, она взлетела еще выше, уселась на башню костела и сказала сама себе: «Ну вот, а теперь я хорошенько отдохну».

И вот отдыхает она и смотрит вниз. Вокруг башни бурлит город.

Внизу собрались шестьдесят мам с детскими колясками, два пекаря, один парикмахер, четыре мясника, один парковый сторож, четыреста сорок мальчиков и двести двадцать девочек, три продавца из книжных магазинов, одиннадцать официантов, шесть портных, тридцать девять милиционеров и девяносто семь солдат. И все показывали вверх на Це-

цилию. Вдруг подъезжает красный автомобиль, из него выходят двенадцать пожарных. Цецилия подумала: «Фу, какая глупость! Опять кто-то хочет снять меня и спустить вниз. Снова придется летать».

Представьте себе, однако, пожарная лестница оказалась короткой. Ее хватило примерно до половины башни, а на конце лестницы стоял пан сторож и без толку размахивал шваброй. Цецилия с облегчением вздохнула и помахала ему рукой.

Однако в покое ее оставили ненадолго. В небе неожиданно появился самолет и направился прямо к башне. В самолете сидел пилот, а у него за спиной примостился пан школьный сторож в больших очках и со шваброй в руках.

Цецилия сказала про себя: «Опять эта швабра! Когда они наконец угомонятся?» Она замахала ушами и полетела прочь от башни. Но улететь от самолета было не так просто: пилот стал гоняться за нею по всему небу, делал всякие там штопоры, мертвые петли — и все только для того, чтобы поймать Цецилию. Кстати, пилот был очень хороший, и хотя он и летал даже вниз головой — до тех пор пока пан школьный сторож не стал зеленым, как молодой горошек,— однако Цецилию поймать ему было совсем не просто. Она делала в воздухе головокружительные пируэты, словно это было фигурное катание на коньках, так что у людей дух захватывало. А один пан, тот, что был председателем общества высшего пилотажа, зааплодировал и крикнул:

— Награждаю Цецилию из пятого «Б» первым призом за пилотаж в категории безмоторных летающих аппаратов. Как только она приземлится, ей тут же будут вручены два кубка, три медали и один диплом. Ничего подобного я до сих пор никогда не видел!

Ребята все, как один, раскрыли рты и сказали:

— Оооооо! Цецилия получила первый приз за пилотаж! Вот это да!

И каждому из них захотелось иметь такие же большие уши, как у Цецилии. В школе все стали сильно озорничать и очень-очень просить, чтобы пани учительница или пан учитель безжалостно таскали их за уши. Но те сказали:

— Что вы! Ни в коем случае! Мы знаем, чего вы добиваетесь! Не такие уж мы глупые. За уши мы станем таскать

только тех, у кого будет отличная успеваемость и примерное поведение.

И все дети стали сидеть тихо как мышки, и все старались учиться как можно лучше. А когда их вызывали, они отвечали правильно, законченными предложениями и только на отлично.

А пани учительница или пан учитель говорили:

— Это хорошо, это нам нравится!

И таскали за уши.

А дети были невероятно счастливы и шептали:

— Пожалуйста, тяните посильней!

А про себя подсчитывали: «Еще шестьсот пятьдесят раз оттаскают, и уши у нас будут, как у Цецилии. И мы полетим куда захотим! Вот будет здорово!»

Но Цецилия обо всем этом не имела ни малейшего понятия. Она сидела на башне — самолет давно уже улетел, улетел ни с чем. Цецилия насобирала хлопьев ваты, перышек, подобрала чьи-то старые шерстяные перчатки, нашла какую-то шаль и всякую всячину в том же роде. Из всего этого сделала гнездо, подобное тем, что во множестве оказались на башне. А когда гнездо было готово, забралась в него и стала смотреть на ласточек, которые все время куда-то спешили. Ласточки слетали вниз, садились на провода и вновь возвращались в гнезда, словно что-то там позабыли. А Цецилия думала про себя: «Ага, они готовятся лететь в теплые края». И просто так, опять же для себя, стала напевать «Полечу я с вами, ласточки», песенку, которую она знала еще со школы. Представьте себе, когда она уже заканчивала петь, одна ласточка и говорит:

— А почему бы тебе в самом деле не полететь? Если хочешь, запросто можешь лететь с нами, мы не против.

От удивления Цецилия чуть не свалилась с башни. А затем подумала, что ничего удивительного в этом нет, подумала, что пение понимают все, что при помощи пения она найдет общий язык с кем угодно на свете, и спросила:

— Когда надо лететь?

На что ласточки ответили:

— Ну, минут примерно через десять.

Собраться в такую дорогу за несколько минут совсем не пустяк. Африка — это не Колин или там Чешская Тршебова.

Пришлось Цецилии быстро залететь в магазин и хотя бы плавленого сыру взять — он вкусный и полезный для здоровья. И еще две булочки к нему. Она едва-едва успела к отлету.

Летели высоко, Цецилия все время была последней, и ласточки кричали ей:

— Быстрей маши крыльями.

Цецилия отвечала им:

— Это не крылья, это уши!

А ласточки кричали:

— О, пардон, мы не хотели тебя обидеть. Если это уши, тогда надо отдать должное — для ушей это отличная скорость.

И ласточки старались лететь медленнее, чтобы Цецилия успевала за ними. Внизу расстилалось бескрайнее море, одно только море, и больше ничего. Но наконец показалась все же земля. Куда ни глянь — сплошь песок. Ласточки радостно закричали:

— Наконец-то мы прилетели! Наконец-то мы в Африке!

И все, как одна, спустились на землю.

Цецилия тоже приземлилась, огляделась вокруг, увидала пальмы, зебр, носорогов, жирафов и множество слонов, которые смотрели на уши Цецилии и хмурились. Они решили, что Цецилия насмехается над ними. Но Цецилия над ними не насмехалась. Слоны понравились ей больше всех остальных, уши у слонов были как у нее. Про себя она подумала: «Вот это подходящая компания для меня» и запела песенку, которую знала еще со школы. Песенка называлась «Я очень люблю слонов».

А слоны слушали и кивали головами. Когда же Цецилия кончила петь, самый большой из них сказал:

— Очень хорошо, что ты любишь слонов, мы приветствуем тебя среди нас.

Сказал он это вполне искренне и сердечно, а остальные слоны подняли хоботы и затрубили.

Но Цецилия зажала свои огромные уши и говорит:

— Фу, кто-то из вас фальшивит, а я этого не выношу. Такие фальшивые звуки режут мне слух!

Слоны извинились и сказали:

— Попробуем еще раз.

И в самом деле стали пробовать. Пробовали они долго-долго, пока не затрубили, словно слаженный оркестр: на два голоса, на три, на четыре и даже на пять голосов. Звучало это необычайно красиво. А поскольку слоны очень старательные, то репетировали они с утра до вечера.

И вот однажды, когда они так репетировали, в небе появились какие-то точки. Точки все увеличивались, и Цецилия сказала слонам:

— Ни за что не угадаете, кто это? Это девчонки и мальчишки из пятого «Б», я их издали узнаю.

И была права. Это оказались лучшие по успеваемости и лучшие по поведению ребята из пятого «Б». Это были те самые ребята, которых чаще всего таскали за уши. Их было восемьдесят семь. Все они, махая ушами, опустились среди пальм и бросились прямо к Цецилии с криком:

— Смотри, Цецилия, у нас уши, как у тебя. У нас теперь тоже уши-крылья, мы летели через море, вот где красотища!

Цецилия поздоровалась с ними, познакомила их со слонами, поставила в три ряда, и получился хор. Она напечатала много-много афиш, на которых значилось: «Сегодня вечером поет ХУД — Хор Ушастых Детей. Руководитель — Цецилия. Пение сопровождает оркестр слонов».

А затем хор отправился гастролировать по свету. Чтобы не слишком утомлять уши продолжительным полетом, они целых две недели плыли на пароходе по морю. На пятнадцатый день хор дал концерт. Все билеты на него были проданы. Аплодисментам не было конца. Цецилии, ребятам и слонам пришось два с половиной часа раскланиваться. Зрители кричали:

— Браво! Отлично! Бис!

Одни, одеваясь в гардеробе, говорили:

— В это даже не верится! Какой совершенный слух у этих детей! А как чисто трубят слоны, правда?

А другие им отвечали:

— Еще бы! С такими ушами можно и петь, и трубить!

Утром Цецилия купила газеты. В каждой из них на первой странице была напечатана статья под крупным заголовком: «Хор Ушастых Детей удивил мир». Статья состояла из сплошных похвал и восторгов. Писалось о том, как сказочно хороша Цецилия, и еще невесть что в том же духе, какие

замечательные ребята, какие великолепные слоны в оркестре. Писали также, что впереди у них турне по Австралии, Азии, Америке и поездка на Северный полюс. Дочитав статью, Цецилия обратила внимание на крохотную информацию в самом низу страницы о том, что поскольку были зафиксированы случаи, когда дети с огромными ушами улетают из школ и больше не возвращаются, с сего дня во всех школах прекращается таскание за уши.

Вот так с той поры в школе детей за уши больше не таскают, независимо от того, шалят они или нет.

Каракатица

Когда каракатица была еще маленькой девочкой и ходила в школу, у нее случились серьезные неприятности с чернилами. Было это давно, до авторучек, писали тогда вставочками с простыми перьями, и, что самое интересное, вставочки бывали синими, желтыми или розовыми, а то и зелеными, чернила находились в чернильницах, куда их наливали из большой бутылки, что и послужило причиной всех бед, как это выяснится позже.

Маленькая каракатица всегда приносила с собой в школу бутерброд с колбасой и бутылку молока. Была она не слишком внимательна и однажды в большую перемену вместо бутылки молока выпила бутылку чернил. Это было ужасно, и прежде всего потому, что чернила были школьные.

Отец каракатицы пришел в ярость — ведь ему предложили купить новую бутылку чернил, но он заявил, что об этом и думать нечего.

— Семья у нас бережливая, сама кашу заварила, сама и расхлебывай! — сказал он маленькой каракатице.

Ученики же после этого вместо чернильницы стали макать перья прямо каракатице в желудок, а это, как вы, наверное, понимаете, удовольствие маленькое. С той поры детство у малышки превратилось в пытку. Она убегала из дому, но всякий раз школьный сторож возвращал ее обратно. Оно и понятно — школьные чернила есть школьные чернила.

Однажды класс поехал на экскурсию к морю. Впечатление от моря прекрасное, каракатица в восторге, ничего более сказочного она не видела. Учительница, однако, сказала:

— Ну, вот, а теперь опишите мне, как солнце всходит над морем. Постарайтесь создать соответствующее настроение. Начните с легкого утреннего ветерка и первых лучей, которые появляются на горизонте, ну, и так далее и тому подобное.

Ученики бросились к каракатице за чернилами. Каракатица, однако, уже по горло была сыта тыканьем перьев в желудок. Ну сами посудите — даже здесь и то не дают покоя! И едва ученики бросились к каракатице, она тут же бросилась к морю. Весь класс, естественно, за ней — задание есть задание! Класс во главе с учительницей бросается за каракатицей в море, все ищут ее на песчаном дне, но безуспешно — найти не могут. В воде они видят лишь черные клубы — черные облака чернил, в которых каракатица скрывается навсегда. Класс возвратился на берег ни с чем, а каракатица ликовала:

— Наконец-то наступил покой, наконец-то я нашла настоящий рай, где могу жить счастливо, тра-ляля, тра-ляля...

Фламинго

Антилопа целый день бегает повсюду, белка прыгает с дерева на дерево, один только фламинго стоит в воде не шевелясь. Он стоит в воде на одной ноге, как будто вторая нога ему вовсе не нужна. А вторая нога в это время думает про себя: «Интересно знать, зачем я живу на свете? Неужели я не имею права хоть немного подвигаться? Я ведь все же нога!»

Когда фламинго уснул, нога взяла и отправилась гулять по свету. Пошла куда нога несет. Случилось с нею множество приключений. Сперва она служила колом в заборе, потом

метром в магазине тканей, затем перекладиной в спортзале и наконец телевизионной антенной, которая чего только не видит. В том числе и то, как стоит фламинго на одной ноге. И тогда нога подумала про себя: «Бедняга фламинго, надо бы послать ему открытку, чтобы он не беспокоился обо мне». Но опасения ее были совершенно напрасны: фламинго ни о чем не беспокоился. Какое там может быть беспокойство, если он даже не заметил, что у него второй ноги не хватает!

О распустившемся Арноштике и обыкновенной воде

Распущенных, избалованных мальчишек во все времена было более чем достаточно, но, сколько свет стоит, настолько распустившегося, как Арноштик, еще не встречалось. Арноштик был такой распущенный, что под конец распустился совсем. Сейчас я вам расскажу, как это произошло.

На первый взгляд он казался очень милым мальчиком: светловолосый, голубоглазый, в полосатой трикотажной рубашке, синих штанах и белых кедах. Однажды, когда сол-

нышко жарило изо всех сил, градусов этак на тридцать пять, если не больше, он сидел в качалке в саду и кричал:

— Ну что за безобразие! Почему меня никто не качает? Вы же знаете, что сам я качаться не умею! Ну? Будут, наконец, меня качать?

Однако никто на Арноштика внимания не обращал. У каждого были свои дела: отец находился на работе, мама бегала по овощным магазинам в поисках редиски и малинового сока, а у маленькой Иванки своих забот хватало, потому что на дом ей задали нарисовать акварельными красками три большие ягоды малины. А кроме того, она должна была сбрызнуть белье, полить тюльпаны, пионы и гвоздику, чтобы в такой жаре они не завяли. Нужно было еще сходить в булочную и за молоком. Поэтому не удивительно, что голова у нее шла кругом.

— Ну, так что, будут меня качать или нет? — кричал Арноштик.— Сколько раз я должен повторять? Десять, да?

Никто, однако, на его крик не отзывался, и тогда он слез с качалки и направился в дом, а про себя думал: «В саду все равно скучно и жарко, пить хочу страшно, надо выпить соку». Стал он искать сок хоть какой-нибудь.

— Налей мне соку сейчас же! — сказал он Иванке, которая в это время рисовала акварельными красками большие красные ягоды малины.— Сейчас же! А то оболью тебе рисунок!

— Только попробуй! — сказала Иванка и продолжала рисовать, даже не взглянув на Арноштика.— Соку тебе не дам, потому что никакого сока нет. Напейся воды. Вода очень даже хорошая.

— Ну да, стану я тебе пить обыкновенную воду! Не хочу воды! Вода невкусная! Она только и годится для твоих красок. А не дашь соку, я сосчитаю до трех и залью тебе рисунок! Вот увидишь!

— Арноштик, не дури,— сказала Иванка,— соку в доме нет. Мама скоро придет и принесет сок. А это домашнее задание, я не могу рисовать его заново, потому что у меня и без того полно дел.

— А мне все равно,— сказал Арноштик.— Раз, два, три!..

И залил Иванке рисунок, да так, что из прекрасных больших ягод малины вмиг получился малиновый сок.

— Ну, погоди, ты у меня это выпьешь! — пригрозила Иванка, но Арноштик только засмеялся и сказал:

— Если бы это был настоящий малиновый сок, я бы выпил, а это всего-навсего обычная глупая вода, которая никому не нужна!

— Что? — удивилась Иванка.— Вода никому не нужна? Если бы ты узнал, кто только в ней ни нуждается, то очень бы удивился. Но ты глупый, распущенный мальчишка, ты ничего не понимаешь и не умеешь себя вести.

— Ладно, ладно,— сказал Арноштик,— пей свою воду и отправляйся рисовать, я поищу себе чего-нибудь получше.

Он вытащил из копилки деньги, которые копил на самокат, и направился из дому. Но перед там как закрыть дверь, сказал Иванке:

— Чтобы ты знала — я иду покупать мороженое, потому что мне жарко. А воду пить не хочу!

И он в самом деле купил себе самое замороженное мороженое, какое только смог найти, отдал за него все деньги, какие были, так что мороженого получился полный бак, в котором кипятят белье.

— Ты когда-нибудь видела столько мороженого сразу, а? — сказал Арноштик Иванке, вернувшись с баком домой.— А холодное! Лизнешь — и языка совсем не чувствуешь.

— Дай-ка я попробую! — сказала Иванка и хотела лизнуть, но Арноштик сказал:

— Ка-а-а-ак бы не так! Это мое мороженое! А себе купи сама!

— Ну, хорошо,— сказала Иванка,— ешь, только не все сразу, а то превратишься в сосульку. Сам говоришь, что оно очень холодное.

Но Арноштик подумал: «Так я тебя и послушал!» — сел в качалку и принялся быстро-быстро есть мороженое. И перестал лишь после того, как уже не чувствовал ни языка, ни губ, ни горла, ни головы, ни живота, ни рук. Короче говоря, он ел мороженое так быстро и до тех пор, пока не замерз совершенно. А замерз он так крепко, что превратился в большой кусок белого льда. Иванка пришла в сад и остолбенела. Но тут же быстро схватила Арноштика и осторожно понесла в кухню, стараясь не отбить у него уши. Рукам было

холодно, и не удивительно,— попробуйте сами нести такой большой кусок льда! Не так-то это просто!

Когда наконец Арноштик оказался в кухне, Иванка принесла из сада опорожненный бак, опустила в него Арноштика, бак поставила на газовую плиту, зажгла газ и ушла в комнату заново рисовать ягоды малины. «Пока рисую, Арноштик отогреется, а когда отогреется, погасит газ и явится ко мне»,— подумала Иванка. Ждет-пождет, а Арноштик все не идет и не идет. Когда же Иванка пришла в кухню, бак оказался полон воды, а Арноштика нигде не было.

«Как же это я не сообразила,— подумала Иванка,— что от тепла лед превращается в воду. Что же теперь делать? Надо присматривать за баком, чтобы Арноштика случайно никто не вылил». И она написала красным карандашом на большом листе бумаги: «Внимание — это Арноштик!» Бумагу прикрепила к баку и пошла за хлебом и за молоком, потому что времени до закрытия оставалось мало.

— Что за бессмыслица? — удивилась мама, когда вернулась домой с редиской и малиновым соком.— Что значит: «Это Арноштик!»? Арноштик мальчик, а не стиральный бак. Что это Иванке взбрело в голову?

Она налила воды из бака в лейку и отправилась брызгать белье, поливать цветы, так как Иванка этого сделать не успела. Таким образом, Арноштик понемножку оказался и в лейке, и на белых скатертях, в траве и в тюльпанах, пионах и гвоздиках. Цветы пили его, трава его пила. Арноштику хотелось крикнуть: «Как вы смеете меня пить!» Но кричать он не мог, потому что рот его был из воды, горло тоже из воды. Однако вскоре он привык к этому и чувствовал себя прекрасно. Чуть возвышаясь в стеблях над землей, он видел маленькие корешки, тонкие, словно волосинки, которые сильно страдали от жажды и потому пили его с большим удовольствием и необыкновенно нежно ему улыбались. По этим корешкам он затем выбрался наверх, на красные лепестки тюльпана. Лепестки говорили Арноштику:

— Держись, капелька, держись, не падай на землю и оставайся с нами. Смотри, какой у нас сейчас свежий цвет.

Но Арноштик недолго оставался на лепестке. Ни с того ни с сего он вдруг испарился с красных лепестков, поднялся прямо к синему небу и полетел. Летел высоко-высоко, потом

присел на маленькое облачко и стал вместе с ним путешествовать по свету. «Действительно, до чего же это интересно,— думал Арноштик,— мне и в голову не приходило, что может испытать человек, превратившись в обыкновенную воду. Я-то думал, что вода никакая и никому не нужна».

А тем временем Иванка вернулась с покупками и как вкопанная остановилась, увидев, что стиральный бак почти пуст.

— Куда ты вылила Арноштика? — крикнула она маме и побежала к ней в сад. Когда она рассказала, что произошло, мама заплакала. Плакала горько, потому что все мамы любят своих мальчиков, даже если они такие, каким был Арноштик.

— Не плачь, мама,— сказала Иванка,— в баке еще осталось немного Арноштика, почти стакан наберется, но этого нам хватит. У меня есть идея. Вот увидишь, мы спасем его.

И пошла в комнату, где лежала бумага, кисточка и акварельные краски. Она набрала в стакан воды из бака и стала рисовать. Нарисовала светлые волосы, голубые глаза и широкий рот. А потом полосатую трикотажную рубашку, синие штаны и белые кеды. Получился Арноштик. А когда он высох, Иванка взяла ножницы, сделала «чик-чик», и Арноштик оказался в комнате, как с картинки сошел.

То-то было радости! Мама его поцеловала, Иванка тоже. И стал Арноштик рассказывать им про то, каково быть водой, кто в ней нуждается, как ее любят цветы, и как впитывает ее сухое белье, и как вода путешествует в облачках, словно в самолете. А когда он все рассказал, его одолела жажда, и он произнес:

— Ну вот, а теперь я хочу убедиться, в самом ли деле у нас хорошая вода.

Он налил себе полный стакан. И знаете что? Вода ему понравилась! Потом он полил все цветы и на каждом лепестке оставлял по маленькой капельке. А когда Арноштик присмотрелся к капелькам, то увидел в них самого себя. Он улыбнулся самому себе и сам себе помахал рукой.

Мамонт и искусственное дыхание

Кому-то нравится учиться, кому-то не нравится, всяко бывает. Но вот жил-был один мальчик, звали его Микулаш, он так не любил учиться, что это уже было действительно серьезно. Микулаш носил очки, красный свитер, а приятелем его был Леопольд, которому он иногда говорил:

— Знаешь, Леопольд, кроликам или кошкам живется во сто раз лучше, чем нам,— им не нужно учить ни арифметику, ни грамматику, ни географию. Вот это жизнь! Скажи, так ведь?

В ответ на это Леопольд отвечал только: «Гммм», потому что был с ним не совсем согласен. Он в общем-то любил книжки, многое узнавал из них, ну, например, о бое быков, а также о многом другом и вовсе не хотел быть кроликом.

А Микулаш гнул свое:

— Знаешь, Леопольд, но ведь кроликам в самом деле живется лучше — утром вставать не надо, спи себе хоть до одиннадцати. Днем не нужно выполнять никаких заданий, во здорово! Ну, скажи, правда ведь здорово?

Но Леопольду такие разговоры были неинтересны, и как-то он сказал:

— Послушай! Вот ты все время носишь красный свитер, а знаешь ли ты, что такой вещью делают в Испании?

В ответ Микулаш только засмеялся.

— Зачем, скажи мне, пожалуйста, это знать? Мне совершенно все равно! Какой-нибудь там кролик или даже крокодил не знает, что какая-то там Испания вообще существует.

А Леопольд ему на это:

— Вот ты, умница, постоянно носишь очки, а знаешь ли ты, как устроен глаз? Что находится у тебя в голове, а что в животе? Где у тебя печень, а где слепая кишка?

Но Микулаш раскричался:

— Отстань ты от меня! Какой-нибудь там кролик или кит понятия не имеют, что у них есть какая-то печень, а ведь живут!

А Леопольд, сытый всем этим по горло, спросил Микулаша между прочим:

— Скажи, пожалуйста, что бы ты стал делать, если бы был этим дурацким кроликом?

Тут Микулаш весь просиял и говорит:

— Дружище! Я бы ничего не делал, в том-то и штука! Знаешь ли ты, что такое полежать в саду, просто так пойти в парк или сбегать на речку и выкупаться?

Но Леопольд, трижды постучав пальцем по лбу, сказал:

— Да ведь кролик твой не умеет плавать, ты бы просто утонул!

И ушел. А Микулаш стоял и смотрел ему вслед раскрыв рот. Однако на следующий день во время перемены Микулаш сказал Леопольду:

— Ну так вот знай, существует искусственное дыхание, и с его помощью можно спасти кого угодно. Главное — набраться терпения и делать его хоть два часа. Это мне папа сказал. Так что если даже кролик бог весть сколько времени уже неживой, это еще не значит, что ему конец.

А Леопольд сказал:

— Я рад, что ты хоть о чем-то знаешь, и рад, между прочим, что хотя бы однажды ты чем-то поинтересовался.

По правде говоря, Леопольд тоже не очень-то любил учиться, но в школу ходил в общем-то с удовольствием. А почему бы и не ходить в школу с удовольствием? Ведь в школе много интересного. Скажем, школьные кабинеты, где есть всякие приборы и разные животные. Например, очковые змеи или дикобразы, в некоторых встречаются и более ценные экземпляры, скажем, верблюд двугорбый. Но все это пустяки по сравнению с тем, что было в школе Леопольда и Микулаша. Там в кабинете имели мамонта, а такое не каждый день встретишь.

Это был поистине великолепный экземпляр. Им все очень гордились, а когда дети изучали древность и проходили мамонта, товарищ учитель говорил:

— А теперь встаньте парами, и мы отправимся смотреть, как мамонт выглядел в натуре.

Дети выстраивались парами, и товарищ учитель произносил:

— В коридорах не шумите, всюду идут уроки. Шагом... марш!..

Вот все уже вышли в коридор, товарищ учитель идет на цыпочках, приложив палец к губам, а на третьем этаже командует:

— Стой!

Открывает дверь, дети входят в кабинет и видят мамонта. Он оброс длинными космами шерсти, потому что в то время, когда он жил, ножниц еще не было. У него огромные клыки, открытые глаза его смотрят на ребят, и дети его боятся, никто не решается подойти к нему близко.

А одна девочка, Иренка, со страху даже заплакала и сказала:

— Он укусит меня!

Но товарищ учитель сказал:

— Не бойтесь, дети, мамонт вас укусить не может, потому что он уже давным-давно неживой.

А один мальчик по имени Кветослав поднял руку и говорит:

— Извините, товарищ учитель, я его не боюсь, потому что он неживой.— И дотронулся до хобота.

А все девочки тихо произнесли шепотом:

— Ооооо! Он дотронулся до хобота!

Но тут Микулаш с Леопольдом переглянулись, и Микулаш сказал:

— Подумаешь, дотронулся до хобота! Это каждый дурак сумеет. С мамонтом можно проделать и еще кое-что.

Леопольд спросил:

— А что?

И Микулаш прошептал:

— Если сделать ему искусственное дыхание, он оживет. А так с ним неинтересно.

Но Леопольд в ответ только покачал головой:

— Что ты, приятель, из этого, пожалуй, ничего не выйдет, он все-таки неживой уже очень давно.

Но Микулаш засмеялся в ответ:

— Ха, ха! Сразу видно, что не слишком-то много ты знаешь об искусственном дыхании. Самое главное — делать его непрерывно, иногда это затягивается очень надолго. Но дело стоящее.

И тогда Леопольд сказал:

— Если ты так считаешь, давай попробуем. Я — за.

И они в самом деле попробовали. Утром встали пораньше, пришли в школу самыми первыми, направились прямо в кабинет и стали делать мамонту искусственное дыхание. Делать его было совсем нелегко, процедура затянулась, давно уже прозвенел звонок на урок, и тогда Леопольд сказал:

— Я думаю, это занятие надо прекратить. Мы опаздываем на урок, а у нас сейчас пение.

Но Микулаш сказал:

— Так-то оно так, но я даже и не подумаю бросить. Теперь главное не останавливаться и довести дело до конца.

И они задержались и продолжали делать искусственное дыхание. Вдруг, можете себе представить, мамонт глубоко

вздохнул, потом выдохнул, затем стал дышать совершенно нормально, заморгал глазами, поднял хобот и затрубил. После чего этим же хоботом он поднял Микулаша с пола и преспокойно засунул себе в рот, так как, судя по всему, за это время он сильно проголодался. Проглотив Микулаша, он облизнулся и сделал шаг к Леопольду. Но тот не стал дожидаться, когда его постигнет судьба друга, повернулся к мамонту спиной и помчался из кабинета в класс, а сам в это время думал: «Ничего себе дела! Микулаш сожран, теперь из этого раздуют грандиозный скандал».

А в это время на уроке пели «Сизая голубка, где ты была?» Товарищ учитель постучал смычком по парте, а когда ребята прекратили петь, в шутку спросил Леопольда:

— Ну, так как, сизая голубка? Где ты была?

Леопольд в ответ сказал:

— Извините, наши часы отстали.

А товарищ учитель заметил:

— Это очень интересно. А потом еще спросил: — А где Микулаш? Надеюсь, ты не станешь утверждать, что был один? Как будто я вас обоих не знаю!

Леопольд стал соображать, что бы такое ответить. Не мог же он сообщить, что Микулаша только что съел мамонт. Пока он думал, товарищ учитель сказал:

— Ну, так как? Я спрашиваю тебя, где Микулаш?

И вдруг из-за дверей раздается:

— Здесь!

Товарищ учитель оборачивается и видит — в дверях стоит огромный мамонт.

Тут все дети страшно завизжали, особенно Иренка, и спрятались под парты. Класс вдруг совершенно опустел, и казалось, будто визжат парты, корзина для бумаг и учитель, который спрятаться под парту не смог, потому что там уже не было свободного места. Он замер со скрипкой и смычком и был похож на памятник. А мамонт спокойно прошел к задней парте, на которой раньше сидел Микулаш, и запел немного в нос «Сизая голубка, где ты была?» скорей всего затем, чтобы восполнить то, что он пропустил.

К этому моменту, однако, в классе уже был товарищ директор вместе с паном школьным сторожем, и товарищ директор сказал:

— Что это значит? Почему здесь мамонт распевает народные песни? А где дети? Почему тут обучают только одного-единственного мамонта?

Затем, обернувшись к пану школьному сторожу, спросил:

— А почему мамонт не в кабинете? Я думал, что у вас все в полном порядке и что мамонт уже давно неживой. Вы вообще-то представляете, что может произойти?

Пан сторож ответил, что он не знает, как это могло случиться, а ученик Кветослав вылез из-под парты и сказал:

— Извините, я дотронулся до хобота, я думал, что он неживой.

А все девочки под партами зашептали:

— Оооо! Он дотронулся до хобота, а мамонт-то живой!

Тут мамонт перестал петь и сказал немного в нос:

— Не бойтесь, ничего особенного со мной не случилось, в мамонте я, Микулаш. Я могу им управлять, это страшно старый момонт, но когда я говорю ему: «Садись!» — он садится. И мамонт действительно очень ловко сел на последнюю парту, где обычно сидел Микулаш. Тогда все ребята вылезли из-под парт и также расселись по своим местам. А товарищ учитель, который к этому времени тоже понемногу пришел в себя, сказал:

— Леопольд, встань! Без тебя тут наверняка не обошлось. Как будто я вас обоих не знаю! Расскажи, как все было!

Леопольд встал, пожал плечами и сказал:

— Ну... мы ему делали искусственное дыхание, а потом он слопал Микулаша.

И Леопольд опять пожал плечами. А товарищ директор подошел к нему вплотную, взял его за плечо и стал выговаривать:

— Несчастный! Ну кто же делает мамонту искусственное дыхание? А с твоим одноклассником Микулашем что теперь будет? А его родители что на это скажут? Вот уж поистине великую радость вы оба им доставили! Так вот, останетесь после уроков и напишете шестьдесят раз каждый: «Не надо было делать мамонту искусственное дыхание!» Понял?

Ничего не поделаешь, пришлось писать: «Не надо было делать мамонту искусственное дыхание, не надо было делать мамонту искусственное дыхание...» — и так до бесконечно-

сти. У Леопольда вскоре заболела рука, а у Микулаша хобот, потому что писать передними ногами он не мог, это понятно. И вот пишут они, пишут, Микулаш и говорит Леопольду:

— Ну и скучища же все время так писать.

На что Леопольд ответил:

— Гммм!

И продолжал писать. А Микулаш вздохнул и сказал:

— Я давно уже мог быть дома!

В тот миг, когда он вздыхал, в голове у него вдруг мелькнуло: «А что на все это скажет мама? А папа?» Тогда он попросил Леопольда, чтобы тот проводил его домой: вместе все же лучше. Леопольд пообещал ему, что домой они пойдут вместе.

Отбыв наказание, они, как и договорились, пошли домой вместе. При их появлении на улице поднялась страшная паника. Трамваи остановились, прохожие стали прятаться под арками домов с криком:

— Мамонт, мамонт!

В магазинах меховых изделий возникла давка, кое-кто подумал, что вновь наступает ледниковый период.

Понятно, что и мама Микулаша, увидев в дверях мамонта, тоже страшно испугалась, но Леопольд сказал ей:

— Не бойтесь, он ничего плохого вам не сделает. Собственно говоря, это Микулаш, он находится внутри, и там ему даже хорошо. Там он как в вате.

А Микулаш сказал, произнося немного в нос:

— Факт, мама!

Но мама Микулаша отнеслась к этому небезразлично, она рассердилась и стала кричать:

— Что это еще за номера? Ну, Микулаш, погоди! Вот придет отец, ты у него схлопочешь!

Леопольд счел за лучшее отправиться восвояси. Он понял, что проку от него тут мало. А Микулаш сел за стол есть суп, мама же одергивала его:

— Не тяни из ложки! Сколько раз тебе нужно говорить — ешь прилично!

Но ничего не поделаешь, суп хоботом можно было только втягивать, даже если очень стараться есть прилично.

Куда хуже стало, когда пришел отец. Он снял пиджак и сказал:

— Это тебе так не пройдет!

Отец взял лестницу, приставил ее к мамонту, забрался наверх и попытался дать мамонту пару подзатыльников. Но проку от этого было чуть, пришлось спуститься обратно. И тогда он стал кричать:

— Вылезай из мамонта сейчас же! Вот вылезешь, я тебе покажу!

А маме сказал:

— Дай-ка мне вон те большие портновские ножницы. Микулаш хоботом сунет их в рот, потом вырежет ими в животе дыру и через нее вылезет.

Мама подала Микулашу ножницы. Микулаш осторожно взял их хоботом, стараясь не уколоться, но вместо того, чтобы сунуть ножницы в рот, задумался: «А зачем, собственно, мне это нужно? Зачем мне вылезать? Что приятное меня там ждет? Пока я в мамонте, ничего плохого со мною не случится. В школу ходить не надо. Спать могу до одиннадцати, как кролик. Никаких тебе уроков и так далее. Что может быть лучше?» — уговаривал себя Микулаш, а отец кричал:

— Ну, что там? Будешь резать или нет? Если не станешь резать ты, разрежу я, вот увидишь — хуже будет!

В то время как он это кричал, вошел пан школьный сторож и сказал:

— Только не режьте, пожалуйста, это очень ценный экземпляр мамонта, и я за него отвечаю. Я как раз пришел сказать, что в этом отношении вам нужно быть очень внимательным, чтобы не повредить. Ведь это школьное имущество.

Отца словно ошпарило. Он стоял и спрашивал:

— Скажите, пожалуйста, а как же его вынуть оттуда?

А пан школьный сторож пожал плечами и сказал:

— Это уже, извините, не мое дело.

И ушел.

Тогда мама вынула из фартука носовой платок и тихонько заплакала. Отец барабанил пальцами по стеклу окна, а Микулаш внутри мамонта потирал руки и думал про себя: «Так, стало быть, я — охраняемый мамонт, это здорово!» На радостях он поднял хобот и затрубил так, что в кухонном шкафу задрожали чашки.

И в самом деле, все шло так, как он себе это и представлял: днем ему не нужно было писать никаких упражнений, он слонялся по саду из угла в угол, хоботом срывал черешни даже с самых верхних веток. Вечером за столом никто не заставлял его есть вилкой и ножом — еду ему приносили в сад в баке для стирки белья. Перед сном ему не нужно было чистить зубы и мыть уши, потому что такие уши, какие теперь были у Микулаша, пришлось бы очень долго вытирать, а это вовсе не так просто. И Микулаш был на верху блаженства: здорово у него все получилось!

По утрам он спал до одиннадцати, потом еще полчаса потягивался. К этому времени в его стиральном баке лежал завтрак. Микулаш съедал его и отправлялся на прогулку. В городе уже никто Микулаша не боялся, все знали, что это не кто иной, как Микулаш, маленькие дети показывали на него пальцем и гонялись за ним. Микулаш же бродил по дорожкам, а когда ему это надоедало, он шел встречать Леопольда, потому что к этому времени как раз кончались уроки. Леопольд выбегал навстречу с портфелем и говорил:

— Привет, Микулаш! Ну и как?

А Микулаш отвечал ему немного гнусаво:

— Знаешь — здорово! Идем после обеда в парк?

Леопольд говорит:

— В три часа я иду в кино!

Микулаш пришел в восторг:

— Прекрасно! Я иду с тобой!

Однако можете себе представить, в кино его не пустили, сказав:

— Кино не для мамонтов!

Ничего не оставалось делать, как ждать Леопольда на улице. А когда Леопольд вышел, Микулаш спрашивает:

— Ну, как кино?

Леопольд воскликнул:

— Великолепно! Жаль, что ты его не посмотрел!

На следующий день Леопольд отправился на пляж.

Микулаш пошел с ним. Но кончилось все так же, как и с кино: Микулашу пришлось ждать за пределами пляжа. Его не пустили из опасения, что, если он станет купаться, вода выйдет из берегов и затопит кабинки с одеждой. Микулаш томительно ждал Леопольда, ему было жарко, он

начал злиться. А когда Леопольд накупался, Микулаш ему говорит:

— Завтра никуда не ходи, будем играть у нас в саду.

Но Леопольд на это ответил:

— Нет уж, даже и не подумаю! Завтра в три я иду в цирк, а ты играй с кроликами.

Сказал это и спокойно направился домой. А Микулаш кричал ему вдогонку:

— Ну, ты и друг, ничего не скажешь!

Но Леопольд даже не оглянулся.

И Микулаш остался один. Он не мог пойти ни с мамой в кондитерскую, ни с отцом на футбол. Чем дальше, тем больше портилось у него настроение, он видел, как ребята играют в волейбол, катаются на велосипеде, и думал: «Жаль! У меня велосипед марки «Фаворит» с переменой скоростей, только он мне теперь ни к чему».

И так было во всем. Микулаш страшно злился, он яростно трубил хоботом и думал, как выйти из положения.

Только выйти из положения было не так-то просто. Сколько Микулаш ни думал, ничего не приходило в голову. И тогда он решил: «Надо посоветоваться с Леопольдом, наверняка он что-нибудь придумает, ведь он много знает».

Вечером Микулаш отправился к нему, вошел в сад, постучал хоботом в окно, а когда Леопольд появился, Микулаш ему сказал:

— Ты себе не представляешь, какая скучища быть мамонтом.

Леопольд на это ответил:

— Гммм!

Микулаш продолжал:

— Я подумал, может, ты посоветуешь, как мне из мамонта выбраться.

А Леопольд почесал за ухом и сказал:

— Трудное дело, Микулаш. Я не знаю, что в такой ситуации можно сделать. Мамонтом я никогда не был. А знаешь что? Дам-ка я тебе кое-какие книжки, может, ты там что-нибудь и отыщешь.

И дал ему кое-какие книжки: «О бое быков», «Наука о здоровье» и несколько других. Микулаш читал их всю ночь, освещая страницы карманным фонариком. Хоботом пере-

ворачивал страницу за страницей, а мать с отцом смотрели на него из окна, качали головами и говорили:

— Чудо произошло! Удивительно, с чего это Микулаш заинтересовался учебой? Жаль, что он не сделал этого раньше. А теперь уже, к сожалению, поздно.

Представьте себе, однако, когда утром мама понесла ему завтрак в стиральном баке, то услышала от мамонта:

— Сожалею, но о еде даже думать не хочу, я чувствую подозрительные боли в животе. Все свидетельствует о воспалении слепой кишки, или, другими словами говоря, аппендикса.

Тут мама всплеснула руками и сказала:

— Этого нам еще не хватало!

И побежала за паном школьным сторожем. Пан школьный сторож прихватил с собой товарища директора, товарищ директор прихватил с собой ветеринарного врача, а ветеринарный врач прихватил с собой сумку, и все побежали в сад.

Ветеринарный врач спросил у мамонта:

— Ну? Где болит?

И мамонт показал хоботом на живот в правой нижней части. Ветеринарный врач сказал:

— Пардон! Разрешите!

И потрогал указанное место рукой. Тут мамонт затрубил так страшно, что у ветеринарного врача даже пенсне свалилось с носа. Подняв пенсне, он произнес:

— Это воспаление слепой кишки, или аппендицит. Рекомендую срочную операцию. И чем раньше, тем лучше. Завтра уже может быть поздно.

Но товарищ директор сказал:

— Минуточку! Это значит, что операция может основательно повредить мамонта, допустить такое нельзя, это ведь весьма ценный экземпляр нашего кабинета.

Пан же школьный сторож добавил:

— А я, извините, несу за него ответственность.

Но ветеринар произнес твердым голосом:

— Если сейчас же не сделать операцию, я опасаюсь худшего.

Тут товарищ директор с паном сторожем пожали плечами. В сад въехал большой фургон, мамонта погрузили, отвезли

в больницу, усыпили и вскрыли. А когда его вскрыли, Микулаш высунул голову и сказал:

— Добрый день! Если вы не возражаете, я вылезу отсюда. Сейчас половина третьего, а в три я хочу пойти с Леопольдом в цирк.

И все сказали:

— А! Вот она, причина, по которой у мамонта было воспаление. Признайся, Микулаш, что ты там натворил?

А Микулаш в ответ:

— Все очень просто, пустячок. Я хотел выбраться оттуда, поэтому понемножку раздражал слепую кишку своим красным свитером, как это делают с быками в Испании. Надеюсь, кое-что вам об этом известно. Надо было потрудиться, потому что слепая кишка совершенно слепая, пришлось надеть ей очки, и только после этого мне удалось добиться нужного результата. Сами знаете, чтобы найти выход из трудной ситуации, нужно кое-что знать.

И все воскликнули:

— До чего же умный мальчик этот Микулаш! Он знает, где находится слепая кишка и что делают в Испании во время боя быков. Да, он многое знает и умеет найти выход из трудного положения.

А Микулаш вернул Леопольду книжки и сказал:

— Эти книжки были то, что надо. Пожалуй, завтра я возьму у тебя еще.

В три часа они вместе отправились в цирк. А усыпленного мамонта зашили, поставили в школьный кабинет, и пан сторож трижды в день давал ему снотворное, чтобы он все время спал и больше не просыпался.

Гусеница

Гусеница есть гусеница. Гусенице постоянно хочется есть. И если кто-либо приглашает ее к столу, она не заставляет повторять приглашение дважды. Но очень скоро она вновь чувствует голод.

И вот одна такая гусеница решила поступить продавцом в овощной магазин, где имелся большой склад. Стала торговать овощами, но продавала немного, что неудивительно, все-таки гусеница оставалась гусеницей. Впрочем, и торговать-то особенно было нечем. А с тем, что поступало в продажу, гусеница и сама спокойно управлялась.

Выглядела гусеница превосходно, работа шла ей на пользу, настроение было прекрасное. Мысленно она хвалила сама себя: «Хорошо я придумала — поступить продавцом в овощной магазин. Так лакомиться мне еще никогда не доводилось».

Ничто, однако, не длится вечно. В один прекрасный день ее заставили отчитываться — порядок есть порядок, не может каждый делать то, что ему вздумается. Гусеница на это лишь улыбнулась и как ни в чем не бывало говорит:

— Обождите минуточку, не вовремя вы со своим переучетом. У меня как раз настало время превращаться в куколку. Не могу же я до бесконечности оставаться гусеницей. Ничто ведь не длится вечно, а порядок есть порядок. Впрочем, переучет не горит! Потом разберемся.

И превратилась в куколку. Ничего не поделаешь, пришлось ждать. Проходят недели, месяцы. А затем вдруг на свет является очаровательная бабочка, элегантная такая бабочка.

— Простите, что мне за дело до какой-то недостачи, что мне до какой-то зеленой гусеницы, я ее в глаза не видела.

И улетела как ни в чем не бывало.

Черепаха

У жирафы есть уши, у кошки есть уши, и у кенгуру есть уши. А у черепахи ушей нет. А могла бы их иметь, могла бы быть похожей на любое другое животное. Но сама виновата: она не любила песен. И сейчас вы убедитесь, до чего можно дойти, если жить бирюком.

Черепаха жила в одной комнате с птицей, а птица пела. Пела, как всякая другая птица, которая видит весну впервые, пела с утра до вечера. Черепаха же любила спать, время у нее в запасе было, могла спать хоть сто лет, она никуда не спешила, ничто ее не радовало, на этом свете она жила уже очень давно, и птица действовала ей на нервы.

Сперва она успокаивала себя: «Еще несколько лет потерплю. Не может же птица петь бесконечно! В будущем столетии и для меня покой наступит. К счастью, я черепаха».

Но уже через каких-нибудь семнадцать лет это ей смертельно надоело, и она пригласила на ужин кошку, которая питалась птицами.

Кошка пришла. Кошка была голодна, но вела себя по-светски. Она говорила:

— Хорошо тут у вас. Вид с крыши великолепный. Мне тут нравится.

А птица пела, как поют птицы, которые видят весну в семнадцатый раз. Кстати, а почему бы ей не петь? Гости ведь пришли не к ней.

Черепаха же хотела дать кошке понять, что если она приложит немного усилий, то поужинает птичкой.

Представьте себе, однако, кошке этого не хотелось. Она сказала:

— Я уже съела много птиц. Так что теперь они распевают у меня в желудке, вот послушайте!

И черепаха почувствовала себя совершенно несчастной — и там тоже поют! Она жаждала покоя, а вечер оказался испорченным. Этого она не вынесла. И сказала кошке:

— Простите, я должна привести себя в порядок, в таком виде я не могу сесть за ужин.

Она пошла в ванную и отрезала себе уши.

После этого для нее наступил покой. Она не слышала ничего, кроме тишины. Уши же ее лежали под умывальником, годные разве что кошке на закуску.

Кошка нисколько не обиделась. Давно уже ей не приходилось ужинать черепаховыми ушами.

Птица продолжала петь, кошка ела черепаховы уши. А когда доела, сказала:

— Отлично поужинала, до свиданья.

Черепаха на это ничего не ответила, потому что ничего не слышала. Кошка же подумала:

— Какая невоспитанная черепаха! И как только эта птица может жить рядом с нею?

Павлин — это старая прима-балерина

Кое-кто считает павлина красивой птицей. Но это неправда. Павлин не птица. Павлин — это старая прима-балерина, которая злится, что ей никто не аплодирует. Вам ведь доводилось видеть павлина?

Он и ходит-то, как старая прима-балерина, кричит, как старая прима-балерина, да и подпрыгивает так же. Многие глаз от него оторвать не могут. Ну и что! Многие жить не могут без балета. Многие так и не сумели оторвать глаз от павлина, и он прикрепил их себе на хвост, туда, где оказалось свободное место, чтобы глаза все время любовались им,

когда он, словно старая прима-балерина, вышагивает, неся на голове маленькую корону, потому что хочет, чтобы им всегда восхищались.

Глазам этим очень нравилось глядеть на павлина: он красиво движется, выражение лица делает такое, словно в этот момент принимает перуанскую делегацию или же слушает поздравительные телеграммы. Глазам это нравилось, но все, что длится слишком долго, в конце концов надоедает. В один прекрасный день глаза прозрели и стали смотреть в другую сторону. Павлин не единственное, чем можно любоваться. На свете столько интересного — ласточки, тюльпаны, бабочки. И глаза, которым стало неинтересно глядеть на павлина, стали смотреть на ласточек и на тюльпаны, на белых, желтых и синих бабочек.

Но павлин обратил на это внимание, оглянулся на хвост и тут же увидел, что глаза смотрят в другую сторону. Это его очень удивило. Ничего подобного он не допускал даже в мыслях. Павлин поднял крик: что это такое, как глаза смеют глядеть на бабочек вместо того, чтобы любоваться его гордой головой старой примы-балерины. И он не постеснялся кричать об этом весь день.

Кому охота слушать павлиний крик, приятного в нем мало. Глаза подчинились и опять стали смотреть на павлина, а он с еще более важным выражением лица делал вид, будто принимает орден Голубого кита.

Но смотреть на павлинью голову с маленькой короной было тягостно, хотя она и делала вид, будто принимает высокую награду. Это было тягостно еще и потому, что ласточки в небе показывали самые смелые свои номера, красные тюльпаны горели, как заходящее солнце, а бабочки летали над цветами, прощались с ними, махали им крыльями, словно платочками, и улетали.

«Чего только не насмотрятся эти бабочки,— думали про себя глаза.— Наверняка они видят реку и большой парк, а может, и луг со множеством цветов, видят весь этот веселый мир, которого мы уже давно не видели». Трудно было смотреть на бабочек, удержаться глаза не могли, все же они взглянули, хотя и знали, что им попадет.

Павлин действительно следил за глазами. Он разозлился и закричал, что он еще им покажет. Затем сломя голову

помчался в город, так, что только пыль за ним столбом стояла, купил в магазине целый ящик черных очков, надел их на хвост, и глаза вместо синего неба стали видеть мир черным и печальным. А довольный павлин смеялся: вот как он наказал глаза за то, что не хотели им восхищаться. Он смеялся своим мерзким смехом старой примы-балерины, злой оттого, что ей никто не аплодирует.

«Кажется, мы уже больше никогда не увидим белых, желтых и синих бабочек»,— думали про себя глаза, и им хотелось плакать. Но они решили, что плач последнее дело, что плачем ничего не изменишь, что лучше всего оставить павлина таким, какой он есть.

«А что, если улететь от него? — подумали глаза.— Что, если превратиться в ласточек?»

— Тогда уж лучше в бабочек! — решили некоторые. Остальным это понравилось.

— Вот только сумеем ли мы летать? — засомневался кое-кто.

Но потом пришли к выводу, что коль уж столько бабочек научились летать, должно быть, это не так трудно. Стоит только захотеть, и все получится.

— Улетим ранним утром! — договорились они между собой.— Пока павлин еще спит крепким сном. А когда проснется, мы будем далеко.

Когда утром павлин проснулся, глаз уже не было, хвост опустел, и вы не представляете себе, как это было некрасиво. Хвост походил на старый, дырявый веер, и каждый, кто его видел, спрашивал удивленно:

— Скажите, пожалуйста, что это за облезлая курица? И почему она так злится?

А глаза уже были далеко, они не слышали крика, летели над лугом, где стояла тишина и тысячи цветов источали аромат. Цветов, которые не делали вид, будто им вручают орден Голубого кита, цветов, которые улыбались, поворачивали свои головки в сторону летящих бабочек и говорили:

— Что это за новые, такие красивые бабочки? Ах, да ведь это бабочки павлиний глаз!

Плохо нарисованная курица

— Курица есть курица. Кто же курицу не знает! Всякому известно, как курица выглядит. Вот мы и нарисуем курицу,— говорит учительница детям.

Каждый из ребят, послюнив цветной карандаш, рисует курицу. Черным карандашом рисуют черную курицу, коричневым — коричневую. Но что это, смотрите: Якуб рисует курицу всеми карандашами, какие только у него есть, да еще и у Иванека одалживает. Курица получается оранжевой, крылья синими, ноги красными.

— Не кажется ли вам, дети, что курица получилась какая-то странная? — спрашивает учительница.

Глядя на курицу, дети покатываются со смеху.

— А все потому, что Якуб ненаблюдателен,— говорит учительница.

И в самом деле, курица похожа на индюка, правда, не совсем. Чем-то она напоминает воробья, чем-то павлина. С одного боку она жирная, как перепелка, с другого тощая, как ласточка. Необычная какая-то курица. Якуб получает за нее единицу, и курица, вместо того чтобы попасть на выставку, отправляется на шкаф. Там она чувствует себя оскорбленной, ничего на шкафу ее не радует, и, мысленно сказав себе: «А что мне тут делать?» — она улетает в открытое окно.

Но курица есть курица, далеко ей не улететь. Она завершает свой полет в соседнем саду. Там растут редкие сорта ягод — белая черешня и голубая смородина. Сад великолепный, по всему чувствуется, как любит его хозяин, профессор Пишта, знаток природы, большой авторитет в своем деле, специалист по птицам. Он уже написал семь книг о птицах и сейчас дописывает восьмую. Дописывает он ее и чувствует, что притомился. Тогда он отправляется покопаться в саду, пострелять скворцов. Работа не трудная, и при этом можно, как всегда, думать о птицах, которых такое множество. «Столько птиц на свете, а я, именно я, почему-то ни одной новой так и не открыл»,— думает он, и мысли эти печалят его. Ну, так вот, стреляет он скворцов, с вожделением мечтает о птице, никому еще не ведомой, и вдруг видит курицу, которая клюет голубую смородину, бесценную голубую смородину, выращенную вовсе не для курицы. Такая дерзость может вывести из себя кого угодно. Профессор в ярости, он никак не может попасть в курицу, наконец он изгоняет ее за забор, курица летит но... что такое? Профессор несется вслед за нею, перелетает через забор, преследует курицу, успевает догнать ее, хватает и тащит домой.

Курица необычная. Такая еще никому не известна. «У нее оранжевая голова, синие крылья и красные лапы,— записывает профессор.— Она похожа на индюка, но не совсем. Чем-то напоминает воробья, а чем-то павлина. Ку-

рица жирная, как перепелка, и в то же время тощая, как ласточка».

Написав все это в своей восьмой книге, дрожа от нетерпения, профессор нарекает курицу своей фамилией и несет в зоологический сад.

Курица есть курица, ну кому она интересна? Но эта курица заслуживает того, чтобы ею заинтересовались. В зоологическом саду суматоха: такая редкость тут появляется раз в двадцать лет, а то и реже, директор довольно потирает руки, служители готовят клетку, у маляра дел невпроворот.

— Клеть должна хорошо смотреться,— говорит директор,— и подстелите под нее что-нибудь мягкое.

И вот наконец несут табличку с надписью «Gallina Pištae».

— Ну, как? Красиво? Что вы на это скажете? Звучит, а?

Курица же чувствует себя превосходно, она тронута такой заботой, ни на что не жалуется, она в центре внимания посетителей.

— Столько народа здесь еще никогда не бывало! — говорит кассир.

Толпами приходят все новые и новые посетители, среди них и пани учительница, а с нею класс в полном составе. Она стоит перед клеткой и говорит:

— Только что, дети, вы видели лошадь Пржевальского, а теперь видите другую редкость, так называемую курицу Пишты, или по-латыни Gallina Pištae. Она немного похожа на индюка, но не совсем. Чем-то напоминает воробья, а чем-то павлина. Она и жирная, как перепелка, и тощая, как ласточка. Обратите внимание на оранжевую голову, синие крылья и красные ноги.

Дети ахают от удивления и говорят:

— Ах! До чего же красивая курица, правда, пани учительница?

А Иванек, вдруг вспомнив о чем-то, тянет учительницу за рукав:

— Да ведь это же Якубова курица!

Но учительница сердится:

— Ну, что за глупости ты говоришь, Иванек! Какая там Якубова курица? Кому нужно забивать себе голову какой-то Якубовой курицей? И вообще, где Якуб? Опять неизвестно где!

Ребенок этот и в самом деле бог знает куда забрел. Стоит, представьте себе, перед клеткой с муравьедом, глядит на муравьеда, тогда как он должен смотреть на курицу Пишты.

— Тебя что, курица Пишты не касается? — спрашивает повышенным тоном учительница и кричит на всю округу: — В следующий раз останешься дома, хватит с меня твоих фокусов!

Ничего удивительного: такое неумение видеть новое может кого угодно довести до белого каления.

Верблюд

Не подумайте, будто жизнь у верблюда легкая. Носит он на себе всякие ящики и коробки, а в них одни лишь бананы и апельсины. Таскает он их с утра до вечера, а закончив работу, идет покупать себе жвачку и жует ее. А что вы еще от него хотите? Это же его единственная радость, копеечная, но единственная.

Однако не все верблюды одинаковы. Один верблюд решил не тратить деньги на жвачку, а скопить их лучше себе на отпуск. На ящиках, которые он таскал, ему то и дело попадались необычные названия неведомых стран, неизвестных городов. Вот он и подумал: «А почему бы мне не побывать там? Что тут у нас хорошего. Ничего, несколько верблюдов, жующих жвачку, вот и все».

И вот покупает он билет, фотоаппарат и отправляется в путешествие. Нельзя сказать, что он в восторге от заграницы. Представьте себе: приходит он в какой-то иностранный ресторан и, куда ни глянет, видит, как там все жуют и жуют. Это выводит верблюда из себя, и он думает: «Ну, и верблюд же я! Ради этого я экономил, для этого я отказывал себе в единственной радости?»

И вернувшись домой, покупает себе жвачку и жует, как все верблюды.

Естествознание и победители при Ватерлоо

В школьном ранце кромешная тьма и уйма всяких вещей. Там и спортивные тапочки, и линейка, и футляр с авторучкой, и цветные карандаши, и разные учебники. В одном учебнике сплошь одни цифры, в другом множество королей и императоров, в третьем жирафы, слоны, лягушки, коровы, а также чайка-хохотунья и черепаха пятнистая. Вы ведь видели учебник естествознания, там огромное количество животных, но все они стоят и помалкивают, потому что боятся старой пятнистой чере-

пахи, которая любит, чтобы было тихо, и терпеть не может, когда кто-нибудь развлекается, играет в пятнашки или гуляет. Одних это устраивает. Скажем, ленивец рад, что никуда не нужно ходить, но некоторым действует на нервы. Например, семейству муравьедов с малышом, который однажды заявил:

— Хватит! Мне неинтересно все время стоять и таращить глаза. У меня уже ноги болят, хочу есть! И вообще, будем мы когда-нибудь обедать или нет?

Отец, однако, говорит:

— Ишь, разошелся! Мал еще! Радуйся, что живешь в тепле, другим муравьедам куда хуже. Тут, в ранце, хоть дождь не поливает.

Но мама, сочувствуя малышу, говорит:

— Ну, что ты, скажи на милость, толкуешь ему! Ведь он же ребенок! Стало быть, имеет право и побегать! А что до еды, то поесть немного муравьев ему бы решительно не повредило.

Но отец не любит возражений. Когда он был маленьким, то слушался каждого слова взрослых. Он кричит:

— Да, действительно, я кормилец семьи! Но откуда я возьму муравьев? Мы ведь живем в учебнике естествознания, где несколько своеобразные условия. Здесь, как известно, фигурирует один-единственный муравей всего-навсего, и тот неизвестно на какой странице. Пока я до него доберусь, меня самого кто-нибудь сожрет. Короче говоря, это очень трудно.

И продолжает кричать. Кричит он этак, кричит, как вдруг раздается сильный стук в стену. Стены-то из бумаги, все слышно! Слышно то есть, как рядом стучит старая пятнистая черепаха, которая, к несчастью, живет на соседней странице. Слышно, как она стучит и орет:

— А ну, тише! Мне триста лет! Имею я уже право на покой?

Но маленький муравьед словно не слышит ее и продолжает перечить отцу. Он говорит:

— Если ты не хочешь охотиться за муравьями, я пойду сам. Гляну-ка я в оглавление, узнаю, на какой странице живет муравей, и все дела! Возможно, он живет неподалеку от нас, мы же не знаем.

Сказав это, собрался и пошел, а мама вслед ему кричит:

— Будь осторожен! Ты ведь маленький, несмышленый!

А малыш в ответ:

— Хорошо, хорошо, буду осторожным! Ты мне лучше скажи, как муравей выглядит. Я в жизни муравья не видел.

Подумав немного, мама объяснила:

— Муравей очень маленький. Наверху у него головка, а внизу задик, он вроде... ну, как если нарисовать восьмерку или что-нибудь в этом роде.

И маленький муравьед, сказав про себя: «Ага!» — отправляется в путь, то есть перебирается на соседнюю страницу.

Но едва он туда вкарабкивается, как тут же видит пятнистую черепаху, по самое горло погруженную в море. Светит солнце, но черепаха злится и кричит:

— Что тебе здесь нужно, чурбан! Сперва там, на соседней странице, галдишь, как павиан, а потом еще и сюда ко мне лезешь! Убирайся прочь! Чтоб тебя тут не было! Слышишь?

Разъяренная, вылезает она из воды и толкает муравьеда задом, да так, что малыш вылетает из учебника естествознания, не успев даже «мама» сказать.

А вывалившись, спотыкается об линейку, теряет ориентацию, ничего не видит, потому что в ранце темно, хоть глаз выколи. Маленький муравьед подумал: «Привет! Тут темно, хоть глаз выколи. Интересно, сумею я найти дорогу назад?» И начинает пробираться ощупью, ощупывает он дорогу и нащупывает какую-то книжку. «Пожалуй, это будет то, что надо»,— произносит он про себя. Влезает внутрь, оглядывается вокруг и, хотя там и темно, различает множество восьмерок, построившихся, как солдаты, в колонну по два, в колонну по три, в колонну по четыре.

Малыш-муравьед удивленно глядит на них и думает: «Вот это да! Столько муравьев сразу! Ну и повезло же мне!»

Нет ничего удивительного в том, что он перепутал учебник естествознания с учебником арифметики. Муравьев он в жизни не видел, цифр тоже — ведь муравьед еще маленький, и хотя он многого пока не знает, не ждет, когда ему что-то свалится с неба. Стоит он, удивляется и думает: «Вот так случай!»

А поскольку был он голоден как волк, то раз-два — и принялся за муравьев. Не очень они ему пришлись по вкусу,

это верно, а вернее, они ему почти совсем не понравились, но он их ест и ест, пока не съедает почти весь арифметический пример 8888×888=... А так как арифметический пример этот трудный, малыш-муравьед чувствует, что он сыт им. Едва съев три восьмерки, он задумывается, надо ли есть четвертую. Наконец решает: «Кто знает, когда я в следующий раз буду обедать?» — съедает и добирается вплотную к знаку умножения. А добравшись к нему, обнаруживает на другом конце примера восемьсот восемьдесят восемь муравьедов.

Да и мог ли получиться другой результат? Один муравьед, съевший четырех муравьев и помноженный на восемьсот восемьдесят восемь, действительно дает именно восемьсот восемьдесят восемь муравьедов.

Дело в том, что у малыша-муравьеда никакого опыта обращения с цифрами нет, умножение для него китайская грамота, смотрит он на них, словно с луны свалился: откуда взялось столько малышей-муравьедов?

А восемьсот восемьдесят восемь маленьких муравьедов тоже смотрят на него, но им все кажется совершенно естественным, и поэтому они абсолютно спокойно говорят ему:

— Ну, что ты на нас уставился? Скажи лучше, где тут можно чего-нибудь поесть?

И всякое такое в том же духе.

Наш маленький муравьед старается хоть как-то прийти в себя и, когда это ему в какой-то мере удается, говорит:

— Что за глупый вопрос? Вокруг сплошь одни муравьи!

Малыши-муравьеды очень этим ответом удивлены, потому что муравьев они нигде не видят, кругом только цифры. Однако тут же принимаются их есть, едят жадно, съедают всякий пример на умножение, съедают все цифры и заодно знак умножения, так что муравьедов становится все больше и больше, пока они не заполняют весь учебник арифметики и пока их не становится девять миллионов, и они там едва помещаются.

Все малыши-муравьеды насытились, чувствуют себя отменно, и все спрашивают друг у друга:

— Куда бы нам теперь уйти? Не оставаться же нам здесь. Тут вообще повернуться негде. Куда бы это пойти и что бы это такое сделать?

А наш малыш-муравьед говорит:
— Тихо! Я хочу вас проинформировать о том, что можно предпринять. Возможностей немного. Дело в том, что мы в ранце. Мы можем пойти, скажем, в книгу для чтения, глянуть на стишки о весне. Или же порисовать цветными карандашами осенние листья.
Но малыши-муравьеды морщат нос, видно, что их это не очень интересует. А наш малыш соображает, что еще можно было бы сделать, и наконец произносит:
— Знаете что? Пойдемте ко мне, будем во что-нибудь играть. Ну, скажем, в пятнашки или в прятки.
Малыши-муравьеды захлопали в ладоши и закричали:
— Это мысль!
И вот, построившись в длинную колонну, они пошли.
Путешествие не из приятных, когда колонна в девять миллионов муравьедов куда-то идет в темноте. Галдеж стоит невообразимый, кто-то спотыкается о линейку, кто-то о спортивные тапочки. В конце концов они, разумеется, опять заблудились и, вместо того чтобы очутиться в учебнике естествознания, оказываются в учебнике истории. Наполеон как раз готовится к битве при Ватерлоо. Он сильно нервничает, кусает нижнюю губу. Кусает он свою губу и видит приближающуюся колонну муравьедов.
При виде девяти миллионов муравьедов Наполеон приходит в ярость и кричит:
— Только вас мне тут и не хватало! Неприятель каждую минуту может перейти в наступление, а у меня тут путаются под ногами девять миллионов муравьедов! Ну, до чего же мне не везет!
Малыши-муравьеды были ошеломлены тем, что видят. А видят они солдат, лошадей, пушки. Слышат о какой-то атаке и всякое такое. И решают про себя: «Это может быть даже интересно. Это может оказаться даже лучше, чем игра в прятки. Стоит принять участие в такой битве».
И наш малыш-муравьед говорит Наполеону:
— Послушайте, я думаю, что было бы совсем не бесполезно, если бы вы спрятали нас где-нибудь в клевере или на деревьях либо поставили на одном из флангов. Наше участие в битве могло бы сыграть решающую роль, посудите сами — нас девять миллионов!

Наполеон закладывает руку за борт мундира, задумывается, а затем говорит:

— Девять миллионов малышей-муравьедов и в самом деле могли бы произвести перелом в ходе сражения.

И он размещает муравьедов в клевере. А в разгар битвы они выбегают оттуда и заполняют собой все вокруг, они повсюду, словно кто-то рассыпал зерна мака. Девять миллионов муравьедов — это вам не пустяк.

Неприятель видит их и естественно теряет голову. На такое он, разумеется, не рассчитывал. Неприятель впадает в панику, бросает оружие и пускается наутек со всех ног. А Наполеон стоит на пригорке, наблюдает за ним в подзорную трубу и думает: «Так-то вот!»

Затем он обращается к муравьедам и говорит:

— Вы меня по-настоящему порадовали. Без вас битву при Ватерлоо я, пожалуй, проиграл бы. Я с удовольствием пожал бы каждому из вас лапу лично, но это чересчур задержало бы нас. Вас ведь девять миллионов. Но я могу проводить вас хотя бы до учебника естествознания. Дело в том, что в ранце темно, хоть глаз коли. Я посвечу вам, только забегу на минуточку к Эдисону за электрическим фонариком. Я мигом!

Вот так, немного подождав, малыши-муравьеды все вместе отправляются в путь. Впереди идет Наполеон и освещает дорогу. Вмиг все оказываются в учебнике естествознания. Кого ни встретят, каждый их приветствует: слон торжественно трубит, кит в их честь запускает фонтан, попугай до тошноты мелет приветственную речь, а малыши-муравьеды все идут и идут, перелезают со страницы на страницу, и повсюду их встречают так же торжественно, и все животные присоединяются к колонне, пока не приходят на ту страницу, где живет старая злая пятнистая черепаха. Увидев малыша-муравьеда во главе колонны, она вылезает из воды и вопит:

— Не лезь ко мне сюда, чурбан, а то получишь по шее так, что голова закружится!

Все животные и все малыши-муравьеды закричали:

— Фу! Разве можно так себя вести? Так-то вы обращаетесь с победителями при Вотерлоо?

А слон подходит вплотную к пятнистой черепахе и говорит:

— Милая пани, мы по горло сыты вашими придирками.

Что это за жизнь — все время стой и помалкивай. С сего дня этому конец! Здесь девять миллионов малышей-муравьедов, которые победили в битве при Ватерлоо. Они вас нисколько не боятся!

А рыба-кит говорит:

— Да что с вами долго разговаривать! Извольте в течение двух минут покинуть учебник естествознания!

И старая злая пятнистая черепаха, видя неоглядные шеренги малышей-муравьедов, понимает, что ничего не поделаешь. Она предпочитает покинуть в течение двух минут учебник естествознания. А все животные громко ликуют, малыш-муравьед перелезает на следующую страницу и оказывается дома у мамы и папы. За ним туда же перелезли и все остальные. Мама удивляется и кричит:

— Посмотри, отец, наш мальчик привел с собой приятелей! Вот весело теперь будет!

С той поры в учебнике естествознания жизнь идет совсем по-другому. Слон трубит, муха жужжит, лягушка прыгает, корова мычит. Над всем этим хохочет чайка, а девять миллионов малышей-муравьедов играют во всевозможные игры — в пятнашки, в прятки и даже в школу. Им это нравится, потому что у них есть все необходимое для учебы — линейка и цветные карандаши, тетради, учебники. И среди них учебник арифметики, учебник истории, учебник естествознания. А в том учебнике естествознания недостает только пятнистой черепахи. Загляните в него сами. Наверняка вы ее там не встретите.

Остров для шести тысяч будильников

Представьте себе маленький синий будильник, который еще никогда никого не будил и не может дождаться, когда это случится. Он не думает ни о чем другом, кроме звона, голова только тем и занята. Он спрашивает у каждого: как это делается?

Наконец его покупает один пан, заводит ровно на шесть часов. Ну можете себе представить, будильник всю ночь не спит, тревожится, как бы не проспать, считает минуты и предвкушает блаженство, когда зазвонит.

«Я должен будить точно»,— говорит он себе, радуясь тому, что рассуждает, как взрослый будильник.

И вот наступает пять часов, вот уже без пяти шесть, еще минутку, будильник скажет «пора», откашляется и зазвонит.

И он звонит, звонит так громко, как пятнадцать будильников, вместе взятых, звонит непрерывно, словно течение Гольфстрим, упруго, как наполненные ветром паруса четырех парусников, звонко, как девять жаворонков и четверть кило сильно замороженных фруктов. И это действительно великолепно, потому что у будильника молодой голос, он смел, у него восторженное сердце.

Ну, и что бы вы думали? Вдруг он получает подзатыльник этак побольше хорошего блюда для салата. Он ошеломлен, радость как рукой сняло. Еще бы! Подзатыльник есть подзатыльник, кому приятно его получать? Весь день будильник под впечатлением этого, весь день случившееся не выходит у него из головы. Наконец делает для себя вывод: «Видимо, я будил не очень точно. Люди особенно остро воспринимают точность». Он решает, что впредь будет точнее.

Ночью будильник сильно нервничает, утром от страха почти не дышит и будит так точно, что точнее уже просто немыслимо.

Ну, и что же вы думаете? Получает оплеуху с кресло-качалку.

«В чем же дело?» — размышляет будильник. Он сам не свой, его одолевает любопытство, ему хочется ясности. Он страшно любит будить, готов отдать за это все на свете, но оплеухи портят ему радость. Поразмыслив, он говорит себе: «С точностью перебарщивать тоже нельзя. Пан хочет поспать, и в этом нет ничего плохого, он имеет на это право. Стану будить его на четверть часа позже».

И утром будит в четверть седьмого.

И что вы думаете? Получает оплеуху с овощной киоск.

«Ага! — говорит себе будильник.— Когда я бужу точно — получаю подзатыльник, бужу позже — получаю оплеуху. Стану будить пораньше, пан ранняя пташка. Плохо я все-таки понимаю людей».

И утром будит без четверти шесть.

Ну, и что бы вы думали? Получает оплеуху с монумент двум деятелям науки.

Тут будильник уже охватывает отчаяние. Он доведен до слез, в голову приходит безумная мысль, и он решает не звонить вообще.

И действительно, утром даже не звякает, молчит и ждет — что будет. И на тебе! Ничего не происходит, все спокойно. И будильник чувствует, что у него камень с души свалился. Он думает про себя: «Наконец-то я понял!» Довольный, потирает стрелки и удовлетворенно вздыхает. Но в половине девятого ни с того ни с сего получает такую оплеуху, словно его шарахнул трехтрубный ледокол.

Сами понимаете, будильник приходит к выводу, что с него хватит, собирается и на цыпочках выходит из дома. Другими словами говоря, он отправляется поинтересоваться, нет ли на свете еще такого же несчастного будильника, который любит будить, который только об этом и думает, но бит независимо от того, звонит он или нет.

И представьте себе, ему улыбается счастье: он встречает будильник, похожий на него. У того также есть циферблат и стрелки, только он весь красный.

— Ну, что? Как тебе будится? — спрашивает наш весь синий будильник.

— Ааа! — говорит красный будильник.— Когда бужу точно — получаю оплеуху, бужу с опозданием — получаю оплеуху, бужу раньше — получаю оплеуху. А когда вообще не бужу, получаю такую оплеуху, словно врезается в меня трехтрубный ледокол.

— Как мне кажется,— говорит синий будильник,— все мы в этом смысле в одинаковом положении. Давай созовем будильники и посоветуемся.

И они созывают на ночь все будильники в парк.

И вот наступает ночь, на небе светят звезды, в парке циферблат на циферблате, шесть тысяч будильников ждут, что произойдет, тиканье слышно даже на площади города.

Когда все будильники в сборе, синий будильник говорит:

— Перестаньте тикать, а то не услышите, что я скажу.

И будильники перестают тикать, слушают, что скажет синий. Синий будильник говорит:

— Будильники! Мы любим будить! Плохо ль это? Ведь мы — будильники! Мы не позволим, чтобы нам раздавали оплеухи ни за что ни про что!

— Да! — закричали будильники.— Мы сыты оплеухами до последней шестеренки!

— Будильники! — говорит синий.— У нас прекрасное предназначение! Кто хоть однажды звонил, знает, что нет на свете ничего прекрасней. Но оплеухи все портят! Я предлагаю уйти куда-нибудь, где мы станем будить, не получая за это оплеухи!

— Пошли! — закричали будильники.— О чем разговор!

Они снова принялись тикать, и пошли, и пошли, пока не пришли к синему морю. Там они сели на пароход и поплыли.

Плыли они до тех пор, пока не приплыли к острову, который оказался размером как раз для шести тысяч будильников.

— Будильники! — сказал синий.— Вот наша земля обетованная, здесь мы можем будить с утра до вечера и никого не разбудим.

Будильники, тронутые его речью, кричат «Ура!», принимаются звонить и звонят непрестанно, звонят, как кому хочется. Таким образом, вдруг посреди синего моря оказывается маленький серебристо-звонкий остров. И это великолепно! Ну, что вам рассказывать про это? Это как множество течений Гольфстрим, стаи жаворонков, парусные яхты и множество сильно замороженных фруктов, вместе взятых!

Маленькая древесная лягушка

Дети всегда доставляют много хлопот. Появится на свет, например, маленькая древесная лягушка, и отец с матерью, вполне понятно, хотят, чтобы она была прилично одета. Они отправляются в магазин готового платья купить красивый, защитного цвета плащ. Но вы же сами знаете, малышке он не нравится, она хотела бы синее пальтишко с бог весть какой застежкой. А отец ей говорит:

— Не сходи с ума! Все древесные лягушки носят плащи защитного цвета.

А малышка кричит:

— Как же! На небе ни облачка, а я буду ходить, как ненормальная!

Но мать говорит:

— Замолчи! Переживешь как-нибудь. Попадешь в своем пальто под дождь и что будешь делать? Надо наперед думать!

И покупается плащ защитного цвета. Только с того дня малышка начинает вести себя вызывающе. Из дому выходит непременно в то время, когда собирается дождь. Терпение у родителей лопается, и отец говорит:

— Сиди дома! Скоро дождь хлынет как из ведра.

А маленькая древесная лягушка отвечает дерзостью:

— Зачем же в таком случае вы мне покупали плащ?

И преспокойно уходит из дому, преспокойно гуляет, и каждый, кто ее видит, говорит:

— Дождь будет. Маленькая древесная лягушка опять вышла на прогулку.

О макаронах, которые отправились на прогулку

Лежать в какой-то коробке и ничего не видеть вокруг, наверное, ужасно скучно. Однако случается такое.

В одной кладовке именно так лежали в коробке и скучали штук сто двадцать макарон. А поскольку макароны были настоящие, итальянские, то и говорили они по-итальянски:

— Ну и скучища! Ну и скучища!

— Скука такая, что хочется выть и кусаться,— сказала одна макаронина.— Чего доброго, еще перегрыземся до смерти.

— В сухом виде мы не съедобны,— сказала третья.

— А что, если нам прогуляться куда-нибудь, взглянуть, что делается вокруг, ведь на свете так много интересного? На свете есть карусели и качели, всякие концерты, роскошные рестораны, зоологические сады, и чего еще только нет на свете!

— Хорошо,— сказала девятая макаронина,— только разве нас пустят хоть куда-нибудь? Увидят нас и скажут: «Ага! Макароны появились!» Схватят, и конец прогулке.

— Нам нужно принять такой вид, чтобы нас никто не узнал,— сказала тридцать седьмая макаронина.— Давайте наденем плащи и шляпы.

Шли они по улице, было их сто двадцать, а прохожие говорили:

— Глядите-ка, туристская группа.

А макароны время от времени останавливались и спрашивали по-итальянски:

— Скажите, пожалуйста, где у вас можно что-нибудь интересное увидеть?

— Трудно сказать,— отвечали прохожие,— мы не знаем итальянского, но если вы хотите увидеть что-то интересное, то у нас тут есть карусели и качели, разные концерты, роскошные рестораны и зоосад и много еще чего.

— Ну, в таком случае, скажем, сперва карусели и качели, а затем концерты и зоосад,— решили макароны.

— В таком случае сперва пойдете так, а потом вот так,— объяснили прохожие.

И макароны пошли. Они увидели карусели и качели, концерты и зоосад, все это было очень интересно, но в конце концов макароны замерзли, было холодно ногам, и тогда они решили:

— Все было очень интересно, хорошо бы и остальным макаронам это видеть, а теперь пойдем посидим в каком-нибудь ресторане.

И пошли они в ресторан, чинно уселись и стали разговаривать между собой по-итальянски.

Услышал их официант и подумал: «Доставлю-ка я им удовольствие и подам итальянские макароны, пусть полакомятся».

И в самом деле принес им макароны.

Сами понимаете, макароны были приятно удивлены — и те, что сидели за столом, и те, что лежали на тарелках. Они тут же сказали друг другу:

— Вот так встреча! Как вы тут оказались?

— А,— сказали одни макароны,— от скуки мы едва не перегрызлись и решили устроить маленькую прогулку. Но так как у нас болели ноги, мы зашли сюда.

— Как же мы до этого не додумались,— сказали те макароны, что лежали на тарелках,— могли бы и мы кое-что увидеть.

— Это никогда не поздно. Мы уже кое-что повидали, а вы еще нет. Давайте поменяемся местами. Вы наденете наши плащи и шляпы, мы заберемся в тарелки, все очень просто. Ну, давайте!

И макароны, те, что были на тарелках, спрыгнули на ковер. Но метрдотель прибежал и сказал гостям:

— Простите, хотя я и не умею говорить по-итальянски, однако замечу: как вы себя ведете? Все макароны на ковре! Я думал, вы умеете есть макароны!

И побежал за метелкой и совком.

— Вот вам плащи и шляпы,— сказали одни макароны другим макаронам,— одевайтесь, а мы тем временем заберемся в тарелки.

И они забрались в тарелки, обмакнули ноги в теплый соус и почувствовали себя хорошо.

А метрдотель прибежал с метелкой и совком и видит: никаких макарон на ковре нет, а гости уходят. Он очень удивился:

— Почему же вы уходите? — спросил он.— Вам не понравились макароны?

— Простите,— ответили уходящие макароны,— как можно есть макароны, которые еще не сварены? Разве настоящие итальянские макароны едят сухими?

А метрдотель глянул и видит: на тарелках действительно лежат сухие макароны. Он очень извинялся, сам же думал: «Какой позор!»

А макароны, те, что были в плащах, улыбались ему и говорили:

— Ничего, с каждым такое может случиться.

Они помахали сухим макаронам и пошли посмотреть на качели, карусели и на остальной свет, где так много интересного.

Снеговики и чудо жизни

У солнца всегда есть что делать — будить людей, сушить белье. Трудится оно непрестанно с самого утра. Без него ни пионы не цветут, ни смородина не зреет. Солнце — источник жизни. Но кое для кого солнце может стать и источником смерти. Звучит это, возможно, и неубедительно, но если хотите убедиться, спросите об этом у снеговиков.

Жизнь сложна. Счастье одного может быть несчастьем для другого. К сожалению, это так, ничего не поделаешь, приходится с этим смириться.

Однако объявились два снеговика, которые мириться с этим не собирались. Когда-то они слышали о цветах, о черешнях и абрикосах и захотели все это увидеть. За свою жизнь они только и знали снег да черные ветви деревьев. У них было полное право думать, что бабочка — это пустая выдумка.

Размышляя таким образом, они решили, что есть смысл во всем убедиться самим.

Короче говоря, они решили во что бы то ни стало дожить до лета.

Следует признать, что с их стороны это было прекрасно. Полная противоположность жизненной пассивности, которую мы так часто наблюдаем вокруг.

Средний возраст снеговика колеблется в пределах трех месяцев. Начинает пригревать солнце, и все кончено. Снеговики решают: «Прежде чем начнет пригревать солнце, нам надо скрыться».

И вот в один прекрасный день оба являются к директору городского холодильника. Директор удивлен, но делает вид,' будто осмысливает предложение, а сам думает: «А почему бы и нет? Места в холодильнике достаточно, стремление этих двоих в целом симпатично».

И вот снеговики переселяются в склад, там темно и лежат огромные глыбы льда. Скучно немного, но они уговаривают себя: «Терпение вознаграждается розами, будем терпеть, по крайней мере, увидим хоть, как розы выглядят».

И они стали терпеливо ждать. Пока ждали, делились впечатлениями из собственной жизни: о том, как видели двух ворон и четверых ребят. Вспоминали об этом, как о чуде. Порою жизнь может быть очень скудной. Кто-то вспоминает Венецию, кто-то двух старых, неуклюжих ворон.

Однажды утром является директор с карманным фонарем и говорит:

— Пошли! Там уже началось, лето в полном разгаре.

У снеговиков сильно забились сердца, они пошли и вдруг ощутили дуновение горячего воздуха. От яркого солнца зажмурили глаза, а когда открыли их, то увидели деревья, покрытые зеленой листвой, увидели желтые тюльпаны и белые розы, красную смородину, розовую малину и множество синих бабочек.

Стоят оба снеговика среди всего этого, не в силах вымолвить ни слова, и понемногу тают. А директор не знает, что сказать. Он понимает их душевное состояние. Мимо пролетает ласточка. Директор отворачивается к солнцу, чихает и говорит:

— Это ласточка. Она прилетает к нам из дальних стран.

Снеговики смотрят на ласточку, как на чудо. А ласточка смотрит, как на чудо, на двух маленьких снеговиков, она никогда ничего подобного не видела. Смотрит и думает: «Я, вероятно, теряю разум. Вокруг все расцветает, а эти двое становятся все меньше и меньше».

Поистине жизнь невероятна. Два маленьких снеговика восхищаются ласточкой, восхищаются всеми невозможными чудесами вокруг и от наплыва чувств плачут, чем дальше, тем больше. И чем дальше, тем все меньше и меньше становятся. А директор чем дальше, тем чаще отворачивается к солнцу, чтобы чихнуть. И когда наконец он протирает платком глаза, то не видит снеговиков. Лишь в траве, словно гроздь драгоценных камней, переливаются на солнце капельки слез.

Содержание

Мацоурек М.

М36 Плохо нарисованная курица: Сказки/Пер. с чешск. Серобабина А.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1989.— 272 с.: ил.

ISBN 5—7529—0157—X

В пер.: 3 р.

Эта книга — первое издание на русском языке сказок современного чешского писателя Милоша Мацоурека. Поэт, прозаик, драматург, сказочник, Мацоурек предлагает своим читателям расшевелить воображение, посмотреть вокруг глазами веселого и насмешливого фантазера. Занимательные истории о животных, фантастические, невероятные приключения мальчишек и девчонок, забавные, странные события из жизни вещей, придуманные Мацоуреком, широко известны в Чехословакии, во многих других странах, теперь и нашим читателям предстоит познакомиться с ними.

Для детей младшего и среднего школьного возраста

М $\frac{4804010100-038}{М158(03)-89}$ 63-89 ББК 83.34Че

Милош Мацоурек
ПЛОХО
НАРИСОВАННАЯ КУРИЦА

Редактор *Е. В. Черняк*
Художник *Г. А. В. Траугот*
Художественный редактор *Н. В. Данилов*
Технический редактор *Н. Н. Заузолкова*
Корректоры *Т. В. Сергеенко, М. А. Казанцева*
ИБ № 1801

Сдано в набор 28.04.88. Подписано в печать 10.05.89. НС12102. Формат $84\times108^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,6. Усл. кр.-отт. 77,4. Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 50 000 экз. Заказ № 419. Цена 3 р.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24.

Ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга» Госкомиздата РСФСР. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

3 руб.